

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПРЕЗИДЕНТСКОГО ФОНДА
КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И АКТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ УЧЕНЫХ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И АКТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ УЧЕНЫХ

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
И АКТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ УЧЕНЫХ

Сборник научных статей

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2024

УДК 94
ББК 63.3
П26

Издано при поддержке Президентского фонда культурных инициатив

Ответственный редактор

А. А. Адылов

Рецензенты

А. А. Хитров, д-р ист. наук, профессор

Калининградского государственного технического университета;

Е. С. Манюк, канд. ист. наук, директор

Калининградского областного историко-художественного музея

П26 Первая мировая война в исторической памяти и актуальном дискурсе ученых : сборник научных статей / под ред. А. А. Адылова ; Балтийский федеральный университет им. И. Канта. Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. — 199 с.

ISBN 978-5-9971-0898-4

Представлены научные статьи, подготовленные на основе докладов, которые были прочитаны на международной научно-практической конференции «Первая мировая война в исторической памяти и актуальном дискурсе ученых». Конференция была проведена 23 августа 2024 г. в Калининграде в рамках исторического фестиваля «Первая мировая. Судьба России и мира», организованного АНО «Фестивальная дирекция» при поддержке Российского военно-исторического общества, Правительства и Министерства по культуре и туризму Калининградской области. Среди авторов статей — ведущие исследователи истории Первой мировой войны из России и Белоруссии, а также специалисты, занятые практической работой по увековечению памяти об этой войне в Калининградской области РФ.

Статьи посвящены широкому кругу вопросов, связанных с изучением истории Первой мировой войны, современной политики памяти об этом событии всемирно-исторического значения. Предназначено для читателей, интересующихся историей Первой мировой войны.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-9971-0898-4

© БФУ им. И. Канта, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гайда Ф. А.</i> Император Николай II и его правительство о задачах России в Первой мировой войне	5
<i>Трусов В. А.</i> «Бывшие тут немцы смотрели на нас враждебно»: возвращение семьи великого князя Константина Константиновича из Германии в Россию после начала Первой мировой войны как эпизод русской истории Восточной Пруссии	16
<i>Адылов А. А.</i> «Шлю вам привет с бывшей границы»: князь императорской крови Игорь Константинович в Восточной Пруссии в августе — сентябре 1914 года по свидетельствам очевидцев и своим собственным	27
<i>Афонин И. В.</i> Парад в Инстербурге 5 сентября 1914 года	33
<i>Новиков А. В.</i> Надежда Плевицкая: подруга великой княгини Ольги Александровны и сестра милосердия в кампании 1914—1915 годов в Восточной Пруссии	45
<i>Ипатов А. М.</i> Оборона крепости Осовец в современных отечественных научных исследованиях и в исторической памяти	57
<i>Нелипович С. Г.</i> Пасхальные перемирия на Русском фронте Первой мировой войны	68
<i>Вальдман Д. А.</i> Император Николай II и великий князь Николай Николаевич как Верховные главнокомандующие в восприятии протопресвитера Георгия Шавельского	79
<i>Хотеев А. С.</i> Первая мировая война в освещении белорусскими епархиальными ведомостями	87
<i>Киселёв А. А.</i> Эвакуация и изменения в численности полиции белорусских губерний в годы Первой мировой войны	100
<i>Мищенко В. В.</i> Русские сектанты и их отношение к Первой мировой войне (по материалам епархиальных ведомостей)	111
<i>Чистяков О. В.</i> Георгиевский комитет великого князя Михаила Александровича: структура и деятельность	119
<i>Сушко В. В.</i> Религиозная ситуация на территории Беларуси в годы Первой мировой войны	125

<i>Юркевич Е. И.</i> Оружие Романовых времен Первой мировой войны в коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи	137
<i>Маслов Е. А.</i> История государственной охраны наследия Первой мировой войны в Калининградской области	155
<i>Панченко А. А.</i> Тема Первой мировой войны в коллекции и просветительской деятельности Багратионовского музея истории края	166
<i>Гусаров В. В.</i> Благоустройство воинских захоронений Первой мировой войны: опыт «Технополиса GS»	172
<i>Гронский А. Д.</i> Первая мировая война в отражении украинских и белорусских школьных учебников	186

Ф. А. Гайда

МГУ имени М. В. Ломоносова
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВО О ЗАДАЧАХ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Рассмотрены представления императора Николая II и членов его правительства о задачах России в Первой мировой войне. Сделан вывод, что конфликт имел для империи оборонительный характер. При этом изменения в Европе и мире должны были стать кардинальными, что требовало учета коренных российских интересов. Предполагалось объединение всех польских земель под скипетром российского царя. Россия претендовала на Галицию и Восточную Пруссию. Обладание ими позволяло получить удобную границу в районе Карпат и на Балтике, а также незамерзающий порт Кёнигсберг. После вступления в войну Османской империи Россия также претендовала на Константинополь, Проливы и Великую Армению. Российские требования были удовлетворены союзниками по Антанте путем заключения ряда дипломатических соглашений. Революция 1917 г. помешала реализации этих планов, но они были частично воплощены в 1945 г.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Николай II, А. В. Кривошеин, Царство Польское, черноморские Проливы, Восточная Пруссия*

Российская империя вступила в Первую мировую войну как сторона обороняющаяся. Внешняя политика страны после 1905 г. стала гораздо более осторожной. Резко возросла роль министра иностранных дел, с которым монарх согласовывал

все внешнеполитические решения. Перед лицом нарастающей напряженности в Европе император Николай II и его правительство вели себя сдержанно, особенно если сравнить это поведение с ультрапатриотизмом либеральных и националистических общественных кругов [4, с. 261—264, 374]. Однако после объявления войны Германией вооруженный конфликт стал фактом. В манифестах о войне с Германией и Австро-Венгрией подчеркивался оборонительный характер войны и достаточно подробно описывались враждебные действия Центральных держав [13; 14]. В опубликованной газетами речи 20 июля 1914 г., произнесенной с балкона Зимнего дворца, Николай II подобно Александру I в 1812 г. заявил, что не подпишет мира «до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей» [2].

С началом войны монарх хотел принять на себя верховное командование, но уступил мнению своих министров. Император также прекрасно понимал, что победить можно только при условии общенационального единства. С самого начала власть демонстрировала готовность идти навстречу общественности. В помощь фронту были созданы всероссийские общественные организации (Земгор, позднее также военно-промышленные комитеты), которые получали огромные казенные ассигнования без какой-либо отчетности. Основную роль в организациях играли либеральные общественные деятели. Состоялось экстренное «историческое заседание» Государственной Думы, на котором провозглашалось «священное единение» с целью победы. Российская общественность с первых же дней войны прямо высказывалась в печати и с думской трибуны в пользу решения как внешне-, так и внутривнутриполитических задач. Под лозунгом отказа от «внутренних распрей» подразумевались и немедленные, и послевоенные уступки со стороны власти [4, с. 374—383].

С лета 1915 г. возобновилась регулярная деятельность парламента. Были созданы Особые совещания, с помощью которых общественность получила прямую возможность влиять на решения исполнительной власти. Лишь в августе 1915 г. после оставления Варшавы Николай II впервые позволил себе пойти наперекор общественному мнению и принял на себя верховное

командование [Там же, с. 511—512]. Стоит отметить, что и отступление на фронте после этого вскоре прекратилось, что быстро примирило общество с принятым решением.

Военные события сразу приобрели такой масштаб, который делал неизбежной полную перекройку карты Европы и мира. Эти изменения, разумеется, должны были учитывать интересы России. Первоочередным и наиболее дискуссионным вопросом, как и следовало ожидать, оказался польский. Дополнительную остроту он получал в силу того, что затрагивал сразу и внешнюю, и внутреннюю политику. Воззвание к полякам Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (Младшего) от 1 августа 1914 г. призывало их сплотиться вокруг России, поскольку ее победа должна была привести к объединению всей Польши: «Поляки! Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться. Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его с Великой Россией. Русские войска несут вам благую весть этого примирения. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении. Одного ждет от вас Россия — такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история» [16]. Таким образом, однозначно осуждались разделы Польши 1772—1795 гг., в которых принимала участие Российская империя, и, следовательно, воскрешался лозунг «границ 1772 г.», так воодушевлявший мятежников 1830—1831 и 1863—1864 гг. Сама постановка вопроса создавала проблему: Россия будет бороться за свои государственные интересы или за национальные интересы Польши?

Основным автором текста воззвания Николая Николаевича был неформальный лидер правительства, главноуправляющий земледелием и землеустройством А. В. Кривошеин, мать которого была полькой. Обсуждение текста вызвало бурные прения в Совете министров, и в результате документ вышел не за подписью царя (в виде манифеста), а от имени великого князя [19]. Уже 2 октября 1914 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов

составил для императора записку по польскому вопросу, в которой предлагал учредить наместничество в этнографических границах Польши и предоставить полякам автономию в местных хозяйственных вопросах. Чиновники в соответствии с проектом обязаны были знать польский язык и местные условия, их национальность, а также язык делопроизводства не определялись [17, л. 5—6]. Вполне очевидно, что речь шла преимущественно о поляках и польском языке. Однако, несмотря на желание Сазонова решить вопрос без участия всего правительства, проект был вынесен Николаем II на обсуждение Совета министров [21, с. 274—275].

Встречный проект Кривошеина от 30 октября также определял границы Польши по этническому признаку, открывал доступ полякам к государственной службе (при условии знания русского языка), обязывал чиновников знать польский язык, вводил его в делопроизводство местного самоуправления. Административное и судебное делопроизводство оставались на русском языке, но при сохранении права населения обращаться в государственные органы и получать ответ на польском. Русский язык использовался для части предметов средней и высшей школы (словесность, география, история, право), польский — в начальной и для большинства предметов средней и высшей школы; русское население могло применять русский язык в делопроизводстве местного самоуправления и в обучении. Предусматривалась свобода вероисповедания при сохранении за Православной церковью статуса господствующей. Наместник получал право надзора за законностью и целесообразностью решений органов местного самоуправления, право их роспуска, а также утверждения председателей [17, л. 19—20]. Таким образом, проект Кривошеина был более консервативен в вопросе языка, но в целом солидарен с сазоновским.

Министры юстиции И. Г. Щегловитов, внутренних дел Н. А. Маклаков и народного просвещения Л. А. Кассо составили и также 30 октября внесли на рассмотрение правительства свою записку [Там же, л. 2]. «Сазонов ни одной провинции еще не завоевал, а одиннадцать губерний отдал», — мрачно острил Маклаков [11, с. 58—59]. В записке утверждалось, что польский вопрос необходимо было предрешить еще до окончания войны,

чтобы избежать «нового Берлинского конгресса», то есть международного разрешения польской проблемы. Делопроизводство в органах самоуправления предполагалось на польском, а в администрации и суде — на русском языке, польских чиновников могло быть не больше, чем русских. Маклаков также предложил ввести польского наместника в состав Совета министров. Министры не выступали против этнографического принципа, но из состава будущей автономии им предлагалось исключить Сувалкскую губернию (преимущественно литовскую по населению). Наряду с этим проект трех министров сопровождался запиской неизвестного автора также утверждалось, что этнографическая граница Польши лишь усилит «польский выступ», что польская интеллигенция могла бы не удовлетвориться такой границей, а союзники по Антанте — попытаться решить польский вопрос путем международного давления на Россию. Кроме того, как указывалось, воззвание 1 августа прозрачно намекало на границы 1772 г. [17, л. 42—44].

Тем не менее при обсуждении в Совете министров принцип этнографической границы оспорен не был. Вопрос о Сувалкской губернии был отложен. Не вызвал споров и вопрос о польском языке в местном самоуправлении. В суде разрешалось говорить на польском языке при условии ведения делопроизводства на русском. Однако в ходе заседания Кривошеин выдвинул новое предложение о создании всепольского областного земства (по сути, парламента для решения местных хозяйственных вопросов). Министр путей сообщения С. В. Рухлов выступил против, поскольку создание такого органа привело бы к введению областных земств по всей России, а это означало бы «начало разложения Русского государства». Переубедить Кривошеина не удалось. При обсуждении вопроса он вполне четко расставил акценты: «Какая наша цель: чтобы поляки лучше управлялись или чтобы они были более довольны. Второе — наша главная цель». Кривошеин также настаивал на введении польской автономии особым монаршим актом, однако Щегловитов предложил обычный законодательный путь в соответствии с Основными законами [Там же, л. 21—29].

Самым большим, как неожиданно оказалось, стал вопрос о западных границах польской автономии. При обсуждении

вопроса о территориальных приобретениях Маклаков заявил: «Польша не может получить больше, чем Россия». Имевший опыт службы в Польше премьер И. Л. Горемыкин вообще сомневался в том, что поляки могли быть довольны какими бы то ни было территориальными приобретениями [Там же, л. 21—23]. По воспоминаниям министра финансов П. Л. Барка, на том же заседании Кривошеин получил упрек от Маклакова, что в случае реализации его проекта главной целью войны для России стала бы польская независимость. В ответ разгневанный Кривошеин пообещал выслать к Маклакову секундантов. Премьеру пришлось спешно закрыть заседание [1, с. 226—227; 22, с. 336—337].

Позиция Кривошеина находила понимание как у Ставки, так и в общественных кругах; все это и обеспечило ей успех. В результате проект польской автономии был окончательно согласован Советом министров 15 ноября, принят как мемория 18 февраля 1915 г. в версии Кривошеина и Высочайше утвержден 17 марта [17, л. 348—357]. Обсуждение польского вопроса тем не менее продолжалось и позднее, что было связано с немецкой оккупацией. В ноябре 1916 г. Германия и Австро-Венгрия провозгласили создание польского государства под общим протекторатом обеих империй. В ответ на это 12 декабря вышел приказ Николая II к армии и флоту, в котором, в частности, еще раз упоминалось «создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей» [3, с. 288—290].

Польский вопрос естественным образом был тесно связан с рядом других — о будущем Германии и Австро-Венгрии, а также о западных границах России. Все три активно обсуждались как в дипломатических, так и в общественных кругах. Через месяц после начала войны на встрече Сазонова с британским и французским послами согласовывался проект послевоенного ослабления Германии и Австро-Венгрии путем отторжения от них ряда приграничных территорий, превращения Австро-Венгрии в трехсоставную державу, раздела германских колоний, а также взимания контрибуции. В частности, предполагалась передача России нижнего бассейна р. Неман, восточной Галиции, а автономная Польша должна была получить Восточную Познань, Южную Силезию и Западную Галицию [8, с. 248—249].

Близкие проекты выдвигались в особом мнении Щегловитова, Маклакова и товарища министра народного просвещения М. А. Таубе, помещенном в правительственной мемории по результатам обсуждения польского вопроса в октябре — ноябре 1914 г. (там также говорилось о присоединении к России всей Восточной Пруссии, Северной Буковины и Угорской Руси) [17, л. 40—44], и в публицистике либеральной общественности [6, с. 133]. В ноябре 1914 г. Николай II в разговоре с послом Франции М. Палеологом также заявил претензии на всю Восточную Пруссию и Буковину [10, с. 163—164]. Иными словами, речь тут шла преимущественно не об этнографическом принципе, а географическом и военно-стратегическом: Россия претендовала на карпатские перевалы и выход в дунайскую долину, а также на незамерзающий порт на Балтике.

В конце 1916 г., по распоряжению министра иностранных дел Н. Н. Покровского его сотрудник Г. Н. Михайловский составил записку о будущем устройстве Германии. Предполагались ее демилитаризация, упразднение германских монархий (возможное сохранение, за исключением Пруссии, предусматривалось только на основании плебисцитов) и создание республиканского федеративного устройства. Составленный на основе записки меморандум был передан французскому послу и вызвал полное одобрение правительства Франции [11, с. 231—236].

Таким образом, будущая западная граница России в представлении монарха (и у него тут не было расхождений с правительством и парламентской оппозицией) приобретала те очертания, которые были позднее определены в Потсдаме летом 1945 г. Главным отличием была Польша: если в 1914 г. она мыслилась как автономия Российской империи, то в 1945 г. стала сателлитом СССР, но с продвинутой до Одера границей.

Вопрос о послевоенной судьбе Османской империи и расширении российских владений на юго-западном направлении встал после вступления Турции в войну в октябре 1914 г. Манифест о войне с Портой уже упоминал о решении «исторических задач» России: иными словами, о присоединении Константинополя и Проливов [15]. В феврале 1915 г. была заключена секретная Петроградская конвенция Антанты о послевоенной передаче России этих территорий (подробно оговаривалась будущая

граница) [18, с. 428—435; 9, с. 305—307, 392—397, 416—420, 452—458]. При обсуждении в правительстве предварительного устного соглашения Щегловитов настоял на его оформлении в виде официального документа [20, с. 183—184].

В мае 1916 г. было также заключено секретное трехстороннее соглашение о послевоенном разделе азиатских владений Османской империи, по которому Россия получала по большей части уже занятые русскими войсками территории: турецкую Армению (с городами Эрзрум и Битлис), область Хаккари и часть южного побережья Черного моря (с Трапезундом). Опять речь шла не об этнографической границе, поскольку в состав России не предполагалось включать Киликию с ее армянским населением (она должна была отойти Франции). Для Палестины предусматривалось трехстороннее международное управление [18, с. 443—453]. Подобные соглашения, разумеется, заключались с согласия монарха, а также вполне соответствовали представлениям правящих и парламентских кругов России [17, л. 40—44; 6, с. 132—133]. Именно поэтому 21 августа 1916 г. Б. В. Штюрмер в расчете на укрепление своей репутации и рассеивание слухов о сепаратном мире предложил императору добиваться от союзников разрешения на оглашение Петроградской конвенции [7, с. 70, 78—80]. Впрочем, попытка нового премьера А. Ф. Трепова сторговаться с оппозицией таким способом оказалась тщетной [5, с. 241—244].

В уже упомянутом приказе Николая II к армии и флоту от 12 декабря 1916 г. еще раз подтверждались ранее заявленные задачи войны и отвергались незадолго до этого предложенные Центральными державами мирные переговоры, поскольку время для них «еще не наступило». Далее пояснялось: «Враг не изгнан из захваченных им областей. Достижение Россией созданных войною задач, обладание Царьградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей, еще не обеспечено» (цит. по: [3, с. 278—279]). Двадцать восьмого декабря эти задачи были подтверждены совместным ответом Антанты на мирную инициативу президента США В. Вильсона [Там же, с. 281].

Имея поддержку проправительственных и даже либерально-оппозиционных кругов в своих внешнеполитических пла-

нах, российский монарх не верил в возможность революции или переворота во время войны. Такой вариант ослабил бы страну и помешал добиться победы. Это был бы риск на грани безумия. «До окончания войны нет никаких серьезных оснований опасаться за внутреннее положение», — говорил император премьеру А. Ф. Трепову в 1916 г. [12]. Тем не менее оппозиция пошла на подобный риск и потеряла не только победу, но и страну.

Список источников и литературы

1. *Барк П. Л.* Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914—1917. М., 2016. Т. 2.
2. *Биржевые* ведомости (Санкт-Петербург). 1914. 21 июля.
3. *Васюков В. С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916—февраль 1917 г. М., 1989.
4. *Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910—1917). М., 2016.
5. *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914—весна 1917 г. М., 2003.
6. *Гайда Ф. А.* Русские радикальные либералы о целях России в I Мировой войне // Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX—XXI веков : сб. ст. / науч. ред. А. Ю. Полунов. М., 2018. С. 132—138.
7. *Дневник* министерства иностранных дел за 1915—1916 гг. // Красный архив. 1929. № 1 (32). С. 3—87.
8. *Международные* отношения в эпоху империализма. Сер. 3. М.; Л., 1935. Т. 6, ч. 1 : 5 августа 1914 г. — 13 января 1915 г.
9. *Международные* отношения в эпоху империализма. Сер. 3. М.; Л., 1935. Т. 7, ч. 1 : 14 января — 23 мая 1915 г.
10. *Международные* отношения в эпоху империализма. Сер. 3. М.; Л., 1935. Т. 7, ч. 2 : 14 января — 23 мая 1915 г.
11. *Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914—1920. М., 1993. Т. 1.
12. *Письмо* А. Ф. Трепова // Новое время (Белград). 1924. 20 апр.
13. *Правительственный вестник* (Санкт-Петербург). 1914. 21 июля.
14. *Правительственный вестник* (Санкт-Петербург). 1914. 27 июля.
15. *Правительственный вестник* (Петроград). 1914. 3 нояб.
16. *Речь* (Санкт-Петербург). 1914. 2 авг.

17. *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 71.

18. *Сборник* договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952.

19. *Селезнев Ф. А.* Воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам 1 (14) августа 1914 года // *Славяноведение*. 2017. № 5. С. 28—41.

20. *Таубе М. А.* «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900—1917). М., 2007.

21. *Шаховской В. Н.* Так проходит мирская слава. 1893—1917 / вступ. ст. и коммент. С. В. Куликова. М., 2019.

22. *Яхонтов А. Н.* Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.). Записки, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // *Русское прошлое: ист.-документ. альманах*. СПб., 1996. Кн. 7. С. 245—348.

Об авторе

Федор Александрович Гайда — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, отдел новейшей истории Русской Православной Церкви, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: fyodorgayda@gmail.com

F. A. Gaida

*M. V. Lomonosov Moscow State University
St. Tikhon Orthodox University for the Humanities*

EMPEROR NICHOLAS II AND HIS GOVERNMENT ON RUSSIA'S OBJECTIVES IN WORLD WAR I

This article examines the perspectives of Emperor Nicholas II and members of his government regarding Russia's objectives in World War I. It concludes that the conflict had a defensive character for the empire. However, the anticipated changes in Europe and the world were expected

to be fundamental, requiring consideration of Russia's core interests. It was assumed that all Polish lands would be united under the scepter of the Russian tsar. Russia laid claim to Galicia and East Prussia, which would provide a convenient border in the Carpathians and the Baltic, as well as access to the ice-free port of Königsberg. After the Ottoman Empire entered the war, Russia also sought control of Constantinople, the Straits, and Greater Armenia. Russia's demands were met by the Entente allies through a series of diplomatic agreements. The 1917 Revolution thwarted these plans, although they were partially realized in 1945.

Keywords: *World War I, Nicholas II, A. V. Krivoshein, Kingdom of Poland, Black Sea Straits, East Prussia*

The author

Prof Fyodor A. Gaida, Prof. of History, Professor of the Department of 19th—Early 20th Century Russian History, Faculty of History, M. V. Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Department of Modern History of the Russian Orthodox Church, St. Tikhon Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: fyodorgayda@gmail.com

УДК 94(430)

В. А. Трусов

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

**«БЫВШИЕ ТУТ НЕМЦЫ СМОТРЕЛИ НА НАС ВРАЖДЕБНО»:
ВОЗВРАЩЕНИЕ СЕМЬИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА ИЗ ГЕРМАНИИ
В РОССИЮ ПОСЛЕ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
КАК ЭПИЗОД РУССКОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ**

Рассмотрено положение российских подданных, оказавшихся на территории Восточной Пруссии в самом начале Первой мировой войны. В качестве иллюстрации сложного положения россиян описана ситуация, связанная с возвращением в Россию великого князя Константина Константиновича и его семьи через станцию Эйдткунен. Сделана попытка систематизации групп российских подданных, которые находились на территории Восточной Пруссии к началу Первой мировой войны. Уделено особое внимание ситуации с сезонными рабочими, прибывшими в провинцию из Привислинского края; охарактеризовано их правовое положение, проанализирован процесс формирования системы принудительного труда в германской экономике в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: *Россия, Германия, Восточная Пруссия, Первая мировая война, великий князь Константин Константинович, интервьюирование, образ врага*

Цитата, приведенная в заглавии статьи, взята из дневника великого князя Константина Константиновича (известного под поэтическим псевдонимом К. Р.), который со своей семьей ока-

© Трусов В. А., 2024

зался в Германии в первые дни Первой мировой войны. Дневник великого князя, а также записки его сына Гавриила Константиновича стали источниками для понимания той сложной ситуации, в которой они оказались [5, с. 326—330; 4, с. 158].

Начало войны, 1 августа 1914 г. (здесь и далее даты приводятся по новому стилю, кроме специально оговоренных случаев), великий князь встретил в дороге из Бад-Вильдунгена, где он был «на водах» (лечил почки). Его супруга Елизавета Маврикиевна гостила в Бюккебурге у своей старшей сестры Марии Анны, княгини Шаумбург-Липпской, и матери Августы Саксен-Мейнингенской, принцессы Саксен-Альтенбургской, и ехала оттуда с детьми Георгием (11 лет) и Верой (8 лет). В районе Либенштейна (в Тюрингии) произошла встреча великого князя с женой и детьми, отсюда они продолжили путь вместе. К концу дня с некоторыми задержками семья прибыла в Берлин для пересадки в поезд, который и отправился в ночь с 1 на 2 августа в сторону русско-германской границы. В 8.00 часов вечера поезд прибыл в Гумбиннен. Здесь вагон, в котором находился великий князь с семьей, был отцеплен часовыми. Рядом с купе стояли солдаты с ружьями, а унтер-офицер грубо приказал закрыть окна, кроме того, запрещалось тушить электричество в вагоне. Третьего августа утром вагон был отдельно доставлен до станции Шталлупёнен, далее на трех автомобилях с опущенными занавесками и закрытыми окнами семью довезли до станции Эйдткунен. Там великий князь и его семья были высажены и пешком добирались до того места, где их встретил разъезд Смоленского полка [5, с. 326—330] При этом в Восточной Пруссии был задержан адъютант великого князя поручик Сипягин [4, с. 158—159].

Этот очень яркий эпизод, связанный с пребыванием Романовых на территории Восточной Пруссии показывает серьезность ситуации для десятков тысяч русских подданных, которые оказались в этой провинции в начале Первой мировой войны.

По оценкам исследователей, к августу 1914 г. на территории Германской империи находилось более 250 тыс. российских подданных [3, с. 145]. Многие из них оказались перед началом Первой мировой войны в Восточной Пруссии. Кто же были эти люди?

Во-первых, курорты Восточной Пруссии (в частности, Кранц) в начале XX в. приобрели популярность среди россиян как «демократические» по стоимости и территориальной близости. Их посещали помещики средней руки и представители разночинной интеллигенции — писатели, университетские профессора, артисты и музыканты, то есть небогатая публика [7, с. 55]. Для русской аристократии курорты Земландского побережья не были интересны (их привлекали Баден-Баден, Бад-Эмс, Ахен, Висбаден и др.).

Во-вторых, с петровских времен Кёнигсберг был центром притяжения для части российских студентов. Однако в начале XX в. количество россиян в Альбертине было небольшим. По свидетельству консула А. Выводцева (1907 г.), оно не превышало 75 человек. Университет был привлекателен для дворян из остзейских провинций, а также для студентов из Царства Польского и Литвы. Образование в Кёнигсберге для россиян можно отнести к «эконом-классу» [Там же, с. 59]. При этом в крупных университетских центрах (Берлине, Дрездене, Галле и др.) обучались тысячи российских студентов.

В-третьих, с начала 1870-х и вплоть до 1910-х гг. Германия была крупнейшим экономическим партнёром Российской империи. По этой причине Восточная Пруссия стала главной транзитной территорией. В 1880 г. российский консул Фридрих Вышемирский называл Кёнигсберг отпускным портом для Северо-Западного края и пограничных губерний, так как три четверти морских перевозок приходилось на российские товары [Там же, с. 60]. Это привело к тому, что Кёнигсбергский порт стали именовать «русским портом».

Особую группу представляют революционеры и анархисты, которые нелегально курсировали через российско-германскую границу особенно развит подобный «транзит» был через восточнопруссский участок границы. Переправкой через границу занимался интернациональный коллектив, состоящий из русских, поляков, литовцев, немцев при руководящей роли евреев [Там же, с. 59].

Внушительную группу составляли и транзитные путешественники, которые направлялись не только в Германию, но и в Швейцарию и Италию. Кратчайший путь в Париж был через Восточную Пруссию и Берлин [3, с. 146].

Самой крупной и малоизученной категорией российских поданных были сезонные рабочие, которые трудились в основном в сельском хозяйстве провинции. Как отмечает Ю. В. Костяшов, на территории трех консульских округов (Кёнигсберг, Данциг и Мемель) было зафиксировано не менее 80 тыс. российских сезонных рабочих [6, с. 509]. Если учесть, что все население провинции Восточная Пруссия составляло 2 066,6 тыс. человек (на 1910 г.), то рабочих было около 4%. Прусские власти даже стали опасаться «славянизации» Восточной Пруссии и Померании, что привело к запрету на выдачу разрешений выходцам из России на проживание в восточных провинциях Германской империи. В 1885 г. германский канцлер Отто фон Бисмарк выслал свыше 40 тыс. «русских» рабочих [8, с. 149]. Однако с 1890-х гг. меры по отношению к сезонным рабочим из России были смягчены, и для этого были экономические причины.

Кто были эти россияне? В этническом плане — в основном поляки из Привислинского края (Варшавской, Плоцкой и Калишской губерний), реже встречались представители Северо-Западного края (литовцы, белорусы и др.), гораздо реже выходцы из Малороссийских и Великороссийских губерний. Географическая близость Восточной Пруссии и культурная (языковая) близость с частью населения провинции (мазурами и вармяками), особенно в Алленштайнском округе, делали регион привлекательным для работы. Спецификой экономического развития Восточной Пруссии в последние десятилетия XIX в. был ее преимущественно аграрный характер, а индустриально развитые западные регионы Германии «оттягивали» значительные трудовые ресурсы коренного германского населения. По этой причине труд выходцев из Привислинского края был выгоден и прусским землевладельцам, и местной администрации. Экономическая выгода была очевидна и для самих сезонных рабочих, поскольку заработная плата в сезон была в 1,5—2 выше, чем на Родине [6, с. 510]. В Восточной Пруссии

русские подданные были заняты главным образом в сельском хозяйстве южной части провинции, а также в устройстве и ремонте мелиорационных систем, работе на кирпичных и иных заводах, строительстве железнодорожных путей и шоссейных дорог в окрестностях Кёнигсберга и на побережье Балтийского моря [7, с. 56].

Сразу после начала боевых действий в августе 1914 г. в Россию проникает информация о тяжелом положении российских подданных, оказавшихся в Германии. Эти сведения формировали и одновременно дополняли образ жестокого и коварного германского врага [1, с. 170]. В первые дни войны появились такие высказывания: «Мы, русские, привыкли немцев считать культурными европейцами, а потому трудно было поверить, чтобы этот народ дошел до такой степени нравственного падения, чтобы вся страна вдруг превратилась в гнусных насильников, убийц и подлых грабителей». Известный российский артист А. А. Данилов прямо отмечал: «Я никогда не представлял себе, что немецкий народ может быть таким некультурным и жестоким» [Там же, с. 170—171].

Резкое изменение отношения немцев по отношению к российским подданным связано с кампанией по разжиганию шпиономании и ненависти. В начале Первой мировой войны она должна была консолидировать немецкую нацию и оправдать начало Берлином войны против России. Необходимо отметить, что немецкая нация не была готова к конфликту с русскими. Культивирование образа врага облегчало мобилизацию немцев в действующую армию [Там же, с. 171].

Дезориентированные россияне, оказавшиеся на территории вражеского государства, устремились к русско-германской границе (как это мы видели на примере великого князя Константина Константиновича) и в порты Балтийского моря, чтобы отправиться в нейтральные Данию и Швецию. Об огромном количестве людей, которые двигались на север даже от самой швейцарской границы, вспоминает адмирал Г. Ф. Цывинский [2, с. 310]. Возможность эвакуироваться через порты Балтийского моря сохранялась до 8 августа, после этого начались задержания выезжающих [9, с. 94].

В этой связи система психологического давления на россиян и их унижения приобретала своеобразные формы. Нередко их перевозили в грязных вагонах, в вагонах лавки могли выкрасить свежей краской, в результате чего пачкалась одежда. Часто германские солдаты загоняли людей в вагоны, используя грубую силу и приклады винтовок против детей, стариков и женщин. Кроме этого подданных России не кормили во время перевозки. Они запрещали посещать вагоны-рестораны, если таковые имелись; некоторые группы не получали питание по два-три дня. По словам екатеринославского купца М. И. Эля, интернированные в железнодорожном составе, в котором он ехал, не получали продовольствия в течение двух суток, вода выдавалась только после долгих уговоров. Были случаи, когда воду приобретали на вокзалах по «бешеной» цене (20 марок за стакан). Люди, имевшие при себе продукты, стремились поделиться ими с остальными россиянами. По сложившейся практике продукты распределялись среди женщин и детей, мужчины получали пищу в последнюю очередь, либо вообще оставались без нее [1, с. 172].

Еще в более сложной ситуации оказались люди, перевозившиеся в товарных вагонах без туалетов. Многие россияне, лечившиеся на курортах Германии и Австро-Венгрии, имели заболевания мочевой системы, поэтому многочасовые переезды для них были мучительными. В такой же ситуации оказались девушки и женщины [Там же].

Цинизм поведения немецкой охраны, судя по изложению очевидцев, выходил за всякие разумные рамки. Так, после многочасового переезда одной их групп россиян в товарных вагонах состав остановили в открытом поле и всем русским предложили сходить в туалет на виду у охраны.

Сильный удар по психике людей наносили сцены срыва их выезда из Германии в последний момент. Очень часто в воспоминаниях фигурируют факты, когда россиян под самыми надуманными предложениями ссаживали с поездов и запрещали отъезд. Люди, предвкушавшие свободу и распрощавшиеся со своим тюремным положением, вновь возвращались к суровой действительности. По воспоминаниям одного из профессо-

ров Петроградского университета, состав с россиянами дошел до самого пограничного моста в Восточной Пруссии, и когда казалось, что родина близка, эшелон внезапно вернули на пограничную станцию Эйдткунен, где он простоял шесть часов — лишь после этого россияне все же попали домой [Там же, с. 173].

Большое оскорбление россиянам наносила процедура раздевания догола и тотальной проверки одежды, о чем с наибольшим возмущением вспоминал А. В. Бельгради. «Пьяные солдаты ландвера вытолкнули графиню ударами на платформу и обыскали грубо, держа за волосы и платье», — так описывала подобную сцену газета «Волжское слово» за 31 июля (13 августа) 1914 г. (цит. по: [Там же]). Особенно чувствительными к произволу были женщины. Немцы часто устраивали обыски, заставляя девушек и женщин раздеваться догола на виду у солдат и офицеров. В ряде случаев колонна делилась на две части — мужскую и женскую, причем мужская не подвергалась таким процедурам. Встречались примеры издевательского обыска, проводимого германскими офицерами (в основном фигурируют молодые лейтенанты германской армии), когда женщин и девушек не заставляли раздеваться, но это компенсировалось особой «тщательностью» обыска, выходявшего за все моральные нормы. В Кёнигсберге после такого обыска госпожа Лагус была помещена в тюремную камеру, где содержались местные проститутки, россиянку заставили постоянно убирать камеру [Там же]. Российские подданные, оказавшиеся в Алленштайне, были возмущены тем, что немецкие часовые сопровождали их до двери туалета и обратно [Там же].

Россияне в массовом порядке помещались в тюрьмы, зачастую в одиночные камеры. Этой процедуре подвергались лица обоих полов. Мужчины и женщины, как правило, размещались в различных концах тюрем, что вызывало большое психологическое напряжение среди арестованных. Очень часто женщины полагали, что мужчины были расстреляны, а мужчины были уверены, что женщины подвергаются сексуальному насилию со стороны германских военных. Примеры изнасилований в тюрьмах не встречаются, зато можно привести массу примеров, ког-

да германские надсмотрщики заставляли женщин раздеваться догола с целью проведения обыска, что приводило к конфликтам. Печальную известность у россиян приобрела прусская крепость Торн. Из мебели в небольших одноместных камерах в крепости были только деревянные кровати без матрасов и подушек [Там же, с. 174].

Кроме того, все российские подданные в Германии и Австро-Венгрии были разделены в начале войны на две большие группы: военнообязанные мужчины (с 18 до 45 лет) и все остальные. Все военнообязанные были объявлены военнопленными и отправлены в лагеря для военнопленных [11, с. 80].

Были случаи убийства российских подданных, особенно в прифронтовой зоне Восточной Пруссии. Вот свидетельство капитана фон Бессера от 29 августа (11 сентября) 1914 г.: «Шпионаж в Восточной Пруссии как прежде, так и теперь нельзя искоренить. Здесь имеется столько разного сброда, к том уже прусские евреи почти все шпионы. В Лабиау и Агилле (ныне пос. Красное. — *В. Т.*) живут почти сплошь русские и польские рабочие, посланные правительством. Я ежедневно арестовывал людей по подозрению в шпионаже, иногда их без церемонии устранили, и это так же просто, как наши люди поступают, не берущие больше в плен, с тех пор как русские после того, как они просили пощады и поднимали руки, в нас стреляли» (цит. по: [10, с. 141]).

В сентябре 1914 г. германские власти значительно ослабили контроль над вражескими подданными. В результате улучшилось отношение местного населения к российским подданным. Интернированный в Германии историк Н. И. Кареев писал об этом: «Правительственное удостоверение, что мы не лазутчики и не отравители, сделало свое дело, и мимо нас люди проходили равнодушно, когда мы несколько забывались и говорили на родном языке» (цит. по: [3, с. 152]).

Особо стоит остановиться на положении сезонных рабочих. После начала Первой мировой войны германские власти не собирались отказываться от иностранной рабочей силы, поэтому очень быстро возможность для их возвращения была закрыта. Таким образом, польские рабочие из числа российских поддан-

ных были интернированы [9, с. 94]. Правовые отношения польских рабочих регулировались Имперской службой внутренних дел. Рабочим была запрещена смена места пребывания и вида деятельности. Тем, кто оставлял место работы, угрожало тюремное заключение. Работодатель имел право снизить заработную плату и удлинить рабочий день. В случае непослушания рабочие могли быть подвергнуты избиению.

В ноябре 1916 г. ведение делами польских рабочих было передано в компетенцию военного ведомства. С этого времени в союзе со структурами, наделенными чрезвычайными полномочиями, работодатели могли без проблем направлять строптивых поляков в лагерь для военнопленных. Лица, заключенные в лагерь для военнопленных, окончательно лишались статуса сезонных рабочих и привлекались к принудительному труду, как военнопленные [Там же, с. 95].

Нескольким сотням польских сезонных рабочих из Восточной Пруссии удалось через Скандинавию и пограничный переход Торнио вернуться в Российскую империю. Поддержку этим людям оказало польское благотворительное общество «Огниско Польске».

Таким образом, злключения многих тысяч подданных Российской империи стали частью истории Восточной Пруссии в начале Первой мировой войны.

Что же касается великого князя Константина Константиновича, то ситуация в Восточной Пруссии еще раз будет связана с его личной судьбой. Это случится 10 октября 1914 г., когда сын великого князя Олег Константинович получит тяжелое ранение в районе Ширвиндта — Владиславова. Двенадцатого октября 1914 г. молодой князь скончался на руках отца в госпитале в Вильне. Это испытание подорвало и без того некрепкое здоровье великого князя. Он отошел ко Господу 15 июля 1915 г.

Список источников и литературы

1. *Абдрашитов Э. Е.* Российские подданные в Германии в августе 1914 г. и формирование образа врага в годы Первой мировой вой-

ны // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 1 (120). С. 170—177.

2. *Цывинский Г. Ф.* 50 лет в Императорском флоте. Рига, 2021.

3. *Богомолов И. К.* Русские подданные в Австро-Венгрии и Германии в июле — октябре 1914 г. // Россия и современный мир. 2017. № 2 (95). С. 143—160.

4. *Великий князь Гавриил Константинович* в мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб. ; Дюссельдорф, 1993.

5. *Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.)*. 1911—1915 / отв. ред. и сост. В. М. Хрусталева. М., 2013.

6. *Костяшов Ю.* Восточная Пруссия в контексте российско-германских отношений накануне Первой мировой войны // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 2015. № 3 (289). S. 505—513.

7. *Костяшов Ю.* Восточная Пруссия в экономическом, общественном и культурном пространстве России во второй половине XIX — начале XX века // *Acta Historica Universitatis Klaiipedensis*. 2012. T. 24. С. 51—66.

8. *Костяшов Ю. В.* Российские рабочие в Восточной Пруссии в конце XIX — начале XX века // *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные науки*. 2010. № 6. С. 148—154.

9. *Плохотнюк Т. Н.* Регламентация положения российских подданных в Германии после начала Первой мировой войны. // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2018. № 4. С. 93—98.

10. *Постников Н. Д.* Драма в Восточной Пруссии. Судьба 1-й русской армии генерала Ренненкампа. М., 2014.

11. *Ростиславлева Н. В.* «Был все эти забываемые годы гражданским пленным № 52»: о статусе русских в Германии в годы Первой мировой войны // *Новый исторический вестник*. 2020. № 3 (65). С. 79—97.

Об авторе

Иерей Вадим Александрович Трусов — аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: trusovv77@mail.ru

V. A. Trusov

Immanuel Kant Baltic Federal University

**“THE GERMANS HERE LOOKED AT US WITH HOSTILITY”:
THE RETURN OF GRAND DUKE
KONSTANTIN KONSTANTINOVICH’S FAMILY
FROM GERMANY TO RUSSIA AFTER THE OUTBREAK
OF WORLD WAR I AS AN EPISODE OF RUSSIAN HISTORY
IN EAST PRUSSIA**

This article examines the situation of Russian subjects who found themselves in East Prussia at the very beginning of World War I. As an illustration of the difficult circumstances faced by Russians, the paper describes the situation surrounding the return of Grand Duke Konstantin Konstantinovich and his family to Russia via the Eydtkuhnen station. An attempt is made to systematize the groups of Russian subjects who were in East Prussia at the onset of the war. Special attention is paid to the situation of seasonal workers who had arrived in the province from the Vistula Land, outlining their legal status and analyzing the process of forming a forced labor system within the German economy during World War I.

Keywords: *Russia, Germany, East Prussia, World War I, Grand Duke Konstantin Konstantinovich, internment, image of the enemy*

The author

Priest Vadim A. Trusov, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: trusovv77@mail.ru

УДК 94(100)"1914/18"

А. А. Адылов

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

**«ШЛЮ ВАМ ПРИВЕТ С БЫВШЕЙ ГРАНИЦЫ»:
КНЯЗЬ ИМПЕРАТОРСКОЙ КРОВИ ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ
В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В АВГУСТЕ — СЕНТЯБРЕ 1914 ГОДА
ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ ОЧЕВИДЦЕВ И СВОИМ СОБСТВЕННЫМ**

В боях начального периода Первой мировой войны на территории Восточной Пруссии (нынешняя Калининградская область РФ) принял непосредственное участие троюродный брат императора Николая II — князь императорской крови Игорь Константинович. Источники отмечают мужество, проявленное молодым представителем Императорского Дома Романовых в чрезвычайных обстоятельствах войны. На основе различных источников личного происхождения охарактеризованы обстоятельства пребывания великого князя Игоря Константиновича в Восточной Пруссии в августе — сентябре 1914 г.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Восточный фронт, Восточная Пруссия, Дом Романовых*

Нельзя не отметить, что чуть больше месяца участия самого молодого из Романовых в боевых действиях на территории Восточной Пруссии в августе — сентябре 1914 г. на удивление неплохо обеспечено опубликованными источниками, которые как бы передают эстафету один другому в описании событий. Основной канвой здесь являются мемуары брата Игоря Константиновича и одновременно его сослуживца по 4-му эскадрону лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка — князя Гав-

© Адылов А. А., 2024

риила Константиновича [2], журнал военных действий полка [1], а также изданная в эмиграции краткая полковая история [3], довольно подробно описавшие период с момента вступления части на прусскую территорию 9 августа и до обратного пересечения границы 12 сентября.

Князь Гавриил вспоминает, что после занятия города Ширвиндта «Кисловский, Игорь и я жили в палатках, которые поставили рядом. У меня была такая палатка, в которой можно было только лежать. Я спал в мешке, подбитом мехом, он был очень удобный и теплый» [2, с. 167]. Сам Игорь пишет в одном из немногих опубликованных своих писем с войны родителям: «Дорогие Папа и Мама. Шлю вам привет с бывшей границы, которую мы перешли, и я с несколькими офицерами собственноручно спилил и срыл [пограничный] столб, а на его место водворили русский флаг. В бою я еще не был. Безобразов отличился в разезде, встретив втрое сильнее себя противника. Все местные жители там назыв[аются] Landsturm, вооружены и стреляют в спину. Их селения сжигаются, их вешают или убивают. Конечно, это довольно варварский способ, но других средств борьбы нет. Только что кончилась обедня в полковой церкви и молебен за Наследника. Видим часто Детсона, он, как и мы, все три гусара, здоров и весел» [4, с. 207—208].

В письме князь Игорь особо интересуется, «когда приедет и куда отряд Мраморного дворца?», а после слова «обнимаю» — просит прощения («извиняюсь за почерк, но пишу сидя на вьючных мешках на колене») и сообщает родным: «Жду писем: 1-я действующая армия, 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, л[ейб]-гв[ардии] Гусарский Его Величества полк» [Там же, с. 208].

Письмо датировано 12 августа нового стиля, а уже следующим днем в журнале военных действий полка есть сведения о том, как мечта юного князя проявить себя исполнилась: в 12 часов ночи на смену предыдущей была направлена вторая серия разездов, и одним из них командовал именно князь Игорь [1, л. 3]. Поведение же Игоря в боевой обстановке описал его брат Гавриил, рассказав о бое 26 августа под городом Тапиау (ныне Гвардейск): «Совершенно неожиданно нас стали обстреливать с опушки леса. Мы сразу же повернули и полным ходом

стали уходить. Наконец мы остановились, спешились и рассыпались в цепь. В это время я остался командовать эскадрой, потому что ротмистр Раевский уехал за приказаниями. Мы начали наступать на лес. Не помню, стреляли ли в это время или нет. Брат Игорь был со мной, но затем почему-то надо было отступить. Чтобы гусары не думали, что мы отступаем, брат Игорь и я за ним начали кричать: “Заманивай! Заманивай!” — вспомнив, что так делал Суворов, чтобы подбодрить свои войска. И это подействовало. Мы снова двинулись вперед...» [2, с. 171—172].

О вечере того же дня оставил яркую зарисовку в письме неустановленному лицу поручик 115-го пехотного полка Марков (спутавший, правда, князя Гавриила с его братом Константином, но Игоря идентифицировавший точно): «...случайно встретил два взвода спешенных лейб-гусар. Три офицера предложили сесть и разговорились, и закусили... штабс-ротмистр и корнет — сыновья Великого Князя Константина Константиновича... Такого самоотвержения, такого мужества я никогда не ожидал у Великих Князей! Мы сидели под сильным шрапнельным огнем, и впереди всех, обсуждали, как легче перейти реку Deime. Такой героизм, такие подвиги Великих Князей, причем следовало бы объявлять всенародно, и прежде всего солдатам» [4, с. 388].

О стоянке в поселке Рейшенфельд (ныне не существует, на территории Озёрского муниципального округа) князь Гавриил вспоминает: «Олег, Игорь и я поместились в одном доме» [2, с. 172]. Отсюда Игорь 24 августа написал родителям трогательное своей детской непосредственностью письмо: «...очень довольны шоколадом, который вы прислали... Если вы будете посылать еще, то мы больше всего нуждаемся в шоколаде, мармеладе, папиросах, а осенью и холодами в коньяке и роме, и вообще в винах, так как часто приходится ничего не есть часов 12 подряд, начинаешь мерзнуть и согреваешься только спиртными напитками... Валенки у меня есть, их только нужно дать сапожнику подшить. Для Олега надо заказать то же, что и мне» [4, с. 208].

Как искреннего и непосредственного человека характеризует князь Игоря и описание событий 11 сентября 1914 г. севернее Гольдапа при общем отступлении русской 1-й армии из Восточной Пруссии, которое оставил однополчанин братьев, поручик С. Х. Рооп. Разъезд лейб-гусар оказался в болоте под артилле-

рийским обстрелом врага, и «когда, наконец, с невероятными трудностями и опасностью добрались до князя Игоря Константиновича, он был затянут в болото уже до самого подбородка, торчали над топью только голова и поднятые руки... Лошади уже не было видно... Когда голова его любимой лошади начала окончательно опускаться в болото, его высочество перекрестил ее...» [2, с. 177].

Здесь же проявился и истинный характер взаимоотношений Царствующего дома с народом России: «Гусар Кертович дал князю Игорю Константиновичу своего коня, а тот посадил Кертовича к себе на переднюю луку. Князь Гавриил Константинович также взял к себе на переднюю луку безлошадного гусара Рябых. И таким образом двинулись к поселку» [Там же].

Видевший братьев в тот же день начальник 29-й пехотной дивизии генерал-лейтенант А. Н. Розеншильд фон Паулин вспоминает, спутав на сей раз Игоря с его братом Иоанном: «Я приехал за ними на автомобиле, взяв с собой одного из гусарских офицеров. Застал их в Гавайтене [ныне Гаврилово Озёрского городского округа] на кладбище, где был накрыт в тени стол, они закусывали... Обрадовались до невероятия и с восторгом поехали со мной в Паббельн. Они были страшно грязны и голодны. Всем гусарским офицерам дали поесть что было, а затем они попросили автомобиль и уехали в штаб корпуса» [5, с. 125].

Пережитые перипетии смертельной опасности не давали на фронте права на поблажки и послабления даже Романовым, и следующим днем князь Гавриил несколько раздраженно пометчает, что начальник штаба конницы хана Нахичеванского «послал Игоря в разъезд, — мы совсем не были ему подчинены, но эти штабные господа любили пользоваться кавалерией, когда она им бывала нужна» [2, с. 178].

О действиях юного офицера в тот день свидетельствует «Краткая история» полка: «Отступали обозы, в поле было много разъездов, которые старались объединяться в одну партию, по инициативе Его Высочества князя Игоря Константиновича, который, встретив по дороге командира 3-го корпуса генерала Епанчина, сдал ему такую группу» [3, с. 59].

Автор эмигрантской истории 3-го драгунского Новороссийского полка, отступавший 12 сентября на Вержболово в этой

группе, свидетельствует: «Не доходя до границы, князь Игорь Константинович мне говорит: “Знаете, Грибов, так не хочется переходить границу... Давайте заночуем здесь... Я думаю, что это какое-то недоразумение, и завтра утром все выяснится” — и мы остановились в чистом поле, где не было ничего, кроме нескольких деревьев; под одним из них, на разостланных нашими вестовыми попонах, мы оба и легли, прижавшись друг к другу. Около нас лейб-гусары и драгуны устраивались как могли. Моросил мелкий дождь» [6, с. 72].

Таков был последний день князя Игоря в кампании августа — сентября 1914 г. на территории Восточной Пруссии. Впереди были годы войны и гибель в алапаевской шахте, но, судя по свидетельствам, искренности чувств сын поэта К. Р. в вихре этих событий не утратил.

Список источников

1. *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 3591. Оп. 1. Д. 117.
2. *Великий* князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. СПб., 1993.
3. *Краткая* история лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. 1775—1975. Б. м., 1975.
4. *Князь* императорской крови Игорь Константинович. 1894—1918. Биография и документы / сост. Т. А. Лобашкова. М., 2021.
5. *Розенишльд фон Паулин А. Н.* Дневник. Воспоминания о кампании 1914—1915 годов. М., 2014.
6. *Грибов А.* Новороссийские Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елены Владимировны драгуны на службе Царю и Отечеству. 1914—1917. Париж, 1940.

Об авторе

Альберт Алимович Адылов — главный специалист Центра исследований исторической памяти Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: adyloff@list.ru

A. A. Adylov

Immanuel Kant Baltic Federal University

**“I SEND YOU GREETINGS FROM THE FORMER BORDER”:
PRINCE IGOR KONSTANTINOVICH
IN EAST PRUSSIA IN AUGUST—SEPTEMBER 1914
ACCORDING TO EYEWITNESS ACCOUNTS AND HIS OWN TESTIMONIES**

In the battles of the early stages of World War I on the territory of East Prussia (now the Kaliningrad region of the Russian Federation), the cousin of Emperor Nicholas II, Prince Igor Konstantinovich, played an active role. Sources highlight the courage demonstrated by this young member of the Romanov Imperial House in the extraordinary circumstances of the war. Using various personal sources, this article characterizes the circumstances of Grand Duke Igor Konstantinovich's presence in East Prussia during August—September 1914.

Keywords: *World War I, Eastern Front, East Prussia, Romanov House*

The author

Albert A. Adylov, Lead Specialist at the Center for Historical Memory Studies, Institute of Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: adyloff@list.ru

И. В. Афонин

Калининградский клуб краеведов

ПАРАД В ИНСТЕРБУРГЕ 5 СЕНТЯБРЯ 1914 ГОДА

Рассмотрено событие, произошедшее 5 сентября 1914 г. в Инстербурге, — парад двух кавалерийских полков русской императорской гвардии. Охарактеризован комплекс российских и германских источников по истории этого события. Особо разбирается спорный факт участия в параде Верховного Главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича (Младшего). Автор приходит к выводу, что этого участия на самом деле не было. Также проанализированы разночтения в характеристике события (парад или строевой смотр) в источниках и работах исследователей.

Ключевые слова: *Восточная Пруссия, Первая мировая война, Инстербург, великий князь Николай Николаевич, Ренненкампф, Врангель*

В конце 1914 — начале 1915 г. в Инстербурге (ныне Черняховск) Роберт Готвальд¹ издал любопытную серию открыток, состоявшую из пяти видовых изображений. На них видны шеренги солдат в русской полевой форме на фоне городских строений. Всю серию можно обозначить общим названием, указанным на одной из открыток: “Insterburg. Parade am 5 Sept. 1914” (Инстербург. Парад 5 сентября 1914 г.). На двух открытках име-

¹ Роберт Готвальд (Robert Gottwaldt) — владелец магазина в Инстербурге. В адресной книге за 1919 г. указано его место проживания: Гинденбургштрассе, 88.

ется обозначение персон цифрами, с поясняющей надписью: 1. General Rennenkampf (генерал Ренненкампф); 2. Grossfuerst Nicolai (великий князь Николай). На одной из них генерал П. К. Ренненкампф в сопровождении генералов обходит строй солдат и офицеров, и на другой он же принимает их прохождение.

Как утверждал служащий инстербургского магистрата Отто Хаген¹, съемки производил сам издатель, на тот момент владелец парфюмерно-аптекарского магазина, располагавшегося в доме 4/5 на Старой Рыночной площади, в этом доме Р. Готвальд и квартировал [14, с. 11—12].

Впервые информация об этом событии была опубликована в «Летописи войны» за 12 декабря 1914 г. В этом номере размещен снимок русского фотокорреспондента. Под ним подпись: «Восточная Пруссия. Парад Кавалергардам и Конной гвардии в гор. Инстербурге» [6, с. 239]. Позже в эмиграции были изданы две книги, в которых есть сведения о параде. В 1936 г. увидела свет книга участника парада Владимира Николаевича Звегинцова² «Кавалергарды в Великую и гражданскую войну» [3], а в 1964 г. небольшим тиражом в 200 нумерованных экземпляров вышел третий том «Истории лейб-Гвардии Конного полка» [4], его издателем стал князь Сергей Сергеевич Белосельский-Белозерский³, также участник парада.

Прибыв по мобилизации 5 и 6 августа на станцию Пальвишки (ныне Пильвишкой, Литва) [5; 4, с. 117], первая бригада пер-

¹ Отто Хаген (Otto Hagen; 1896—1989) — муниципальный служащий Инстербурга. В 1911 г. после окончания школы поступил учеником в городское управление, где проработал до призыва в армию в 1916 г. [16, с. 203].

² Владимир Николаевич Звегинцов (1891—1973) — русский военный историк, последний командир кавалергардского полка, участник Белого движения. На 1 января 1914 г. корнет 4-го эскадрона Лейб-гвардии Кавалергардского полка.

³ Сергей Сергеевич Белосельский-Белозерский (1895—1978) — князь, общественный и политический деятель. В 1914 г. после окончания Пажеского корпуса — корнет эскадрона Его Величества Лейб-гвардии Конного полка.

вой гвардейской кавалерийской дивизии, которую и составляли кавалергарды и конногвардейцы, участвовала в боевых действиях в составе 1-й русской армии вплоть до 31 августа. Получив в этот день приказ об отправке в крепость Ковно (ныне Каунас, Литва), бригада снялась с боевых позиций. Первого сентября, сделав бивак в деревне Иодлаукене (ныне пос. Володаровка Черняховского района), на следующий день она прибыла в Инстербург [5]. Здесь, в отеле «Дессауэр Хоф», разместилось командование 1-й русской армией. Полки были размещены в казармах немецких кавалерийских частей. Кавалергардам достались казармы Конно-Егерского полка № 9. Полк был сформирован только в 1913 г. и казармы этого полка еще не были полностью обжиты. Конные гвардейцы были размещены в казармах Литовского уланского полка № 12. Уланский полк был старше (сформирован в 1860 г.) и на момент начала войны располагался как в части Инстербургского замка (с 1876 г.), так и в новых казармах на Шлоссштрассе, строительство которых началось в конце XIX в. Так что конным гвардейцам достались более обжитые помещения.

Свои впечатления о городе Инстербурге Звягинцев описывает так: «Казармы были в перестройке и далеко еще не были закончены. Тем не менее они поражали своей благоустроенностью. В особенности были хороши конюшни.

Большинство офицеров разместилось в городе в гостиницах.

В Инстербурге стоял штаб 1-й армии. Город был в полном порядке. Гостиницы, рестораны и большинство магазинов были открыты и бойко торговали. Кроме воинских патрулей, порядок среди местного населения поддерживался особой милицией, набранной из городских жителей, во главе которой был поставлен член городского самоуправления Бирфройнд¹.

¹ Макс Бирфройнд (Max Bierfreund; 1865—1927) — практикующий врач в Инстербурге. С 1909 по 1916 г. — член городского собрания, с 1913 — городского совета. В 1914 г., когда городские власти покинули город, взял на себя обязанности главы города. Русской военной администрацией назначен на должность губернатора Инстербурга [19].

Странно было в таком типичном немецком городе видеть почти исключительно русских военных и всюду слышать русскую речь. Расплачиваться русскими деньгами и чувствовать в чужом и чуждом городе, как дома» [3, с. 73].

Перед отправкой в Ковно командующий армией назначил бригаде парад, который состоялся 5 сентября.

Помимо двух уже названных книг, изданных в эмигрантских издательствах, есть и свидетельства горожан об этом событии. Наиболее интересными можно считать воспоминания доктора Макса Бирфройнда, бывшего тогда губернатором Инстербурга [18]. Опираясь на них, можно получить реальную картину происходившего.

Утром 5 сентября из мест квартирования в направлении Старой Рыночной площади вышли два полка русской гвардии. Конный полк вступил на площадь со стороны Кёнигсбергерштрассе, а со стороны Банхофштрассе — кавалергарды [19, S. 94]. На площадь полки вступили одновременно и выстроились вокруг нее шеренгами по два-три человека друг за другом. Полки были при штандартах и трубачах. Ассистентами при штандарте Конной Гвардии были флигель-адъютанты поручик Князь (императорской крови) Иоанн Константинович и корнет великий князь Дмитрий Павлович [4, с. 149].

Генерал Ренненкампф прибыл на Альт Маркт (место парада) в сопровождении ротмистра барона П. Н. Врангеля, который в русско-японскую войну служил под его началом [Там же, с. 149, 151]. Высший офицерский состав во главе с генералом Ренненкампфом сгруппировался в центре площади [18, S. 94]. Посмотреть на невиданное зрелище собралось много горожан. Раздалась команда. Под звуки полковых маршей генерал от кавалерии Ренненкампф обошел строй, здороваясь с полками и благодаря их за боевую, богатырскую работу [4, с. 149].

В направлении ратуши был установлен небольшой алтарь, который был украшен тяжелым золотым распятием, усыпанным драгоценными камнями [18, S. 94]. Здесь же заняли место знаменосцы со своими полковыми штандартами. Необычайно торжественное и интересное зрелище началось со службы, которую совершали три священника [20, S. 80] (по воспоминаниям Бирфройнда, четыре [18, S. 94]) в полном облачении в сопро-

вождении образованного из солдат хора певчих. Затем старший по чину священнослужитель провел обряд причащения офицеров. Священники также обошли шеренги солдат и окропили их святой водой.

Молебен служили полковые священники — протоиерей Стефан Васильевич Щербаковский и иерей Николай Ананьевич Камарецкий¹. Имя еще одного священника установить пока не удалось. По всей видимости, он служил при штабе армии.

Отец С. Щербаковский был участником русско-японской войны, где его ранило и контузило. Награжден орденом Св. Георгия. Н. Камарецкий тоже был известен — как депутат III Государственной Думы; прошел с полком всю Первую мировую войну и был отмечен боевыми наградами.

После молебна состоялось награждение нижних чинов георгиевскими крестами и медалями. «Генерал Рен[н]енкамф лично навешивал на грудь кресты вызванных вперед новых георгиевских кавалеров. Всего в бригаде было роздано 85 крестов. Взводный унтер-офицер Демахин² был награжден сразу 4-й и 3-й степенью.

После церемонии раздачи крестов, генерал Ренненкамф провозгласил “Ура” за Государя Императора, за нашу армию и за новых Георгиевских кавалеров. В ответ на это генерал Скоропадский провозгласил “ура” за командующего армией» [4, с. 149].

¹ Стефан (Степан) Васильевич Щербаковский (1874—1918) — православный священник. На 1914 г. протоиерей, полковой священник Лейб-гвардии Кавалергардского полка, благочинный 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Николай Ананьевич Камарецкий (1877—1931) — православный священник; 1 июля 1914 г. назначен полковым священником Лейб-гвардии Конного полка.

² Василий Миронович Демахин (род. с. Бакур Сердобского уезда Саратовской губернии; убит 15 (28).09.1915) — взводный унтер-офицер Лейб-гвардии Конного полка, кавалер Георгиевских крестов 2-й (№ 2, 27.10 (9.11) 1914 — за бой при дер. Глембокий-Брод, пожалован лично Его Имп. Величеством 15 (28).09.1914 [12, с. 297]), 3-й (№ 402 — за бой под Каушеном [13, с. 5]) и 4-й степени (№ 5600 — за бой при дер. Ознарген 30.07 (12.08).1914 [11, с. 59]).

Парад завершился церемониальным маршем повзводно под звуки трубачей. На следующий день полки покинули Инстербург, сделав две ночевки в Гумбиннене (ныне Гусев) и Шталлупёнене (ныне Нестеров), 8 сентября в Эйдткунене (ныне пос. Чернышевское Нестеровского района) [5]. Погрузившись в вагоны, бригада прибыла в Ковно.

Большой интерес вызывает информация о присутствии в Инстербурге великого князя Николая Николаевича. Во всех воспоминаниях с немецкой стороны присутствует его имя. Жители Инстербурга были твердо убеждены что именно он был в городе, и на мемориальном панно на стене отеля «Дессауэр Хоф» начертали его имя.

Даже известный военачальник генерал Э. Людендорф в воспоминаниях упоминает о пребывании Николая Николаевича в Инстербурге: «В Инстербурге мы жили в гостинице “Дессауский двор”, здесь только что перед нами его покинул Ренненкампф. Великий князь Николай Николаевич тоже лишь в последний момент уехал из города» [7, с. 59].

В начале Перестройки и местные краеведы, основываясь на немецких публикациях, с полной уверенностью сообщали, что в городе некоторое время проживал Николай Николаевич. Время от времени в местной прессе появлялись сообщения об этом.

На одной из первых конференций, проводимых в замке Инстербург, я, рискуя огорчить черняховцев, предпринял попытку развеять миф о пребывании в их городе столь известной личности. Мой основной аргумент — это невозможность долгосрочного пребывания Верховного Главнокомандующего в армейском штабе, вне Ставки. В воспоминаниях владельца отеля «Дессауэр Хоф» Германа Торнера¹ можно прочесть: «На следующий день, 27 августа... в мой отель въехал великий князь Николай Николаевич. Великий князь поселился в так называемой башенном номере на 4 этаже, оборудованном под рабочий кабинет. ...Великий князь... жил очень уединенно и много работал» [9, с. 23]. Это описание как-то не очень вяжется с

¹ Людвиг Герман Торнер (1862—1929) — предприниматель из Инстербурга. Построил и владел вплоть до своей кончины отелем «Дессауэр Хоф».

рабочей обстановкой человека, которому поручено руководить фронтами, и еще раз подтверждает абсурдность утверждений о пребывании Николая Николаевича в Инстербурге. Главнокомандующий русской армией должен быть в гуще событий, а не жить затворником на 4-м этаже. Подтверждение можно найти в мемуарах офицеров и чиновников Ставки Верховного. Так, у протопресвитера военного и морского духовенства Г. И. Шавельского¹ читаем: «С самого начала войны стали ходить разнообразными легенды о великом князе: “Великий князь обходит под градом пуль окопы”, — когда на самом деле он ни разу не был дальше ставок Главнокомандующих (фронтов)» [17, с. 56].

Полагаю, и русские офицеры, авторы вышеупомянутых книг, не оставили бы без внимания факт участия в параде Николая Николаевича.

Наконец, сообщение Людендорфа о пребывании великого князя Николая Николаевича в Инстербурге редактор книги А. Свечин прокомментировал так: «Всю германскую печать обошло утверждение инстербургского трактирщика, что у него до последней минуты располагался русский верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. Трактирщик принял за верховного главнокомандующих одного из молодых великих князей, служивших в гвардейской кавалерии. Великий князь Николай Николаевич в Восточную Пруссию в течение всей войны не въезжал» [7, с. 59].

Наиболее вероятными спутниками Ренненкампа, изображенными на открытках, могли быть командир 1-й бригады и командиры полков. Это генерал-майоры князь А. Н. Долгоруков и П. П. Скоропадский (последний был еще и командующим бригадой). Еще одним спутником командующего мог быть генерал Г. Хан-Нахичеванский. Генерал-лейтенант вечером 4 сентября выехал с места квартирования в штаб армии и, очевидно, присутствовал при таком значимом воинском церемониале. Еще один высокопоставленный чин 1-й армии — ее

¹ Георгий Иванович Шавельский (1871—1951) — православный священник, член Святейшего Синода. На 1914 г. — в Ставке Верховного Главнокомандующего; протопресвитер военного и морского духовенства.

начальник штаба, генерал Г. Г. Милеант — вполне мог сопровождать главнокомандующего. Есть определенное сходство между ним и персоной, изображенной на открытке. Правда, отношения между командующим и начштаба, как известно, были натянутыми. По утверждению представителя Ставки Верховного главнокомандующего, контр-адмирала А. Бубнова, «начальник штаба “рассорился” с командующим армией и остался в Сталупёнене вместе с некоторыми старшими чинами штаба, а в Инстербурге при генерале Ренненкампе остались два, пользовавшихся его особенными симпатиями офицера Генерального штаба...» [1, с. 58]. Но это происшествие датируется более поздним временем.

Говоря о параде, хочется обратить внимание на следующую деталь. В 2014 г., когда проходила реконструкция парада, была высказана мысль, что на параде барон Врангель и другие офицеры получили Георгиевские ордена. Но это совсем не соответствует действительности.

Процедура награждения была довольно непростой. Каждый командир отдельной части имел право представить к Георгиевской награде подчиненных ему офицеров, но при условии, что совершенный офицером подвиг подпадал под тот или иной параграф Статута ордена Св. Георгия. Когда в штабе армии накапливалось достаточное количество таких представлений, командующий армией созывал Георгиевскую Думу, назначая ее членами офицеров — Георгиевских кавалеров. Местная Георгиевская Дума на своем заседании, рассмотрев все представления, удостоивала награждением новых кавалеров. Само же награждение орденом Св. Георгия 4-й степени осуществлялось императором или по его поручению командующим армией. Командующий армией по этому случаю издавал приказ, который подлежал Высочайшему утверждению.

Первое заседание Георгиевской Думы 1-й армии прошло именно в Инстербурге 5 сентября, что подтверждается информацией в истории Конного полка: «В этот же день при штабе армии состоялось заседание Георгиевской Думы, присудившей ордена Святого Георгия 4-й степени следующим офицерам Конной Гвардии: Командиру полка Свиты генерал-майору Скоропадскому, полковнику Гартману, ротмистру барону Вран-

гелю и флигель-адъютанту корнету Великому князю Дмитрию Павловичу. Георгиевское оружие получили ротмистр Бобриков, шт.-ротмистр граф Бенкендорф, поручик граф Бенигсен и флигель адъютант поручик Князь Иоанн Константинович» [4, с. 149]. Да и автор истории кавалергардов, цитируя приказ командующего армией, сообщает, что заседание местной Георгиевской Думы прошло 5 сентября, и на нем Дума «удостоилась награждением орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия командира Кавалергардского Е. В. Г. И. М. Ф. полка генерал-майора князя Долгорукова», а георгиевским оружием — полковника князя Кантакузена, графа Сперанского и штабс-ротмистра Лазарева [3, с. 77].

Приказ командующего армией № 72 о награждении георгиевским оружием и орденами Святого Георгия датирован 12 сентября (30 августа) [8]. А Высочайший приказ, которым утверждались пожалования орденами Святого Георгия и Георгиевским оружием за боевые отличия, вышел только 26 (13) октября 1914 г. [2].

И еще один вопрос по поводу события в Инстербурге. Порой можно услышать, что это был совсем не парад, а обычный строевой смотр. Якобы событие парадом обозвала немецкая сторона, и эту мысль подхватили современные исследователи. За ответом обратимся к энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, в котором есть разъяснения словам «парад» и «строевой смотр»:

«Парад (военн.) — войсковой смотр. Различаются П.: строевой, производимый Государем Императором или высшими начальствующими лицами, и церковный, назначаемый в установленные дни, или общий для всех войск гарнизона, или особо в каждой части» [10]; «Смотры строевые (военн.) — производятся старшими военно-начальствующими лицами с целью проверки успешности и правильности ведения занятий в подведомственных частях. По общему правилу, осматриваются части в отношении тех только отделов обучения, которые уже пройдены; вместе с тем должно быть наблюдаемо, чтобы С. не нарушался систематический ход занятий» [15].

Полагаю, данные определения не требуют комментариев. Кроме того, первое сообщение о событии в Инстербурге было

опубликовано именно в русской «Летописи войны», где оно было обозначено как «Парад Кавалергардам и Конной гвардии в гор. Инстербурге».

В заключение хочу напомнить, что один великий князь все-таки участвовал в обсуждаемом параде. Это был лейб-гвардии Конного полка корнет Дмитрий Павлович, который находился при штабе 1-й армии после Каушенского боя. Правда, он не обходил вместе с Ренненкампом шеренги бригады, а стоял в одном ряду со своими однополчанами.

Список источников и литературы

1. *Бубнов А.* В царской Ставке. Воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк, 1955.

2. *Высочайший* приказ 13 октября 1914. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie57512661/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DДолгоруков%26groups%3Dawd%3Apr%3Afr%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrody%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniya%3Apotery_voennoplen%3Afr_list%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1%26rank%3Dгенрал (дата обращения: 20.04.2024).

3. *Звегинцов В. Н.* Кавалергарды в Великую и гражданскую войну: 1914—1920 год. Париж ; Таллин, 1936. Ч. 1 : 1914 год.

4. *История* лейб-гвардии Конного полка. Париж, 1964. Т. 3 : 1894 — эмиграция / сост. Г. Н. Лейхтенбергский ; ред. А. П. Тучков, В. И. Вуич.

5. *Краткий* боевой журнал Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка 1914 год. URL: <https://gwar.mil.ru/documents/view/?id=51538453> (дата обращения: 20.04.2024).

6. *Летопись* войны 1914—1917 гг. Пг., 1914. № 4.

7. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 / пер. с 5-го нем. изд. под ред. А. Свечина. М., 1923. Т. 1.

8. *Приказ* войскам 1-й армии № 72. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie57512631/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DДолгоруков%26groups%3Dawd%3Apr%3Afr%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrody%3Aawd_kart%3Apotery_

doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniya%3Apotery_voennoplen%3Afrclist%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1%26rank%3Dгенрал (дата обращения: 20.04.2024).

9. *Отель* переживает мировую историю (Германн Торнер, владелец отеля «Дессауэр Хоф») // *Надровия : ист.-краеведч. журнал (Черняховск)*. 2003. № 3. С. 18—39.

10. *Парад* // *Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]*. СПб., 1897. Т. XXIIА (44) : Оуэн — Патент о поединках. С. 756.

11. *Патрикеев С. Б.* Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914—1922 гг. IV степень. № № 1—100 000. М., 2012.

12. *Патрикеев С. Б.* Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914—1922 гг. I степень. № № 1—42 480. II степень. № № 1—85 030. М., 2015.

13. *Патрикеев С. Б.* Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914—1922 гг. III степень. № № 1—120 000. М., 2015.

14. *Русские* в Инстербурге (из воспоминаний Отто Хагена) // *Надровия : ист.-краеведч. журнал (Черняховск)*. 2003. № 3. С. 8—13.

15. *Смотры* строевые // *Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]*. СПб., 1900. Т. XXXа (60) : Слюз — София Палеолог. С. 580.

16. *Трень И.* Инстербург в лицах : биогр. словарь уроженцев Инстербурга. Ольштын, 2018.

17. *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии. М., 2019.

18. *Bierfreund M.* Meine Erlebnisse als Gouverneur von Insterburg, während des Russeneinfalls. Würzburg, 1916.

19. *Gause F.* Bierfreund, Max // *Altpreußische Biographie / hrsg. von Chr. Krollmann. Königsberg, 1941. Bd. 1. S. 57.*

20. *Insterburg* (Superintendent Leidreiter — Insterburg) // *Was wir in der Russennot 1914 erlebten : Siebzehn Berichte ostpreuss. Pfarrer, gesammelt u. hrsg. von Nietzki, Dompfarrer. Königsberg, 1915. S. 70—83.*

Об авторе

Игорь Владимирович Афонин — главный конструктор АО «ПКЦ-Флот», председатель Калининградского клуба краеведов, Калининград, Россия.

E-mail: yorck1813@mail.ru

I. V. Afonin

Kaliningrad Local History Club

THE PARADE IN INSTERBURG ON SEPTEMBER 5, 1914

This article examines the event that took place on September 5, 1914, in Insterburg, the parade of two cavalry regiments of the Russian Imperial Guard. The article analyzes a range of Russian and German sources on the history of this event. Special attention is given to the disputed claim of the participation of Grand Duke Nicholas Nikolaevich (the Younger), the Supreme Commander of the Russian Army, in the parade. The author concludes that this participation did not actually take place. The article also addresses the discrepancies in the characterization of the event (whether it was a parade or a military review) in the sources and in scholarly works.

Keywords: *East Prussia, World War I, Insterburg, Grand Duke Nicholas Nikolaevich, Rennenkampf, Wrangel*

The author

Igor V. Afonin, Chief Designer at JSC “PKC-Flot,” Chairman of the Kaliningrad Local History Club, Kaliningrad, Russia.

E-mail: yorck1813@mail.ru

УДК 725.945.1/.5

А. В. Новиков

Центр культуры, музейного и библиотечного обслуживания
МО «Краснознаменский муниципальный округ»

**НАДЕЖДА ПЛЕВИЦКАЯ: ПОДРУГА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ
ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ И СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ
В КАМПАНИИ 1914—1915 ГОДОВ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ**

Рассмотрены обстоятельства участия Надежды Васильевны Плевицкой, талантливой исполнительницы русских народных песен, в качестве сестры милосердия в Первой мировой войне, в частности в кампании 1914—1915 гг. в Восточной Пруссии. Охарактеризованы мотивы проявления певицей патриотических чувств. Особое внимание уделено тому, какое большое влияние на поведение человека и его поступки оказывают личные эмоциональные отношения с близкими людьми, а также каково воздействие личного примера на окружающих.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, Первая мировая война, сестра милосердия, Надежда Васильевна Плевицкая, Владимир Антонович Шангин, Эйджунен, Вержболово, 73-я пехотная дивизия

Надежда Васильевна Плевицкая (урожденная Винникова) — одна из первых звезд русской эстрады. Она родилась в с. Винниково Курской губернии в крестьянской семье. Чудесно исполнявшая русские народные песни, она вошла в историю благодаря своему пленительному голосу. «Курским соловьем» называл Плевицкую государь. Известный русский художник и искусствовед Александр Николаевич Бенуа, ценивший талант

© Новиков А. В., 2024

Надежды Плевицкой, однажды написал: «...она приводила в восторг всех — от монарха до его последнего подданного, типично русской красотой и яркостью таланта» [1, с. 523].

Надежда Васильевна была женщиной влюбчивой. В мемуарах она пишет: «...в одно из воскресений я получила приглашение от Великой Княгини Ольги Александровны приехать к пяти часам во дворец, на Сергеевскую. По воскресеньям к ней приезжали из Царского Села дочери государя: Великая Княгиня устраивала у себя племянницам маленькие развлечения. Когда я приехала, Великие Княжны уже были там и пили с приглашенными чай. Там была блестящая гвардейская молодежь, кирасиры, конвойцы... Мне приятен этот день во дворце... в тот день я впервые встретила там того... кто стал скоро моим женихом» [9, с. 77]. Избранника Надежды Плевицкой звали Владимиром Антониновичем Шангиным.

Крупнейший импресарио того времени Василий Николаевич Афанасьев наблюдал за развитием романа Надежды Плевицкой и Владимира Шангина: «Плевицкая стала женой маленького офицера дворянина, полюбив его со всей силой своей глубокой природы. Он отвечал ей таким же сильным, но безмолвным и сжигавшим его чувством. Будучи ее помощником и другом, я часто видал, как Надежда Васильевна подолгу смотрела на него с каким-то особенно мягким блеском своих неугасимо прекрасных глаз» (цит. по: [7, с. 46]).

Сараевское убийство застало Плевицкую и Шангина в Швейцарии. «Утром ко мне зашел В. А. Шангин, прочел мне газету и сказал: — укладывайте вещи, завтра надо ехать в Россию...» [9, с. 86]. Как только стало известно, что Шангин едет на фронт, Плевицкая, все бросив, тут же отправляется за ним. Оставив сцену, она поступает в лазарет сестрой милосердия.

«В Ковно, куда пришла второочередная 73-я пехотная дивизия, я поступила в Николаевскую общину сиделкой... Я обслуживала палату на восемь коек. Дежурство мое было от восьми утра до восьми вечера. К нам поступали тяжелораненые, которые нуждались в немедленной помощи. Временами устраивались концерты, наверху в офицерском отделении. За неимением платьев я концертничала в голубеньком сестринском наряде. А иногда мои песни требовались как лекарство» [Там же, с. 87].

Отъезд в действующую армию Надежда Васильевна, видимо, совершила не только от избытка патриотических и любовных чувств, но и под влиянием двух хорошо знакомых ей женщин.

Ольга Александровна Романова — великая княгиня Российского императорского дома, уехала на фронт медсестрой в полк, где служил ее возлюбленный (впоследствии, после официального развода Ольги Александровны, ее муж). Полковник Куликовский был уполномочен командовать в Ровно Ахтырскими гусарами. И великая княгиня отправилась за возлюбленным — работала сестрой милосердия в госпиталях, оборудовала свою больницу.

Анастасия Дмитриевна Вяльцева, которую называли «чайкой русской эстрады», была одной из самых богатых и известных женщин России. Она часто гастролировала по России вместе с Плевицкой. Вяльцева в 1902 г. познакомилась с гвардейским офицером — Василием Викторовичем Бискупским. Началась Русско-японская война, и офицер отправился на Дальний Восток. Из сообщений прессы Анастасия Дмитриевна узнала, что он тяжело ранен в грудь. Ничто не могло остановить влюбленную женщину, и через несколько дней она уже ехала в Харбин спасать своего любимого. На собственные средства Вяльцева снарядила санитарный отряд, прекратила концертную деятельность, уплатив огромные неустойки. Василий Викторович, отказавшись от эвакуации в тыл, умирал в госпитале. Анастасия Дмитриевна в течение двух недель не отходила от Бискупского и фактически спасла его. Случается, что эмоциональные поступки одних людей определяют поведение и судьбу других!

1914 год, Ковно. 73-я пехотная дивизия получила приказ выступать на фронт. Договорившись лично (видимо, с командующим дивизией генерал-майором Георгием Александровичем Левицким) Надежда в форме санитаря, переодевшись мужской, отправилась на фронт. Она находилась непосредственно на линии фронта, помогала раненым на поле боя и проявила достойное мужество. В полковом лазарете она исполняла обязанности медбрата, в том числе вблизи передовой. Певича увидела ужасы войны — кровь, смерть, страдания раненых.

Вот заметка из журнала «Рампа и жизнь» от 21 декабря 1914 г.:

На восточном фронте на передовых позициях работает сестрой милосердия Н. В. Плевицкая.

Интересна обстановка, в которой живет и работает знаменитая певица. Вот как описывает свое житье-бытье сама Н. В. П. в письме к своему уполномоченному — В. Н. Афанасьеву: «Пишу, чтобы вы знали, где я и куда писать мне. Сейчас пишу письмо, а от канонады дрожат стены... Дерутся в пяти верстах, несут раненых, так сказать, свежих. Сейчас завязался горячий бой. Наши наступают все вперед и вперед. Настроение хорошее, хотя и жаль бедных наших соколов-солдатиков, таких терпеливых. С каким удовольствием и радостью я, насколько могу, помогаю облегчать страдания этим чудным героям. Вот урвалась и пишу вам, потому что едет офицер, и я даю ему письмо, так как у нас нет здесь почты.

Так-то, вот я и на войне, и ничего — притерпелась и к ранам, и к лишениям. Сплю на соломе в душной хате, на полу, не раздеваясь, а со мною вповалку спят доктора — человек семь, и все-таки хорошо себя чувствую, потому что занята не собой. Привет всем, сестра Н. Плевицкая».

Точное указание местонахождения адресатов, находящихся в действующей армии, по распоряжению военных властей указывать воспрещено. Для всех же желающих писать Н. В. Плевицкой письма можно адресовать так: Действующая армия, 197-й полевой госпиталь при 73-й дивизии, сестре милосердия Н. В. Плевицкой [13, с. 9].

Бои 73-й дивизии под Вержболово и Эйдткуненом описаны Плевицкой в мемуарах:

...дивизия двинулась в Вержболово, откуда была слышна оружейная пальба... <...> Сумерки. Дивизия вступила в бой. Вержболово горело, страшно освещая красным полымем небо. Грохотали орудия. В поле стал штаб дивизии. Дивизионный лазарет развертывался в двух верстах от штаба. Раненых еще не было, мы ждали их, сидя на соломе в душной и тесной избе. В два часа ночи раненых привезли. Санитар обносил их огромным чайником с кипятком, а я поила и, кому можно было, давала коньяк,

который потихоньку стащила у доктора. Я, грешная, думала, что рюмка коньяку была необходима человеку, который только что вырвался из огня, — потрясенный, в крови. На залитых кровью людей невыносимо было глядеть. Все силы напрягла, чтобы быть спокойной. Мученические глаза — вовеки их не забуду. Миновала ночь. Начальник дивизии генерал Левицкий любезно предложил мне место в своем автомобиле, чтобы довезти до новой стоянки лазарета. За Эйдткуненом шел бой. Я осталась у автомобиля с полным чемоданом перевязочных средств. Мимо меня проходили раненые, которые могли двигаться сами. Мои бинты скоро иссякли: раненых было много. Ведь в одном 289-м Коротоякском пехотном полку выбили в тот день две тысячи человек [9, с. 91—92].

Когда активное наступление дивизии прекратилось, Плевицкая часто сопровождала командующего и его адъютанта Шангина в их штабном автомобиле. Эти поездки с генералами и именитыми гостями из Петербурга вызывали осуждение у рядовых офицеров на линии фронта. Однако понятно и желание Плевицкой, несмотря на опасности войны, находиться рядом с любимым человеком.

Офицеры Сумского полка в воспоминаниях описывают построение кавалерии при вступлении Леонтовича в командование. «Первый смотр генерала Леонтовича произвел неприятное впечатление. К выстроенному полку он подъехал в автомобиле и пересел на коня. При объезде полка автомобиль следовал за ним, а в автомобиле сидела одетая сестрой милосердия известная певица Плевицкая. Гусарам это было не по душе» [12, с. 206].

Плевицкую хорошо знали Сумские гусары, потому что до войны полк был расквартирован в Москве. Надежда Васильевна давала специальные концерты для частей Московского гарнизона и запевал полков по просьбе командующего войсками Московского военного округа генерала Павла Адамовича Плеве [5].

В январе 1915 г. пехотные полки 73-й дивизии вели бои под Лаздененом (Краснознаменск), штаб дивизии располагался в Пилькалене (Добровольск). Конница Леонтовича располагалась чуть севернее.

Сохранились свидетельства, что на фронте Надежда Васильевна продолжила давать концерты для военных. Примечательно, что в это время при штабе 73-й пехотной дивизии в качестве связного служил донской казак Козьма Крючков. Владимир Литтауэр, офицер 1-го гусарского Сумского полка в мемуарах упоминает встречу Плевицкой с Крючковым: «...Я встретил Крючкова в штабе пехотного корпуса, где он служил в качестве связного. В тот день в штабе выступала популярная исполнительница народных песен Плевицкая. Певица выразила желание сфотографироваться с героем дня, но Крючков отказался. — Я женатый человек, — объяснил казак, — и не могу фотографироваться с другой женщиной» [6, с. 56].

Надежда Плевицкая вспоминала: «...На дворе мы увидели, между прочим, чубатого, с тонким, красивым лицом казака, который учился ездить на велосипеде. Он не обращал на нас внимания, а упрямо одолевал стального коня. Впрочем, этот конь то и дело сбрасывал казака в снег... Так мы увидели Крючкова, портретами которого уже пестрили все журналы. Княгиня (попечительница Николаевской общины княгиня Васильчикова) казака сфотографировала. Он позировал неохотно. Генерал Леонтович заметил, что Крючков «не очень дисциплинирован» [9, с. 97].

Ситуация на фронте осложнилась и «командир корпуса генерал Епанчин приказал сестрам находиться подальше от фронта. Меня перевели в Эйдкунен в полевой госпиталь, и когда я ездила в штаб дивизии, то старалась не попадаться на глаза суровому генералу Епанчину», — вспоминала Плевицкая [Там же, с. 98].

Теперь подробнее о Владимире Шангине. Он родился 13 января 1883 г. в семье действительного статского советника Антона Васильевича Шангина, директора Санкт-Петербургского практического технологического института, основанного Николаем I. У Владимира было 10 братьев и сестер. Образование получил в Санкт-Петербургском императорском университете по факультету восточных языков и в Императорском археологическом институте.

На Русско-японскую войну 1904—1905 гг. Владимир ушел студентом в качестве переводчика восточных языков при штабе. Однако он не только переводил, но и участвовал в разведывательных операциях, проводимых на территории Монголии.

В Санкт-Петербурге, в хранилище Архива востоковедов (Институт восточных рукописей РАН), сохранился фотоальбом «Отчет о поездке студента Императорского университета В. А. Шангина в мае 1905 года» (см. об этом: [11]). Цель поездки — глубокая разведка Монголии. Посланы штабс-капитан Россов и переводчик монгольского языка Владимир Шангин под видом датского корреспондента и состоящего при нем переводчика. Штабс-капитан Петр Алексеевич Россов — профессиональный разведчик, офицер, востоковед, летом 1905 г. стал капитаном и был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Летом штабс-капитан Россов командирован в г. Чифу для организации дальней разведки. Он и его группа вела наблюдение за портами Маньчжурии. Также он осуществлял разведку Ляодунского полуострова и Восточной Маньчжурии.

Итог разведывательной деятельности студента Шангина — награждение его знаком отличия военного ордена Св. Георгия 4-й степени (№ 110618). Случай награждения очень редкий. «Георгием» награждались за мужество наиболее отличившиеся рядовые и унтер-офицеры, обычно за воинский подвиг с непосредственной угрозой для жизни на поле боя. Необходимо учесть, что для гражданских лиц предусматривалась награда в виде Георгиевской медали «За храбрость». Видимо, содеянное Шангиным стоило «Георгиевского креста»! За Русско-японскую войну Шангин получил еще и медаль «В память о русско-японской войне 1904—1905 гг.». Судя по фотографии 1914 г., Шангин был награжден медалью «светлой бронзой» как военный — непосредственный участник боев.

После войны Владимир закончил университет и круто изменил свою судьбу. В 1907 г. поступил на военную службу, нижним чином. Затем выдержал экзамен в Николаевском Кавалерийском училище. В 1908 г. он корнет лейб-гвардии Кирасирского Е. В. Г. И. Марии Федоровны полка, в 1911 г. поступает в Императорскую Николаевскую военную академию, с 1912 г. —

поручик. Владимир закончил академию по 1-му разряду, это был последний предвоенный выпуск академии Генерального штаба (1914 г.).

На начало Первой мировой войны поручик Шангин, причисленный к Генеральному штабу, — адъютант генерал-майора Георгия Александровича Левицкого, командующего 73-й пехотной дивизией, дислоцировавшейся в Ковно. Вскоре Шангин уже старший адъютант штаба дивизии. Он отличался храбростью и решительностью. Осенью 1914 г. поручик Шангин временно исполняет обязанности начальника штаба 73-й дивизии, причем исполняет отлично, что доказывает его аттестация, написанная полковником Кривенко:

Старший адъютант штаба 73-й пех. дивизии поручик Шангин пользуется не только в штабе дивизии, но во всех полках дивизии заслуженным уважением, закрепившимся благодаря тому обстоятельству, что в период моего временного командования полком (6 августа — 14 ноября), поручик Шангин исполнял обязанности начальника штаба дивизии и справлялся со своей обязанностью отлично. Безусловно храбрый, поручик Шангин обладает и необходимой для офицера Генерального штаба определенностью взгляда и решительностью. Качества эти проявились в нем особенно заметно в бою 31 октября под Эйдкуненом... За этот бой поручик Шангин представлен к Георгиевскому оружию... Вообще считаю поручика Шангина выдающимся офицером, прекрасно подготовленным к службе в Генеральном штабе и отличным себе помощником [10, ф. 2144, оп. 1, д. 908, л. 362—363].

В мемуарах Плевицкой она приводит слова Кривенко в личном разговоре о том, кто храбр, а кто нет: «Храбрый — это капитан Зверев. Тот, маленький, рябой, у которого нос пятачком. Еще в Японскую войну, на походе заснул на орудии зимой и приморозил к пушке нос. Проснулся, потянул нос и оторвал кончик. Зверев — отважный офицер. ...Вот еще поручик Шангин, вроде Зверева. На днях оба, на белых лошадях, проехали по верхушке окопа, а там не только ездить, — головы высунуть нельзя» [9, с. 96].

Так случилось, что в декабре 1914 г. вышеупомянутый В. В. Бискупский, муж А. Д. Вяльцевой, стал командиром

1-го лейб-драгунского Московского полка и командующим отрядом из нескольких кавалерийских подразделений. Штаб его отряда в декабре 1914 — январе 1915 г. размещался в населенном пункте Шилленен (ныне пос. Победино Краснознаменского муниципального округа). Отряд входил в состав 3-го армейского корпуса и подчинялся командующему конницей — генералу Леонтовичу.

В январе 1915 г. конница Леонтовича и 73-я пехотная дивизия ведут тяжелое наступление в Восточной Пруссии под Лаздененом. Пехотные полки 73-й дивизии несут большие потери в боях. Вот так пересекаются судьбы людей в самых неожиданных местах — сначала на просторах Маньчжурии, затем в столице Российской империи — Петербурге, и, наконец, в небольших городках Восточной Пруссии.

В критический момент, в 20-х числах января (ст. ст.) поручик Шангин лично передавал приказания из штаба дивизии на передовую в батальоны пехотных полков. В архивах сохранились записи об этом.

Тяжелые сражения переросли в отступление Русской армии. Недалеко от границ Восточной Пруссии, под Вержболово, 28 января 1915 г. (ст. ст.) Владимир Шангин получил тяжелое ранение. В архивах удалось разыскать только учетную карточку, где указаны место и дата ранения [10, ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат), шкаф б/н, ящ. 7541-Щ, л. 909, 910]. Вероятно, он был оставлен на месте сражения и скончался от тяжелой раны. Где именно похоронен храбрый гвардейский офицер Владимир Шангин, неизвестно.

Следует упомянуть тот факт, что именно на станции Вержболово 28 января находились два крупных военных госпиталя и несколько военно-медицинских формирований. Всего 14 врачей и 37 медсестер, уполномоченные светлейший князь П. П. Ливен, В. А. Бутурлин и еще 13 человек. Все они попали в плен [8, с. 115].

Из мемуаров Плевицкой видно, что в дни отступления она не знала о местонахождении Шангина. Вероятно, и он не имел сведений о том, где была она, однако осмелюсь утверждать, что он мог предполагать ее присутствие среди персонала лазаретов

на станции. Полевой госпиталь Плевицкой располагался в Эйдткунене, в непосредственной близости к станции Вержболово. Скорее всего, поручик — старший адъютант штаба дивизии — оказался под Вержболовым неслучайно и погиб, пытаясь защитить свою любимую женщину. Следует учитывать и слова полковника Кривенко из аттестации поручика Шангина: «...Передавая поручику Шангину боевое задание, можно быть всегда уверенным, что задача эта будет выполнена при малейшей к тому возможности, причем, будучи лично храбрым, поручик Шангин не станет ограничиваться одной передачей приказа, а всегда окажет личное содействие, хотя бы и с опасностью для себя» [10, ф. 2144, оп. 1, д. 908, л. 362—363].

Узнав о гибели любимого мужчины, Надежда Плевицкая в состоянии нервного расстройства была отправлена в Петроград,

В коллекции Гатчинского дворца-музея есть кирасирский палаш (под номером ГДМ-1044-IX), подаренный великому князю Михаилу Александровичу в 1909 г. по случаю его ухода из полка [3, с. 164]. На его клинке по обеим сторонам в технике инкрустации золотой проволокой нанесены автографы офицеров. При этом каждый автограф исполнен своим оригинальным почерком [14, с. 71]. Есть там и подпись В. А. Шангина. Рядом с ней можно увидеть подпись его друга Георгия Петровича Апрелева. Именно этого человека и его матушку — писательницу Елену Ивановну Апрелеву — упоминает в мемуарах Плевицкая: «В 1915 году после возвращения с фронта... в Петербурге, прямо с вокзала, бескорыстный друг, однополчанин В. А. Шангина, Ю. П. Апрельев привез меня к своей матери Елене Ивановне. Величавая, мудрая и светлая моя Елена Ивановна...» [9, с. 101].

Через месяц после гибели любимого человека она пела в Петрограде на благотворительных концертах. Пела трогательно. Военный министр генерал Владимир Александрович Сухомлинов лично ее благодарил. Сборы от концертов жертвовались в пользу семей убитых и раненых воинов [2]. Семнадцатого февраля 1916 г. Надежде Васильевне Плевицкой вручена большая золотая медаль «За усердие» [4].

В 1937 г. Плевицкую арестовали французские власти по обвинению «за соучастие в похищении генерала Миллера» — ру-

ководителя РОВС. Французский суд приговорил ее к двадцати годам заключения. Надежда Васильевна, каторжанка № 9202, недолго прожила в заключении, она болела и умерла 1 октября 1940 г. в городе Ренн (административный центр провинции Бретань).

В смертный час рядом с ней — так же, как и с Владимиром Шангиным, — не оказалось ни одного близкого человека.

Список источников и литературы

1. *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания. М., 1990. Т. 2.
2. *В Зимнем дворце* // Военный вестник. 1915. 3 апр. № 101. С. 2.
3. *Гатчинский арсенал* / под ред. Ю. Ефимова. СПб., 2001.
4. *Концерт* Н. В. Плевицкой // Московские ведомости. 1916. 23 февр. № 43. С. 5.
5. *Концерт* Плевицкой для войск московского гарнизона // Рампа и жизнь. 1910. 27 июня. № 26. С. 427.
6. *Литтауэр В.* Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911—1920. М., 2006.
7. *Млечин Л. М.* Плевицкая. М., 2017.
8. *Пахалюк К. А.*¹ «Неудобный помощник»: Российское общество Красного Креста на восточнопрусском фронте в годы Первой мировой войны (август 1914 — февраль 1915 года) // *Время Великой войны: от глобального переустройства до трансформаций повседневности: сборник научных статей* / отв. ред. И. О. Дементьев. Калининград, 2016. С. 92—121.
9. *Плевицкая Н. В.* Мой путь с песней. Париж, 1930.
10. *Российский* государственный военно-исторический архив.
11. *Стогов И. Ю.* Маньчжурское путешествие корнета // Санкт-Петербургские Ведомости. 2017. 22 мая. № 90. С. 4.
12. *Сумские гусары. 1651—1951* / Б. Н. Говоров, Швед, Соколов, Снежков, Водо и Вярвьильский. Буэнос-Айрес, 1954.
13. *Хроника* // Рампа и жизнь. 1914. 21 дек. № 51. С. 8—9.
14. *Шедевры* клинкового оружия из фондов музеев Санкт-Петербурга, художественных мастерских и частных коллекций. СПб., 2004.

¹ К. А. Пахалюк 28 июня 2024 г. внесен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

Об авторе

Анатолий Владимирович Новиков — заведующий отделом краеведческого музея, МБУ «Центр культуры, музейного и библиотечного обслуживания» МО «Краснознаменский муниципальный округ», Калининградская область, Россия.

E-mail: avnbalt@gmail.com

A. V. Novikov

Center for Culture, Museum, and Library Services, Krasnoznamensky Municipal District

NADEZHDA PLEVITSKAYA: A FRIEND OF GRAND DUCHESS OLGA ALEXANDROVNA AND A NURSE IN THE 1914—1915 CAMPAIGN IN EAST PRUSSIA

This article explores the involvement of Nadezhda Vasilievna Plevitskaya, a talented performer of Russian folk songs, as a nurse during World War I, specifically in the 1914—1915 campaign in East Prussia. The motives behind the singer's expression of patriotic feelings are analyzed. Special attention is given to how personal emotional relationships with close individuals significantly influence a person's behavior and actions, as well as the impact of personal example on those around them.

Keywords: *East Prussia, World War I, nurse, Nadezhda Vasilievna Plevitskaya, Vladimir Antoninovich Shangin, Eydtkuhnen, Wirballen, 73rd Infantry Division*

The author

Anatoly V. Novikov, Head of the Local History Museum Department, Center for Culture, Museum, and Library Services, Krasnoznamensky Municipal District, Kaliningrad Region, Russia.

E-mail: avnbalt@gmail.com

УДК 94(356.1)"1914/1915"

А. М. Ипатов

Воронежский государственный педагогический университет

ОБОРОНА КРЕПОСТИ ОСОВЕЦ В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Предпринята попытка осветить отражение и оценки в современных научных изысканиях и в исторической памяти событий, связанных с обороной крепости Осовец в годы Первой мировой войны. Подчеркивается, что в то время как в серьезной научной литературе о данном событии известно уже давно, и анализируемые сюжеты даже в советские годы становились предметом исследования, пусть не столь подробного, в исторической памяти всплеск интереса произошел после публикации журналистом В. Вороновым статьи под названием «Русские не сдаются». С этого момента миф и реалии событий 1914—1915 гг. все больше «отдаляются» друг от друга: ученые в своих публикациях анализируют различные малоизученные аспекты истории события, а в коллективной памяти три этапа обороны крепости все больше трансформируются в одну «атаку мертвецов», что приводит к искажению понимания подвига героев обороны Осовца и зарождению все новых мифических деталей.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Осовец, «Атака мертвецов», научные исследования, историческая память, оценки, образ*

В последние десятилетия в научном и медийном пространствах наблюдается устойчивый и все усиливающийся интерес к событиям Первой мировой войны 1914—1918 гг. Несмотря на то что в советскую эпоху публиковались статьи, монографии,

© Ипатов А. М., 2024

а также различные источники, касавшиеся отдельных аспектов и сюжетов этого глобального вооруженного конфликта, в силу ряда причин он даже в ученой среде вызывал намного меньше исследовательского интереса, нежели события Революций 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны. Что касается исторической памяти, то здесь ситуация и вовсе была однозначной: в СССР предпочитали избегать в публичном пространстве какой-либо рефлексии относительно событий Первой мировой войны либо, если уж упоминали, стремились максимально сжато и в негативном свете представить информацию. Таким образом, сложилась ситуация, при которой именно в коллективной исторической памяти участие России в событиях 1914—1918 гг. на полях сражений было сознательно «передано забвению». Поэтому появление в 2009 г. на страницах издания «Совершенно секретно» статьи В. Воронова [4] вызвало определенный шок и непонимание. У читателей, вероятно, закралось подозрение, что от них много десятилетий сознательно скрывали подробности невероятного подвига гарнизона крепости Осовец. Впрочем, автор справедливо отмечал, что события Первой мировой войны долгое время на официальном уровне практически не удостоивались каких-то значимых коммеморативных практик. Однако далее, увы, со стороны журналиста началось мифотворчество, которое привело к формированию в коллективном сознании искаженного представления об обороне крепости Осовец.

Современный этап развития СМИ, когда их сетевой сегмент преобладает над остальными, приводит к дальнейшей рефлексии читателей над данными событиями. По справедливому замечанию ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН Ю. А. Лабынцева, электронно-сетевой поток сведений об обороне Осовца увеличивается в колоссальных пропорциях. Однако есть и обратная сторона у этого, в целом положительного, явления, благодаря которому как можно большее количество пользователей могут узнать информацию о героических страницах прошлого. По замечанию ученого, наблюдается «появление совершенно новых текстовых конфигураций в виде самовоспроизводящихся электронных пластов» [7, s. 331]. Иными словами, в условиях отсутствия критического

подхода к информации пользователи сети Интернет нередко ретранслируют абсолютно непроверенные данные либо сочиняют какие-то подробности, тем самым все более отдаляя современные стереотипы от первоначального реального события.

В то же время в научном сообществе проводится кропотливая и скрупулезная работа по анализу имеющихся источников, относящихся к обороне крепости Осовец. В последние полтора десятка лет были опубликованы интересные статьи и монографии, позволяющие расширить наше представление о перипетиях тех драматичных событий. Однако количество публикаций об Осовце в последние годы не всегда означает качественные изменения, так как большинство публикаций носит компилятивный характер, нередко авторы копируют ошибочные данные друг у друга, даже не задумываясь проверить подлинность приводимой информации. Но труды ряда историков тем не менее отличаются высокопрофессиональным характером и вносят серьезный вклад в изучение этой темы.

Так, в четвертом номере журнала «Былые годы» за 2011 г. на основании хранящегося в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) дневника боевых действий 226-го Землянского полка группа авторов предприняла попытку реконструировать ход боевых действий в ходе третьего штурма Осовца и так называемой «Атаки “мертвецов”» [15]. Историки констатировали недостаточную разработанность темы в историографии, наличие ряда «белых пятен» и мифологем. Однако они воздержались от того, чтобы представлять защитников крепости некими супергероями, отметив, что последние храбро, с честью, самоотверженно выполнили свой долг. Стоит согласиться с авторами в том, что отсутствие архивных документов с германской стороны и незначительное на сегодняшний день количество введенных в научный оборот источников личного происхождения очень сильно затрудняют исследование.

Отдельные публикации, несмотря на любопытные и ценные содержащиеся в них сведения, повторяют распространенные в исторической памяти мифы относительно анализируемых событий. Так, Ю. Гусаров пишет о «харкающих легкими» русских солдатах и офицерах, бросившихся на значительно превосходящие силы противника [5, с. 52]. Автор, как и позднее

О. А. Космодемьянская, магистрантка Воронежского государственного технического университета [6], обращаясь к фигурам реальных участников обороны крепости Осовец, освещает биографии главного врача Осовецкого крепостного госпиталя № 1 Н. А. Федорова и его дочери, сестры милосердия этого госпиталя М. Н. Лопатниковой. О. А. Космодемьянская цитирует воспоминания одного из участников героической и длительной обороны крепости и «Атаки “мертвецов”», крестьянина И. Ф. Тагинцева. К сожалению, оба автора не дают ссылок на первоисточник, что, безусловно, может вызывать некоторые сомнения относительно достоверности приводимых сведений. Однако представляется, что обращение к источникам личного происхождения — это один из ключей к успеху в деле действительной реконструкции хода событий обороны Осовца летом 1915 г.

Отметим, что именно третий и последний штурм крепости вызывает у ученых, как и публицистов, наибольший интерес, что приводит к гипертрофированному восприятию событий. К сожалению, никакой новой информации не принесла статья И. В. Чеснокова [16], который пишет удивительные вещи о стратегии блицкрига применительно к событиям Первой мировой войны и в списке источников и литературы указывает всего лишь три позиции. Ряд нареканий содержит и исследование В. Соколова и Д. Хвесюка [14], в котором, вопреки заглавию, абсолютно отсутствует анализ историографии; в тексте же, как и в предыдущем случае, налицо ряд ошибок и мифологем.

В то же время продолжают публиковаться серьезные исследовательские труды, посвященные различным сюжетам обороны крепости Осовец. Так, воронежский историк В. В. Бахтин скрупулезно изучил боевой путь 226-го Землянского полка [1], в том числе его участие и роль в анализируемых событиях [2]. Ему удалось, используя архивные материалы, выявить имена и фамилии многих военнослужащих этого воинского подразделения. Автор, не умаляя заслуг защитников крепости, а, напротив, отдавая им должное, выступает против того, чтобы, следуя современному мифотворчеству, представлять их людьми со сверхспособностями. Он опровергает бытующий стереотип об отсутствии у гарнизона противогазов и защитных средств.

В отличие от многих коллег-ученых, а также преобладающего числа публицистов, В. В. Бахтин указывает на три этапа обороны Осовца, каждый из которых имел свои особенности, отмечен мужеством и стойкостью обороняющихся и не должен сводиться в общественном сознании исключительно к «Атаке “мертвецов”». Справедлив и вывод автора: «Показания непосредственных участников полностью противоречат современным публицистическим заметкам об участниках “атаки мертвецов”, которые напоминают больше описание атаки зомби или других героев фильмов ужасов» [Там же, с. 62]. Не вызывает сомнений и его тезис о том, что комплексное применение различных источников (журнал боевых действий 226-го Землянского полка и других воинских подразделений, принимавших участие в обороне, источники личного происхождения, данные германских архивов) позволит ученым анализировать происходившие события на научной основе. В. В. Бахтин выступил также ответственным редактором сборника научных трудов «Русские не сдаются»: забытые страницы истории Первой мировой войны» [13], в котором целый блок статей был посвящен обороне Осовца, и своими научными изысканиями поделились вышеупомянутые Ю. В. Гусаров, А. А. Черкасов, А. А. Рябцев, В. И. Меньковский, а также польский историк Б. Пержик, воронежский ученый Е. А. Шендриков и московский исследователь К. А. Пахалюк¹. Последний обратился в своей статье к проблеме освещения событий обороны Осовца публицистами Российской империи в 1914—1917 гг. Автор отдельно анализирует то, каким образом каждый этап обороны крепости отмечен в газетах и журналах той эпохи, таких как «Новое время», «Псковская жизнь», «Московские ведомости» и «Биржевые ведомости». Учитывая количество периодических печатных изданий в России в то время, думается, автор мог бы взять более широкий круг источников. Хотя, вероятно, не все газеты и журналы упоминали об Осовце. Резюмируя, К. А. Пахалюк высказывает

¹ К. А. Пахалюк 28 июня 2024 г. внесен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

любопытную мысль, согласно которой «освещение всех трех ключевых эпизодов представляется неразрывно связанным с предшествующими неудачами русских войск» [11, с. 131].

Свои научные изыскания в данной области он продолжил публикацией статьи «Оборона крепости Осовец: о генеалогии одного героического нарратива» [12]. В ней автор постарался проследить изменения, которые произошли в восприятии описываемых событий с момента их зарождения до настоящего времени. Особенная ценность данной публикации заключается в анализе образа Осовца и связанных с ним сюжетов не только в научной литературе, но и в исторической памяти. Соглашаясь далеко не со всеми аргументами автора, стремившегося отчетливо продемонстрировать собственную позицию, стоит отдать должное его скрупулезной работе. Думается, справедливы и замечания К. А. Пахалюка, что «разница между научным и медийным осмыслением заключается именно в способе обращения с имеющимися фактами», а также, что «стремление же искусственно сделать историю актуальной, насытив ее как бы современными смыслами, неизбежно приводит к мифологизации» [12, с. 56].

Подобные же мысли встречаются в статье Г. Н. Мокшина [8], вновь постаравшегося осветить роль и место 226-го Землянского полка в обороне крепости Осовец и верно указавшего на необходимость детального и тщательного изучения материалов из РГВИА и других источников. Только комплексный подход к их анализу позволит составить представление, приближенное к тому, что было в реальности.

Очень интересные подробности того, как Главным управлением Генерального штаба Российской империи подавалась официальная информация о происходивших на фронте событиях, в том числе о штурмах германскими войсками Осовца, представлены в статье И. В. Обьедкова [10]. Автор убедительно продемонстрировал, что наряду с другими крепостями Осовец вызывал самое пристальное внимание со стороны обществу, воспринимался как оплот русской обороны, нередкими были аналогии с французским Верденом. Статья наглядно демонстрирует, что официальные сводки об Осовце могли носить разный характер: от фокусировки внимания на нем как на неприступной крепости до сообщения о том, что крепости в со-

временных условиях ведения боевых действий утратили свое значение, но это не умаляло стойкость и твердое исполнение гарнизоном возложенных на него обязанностей.

Последним на сегодняшний день серьезным научным исследованием об Осовце является статья известного военного историка С. Г. Нелиповича, предпринявшего попытку «очистить» историю обороны крепости от ряда бытующих мифологем. Вероятно, автор прав в том, что «легенды и мифы не существуют там, где событие хорошо и всесторонне изучено» [9, с. 67]. Важно его замечание по поводу того, что в 1944—1945 гг. большинство германских фондов, относившихся к истории кайзеровской армии 1914—1918 гг., было уничтожено или утеряно. Это не позволяет уточнить с достоверностью численность противостоявших защитникам Осовца противников, лишает нас возможности применять источники личного происхождения с германской стороны. Развенчивая ряд мифологем, С. Г. Нелипович приходит к выводу о том, что детализация обстоятельств «Атаки “мертвецов”» ни в коем случае не умаляет героизма и заслуг оставшихся в живых в ходе газовой атаки и артиллерийского обстрела защитников крепости, с честью выполнивших свой долг.

Обратимся теперь к такому аспекту, как отражение знаний об обороне Осовца в исторической памяти. Как было указано выше, всплеск интереса общественности к анализируемым событиям произошел в 2009 г. На сегодняшний день снято несколько документальных фильмов с привлечением в качестве консультантов профессиональных историков, что делает их более приближенными к академичному пониманию происходивших в 1914—1915 гг. драматичных событий. Но все больше появляется любительских видеороликов на популярных интернет-платформах, в которых информация трансформируется, появляются подробности, которые не подтверждаются учеными, а участники обороны Осовца предстают в образе неких киногероев, наподобие популярных персонажей из блокбастеров западных кинокомпаний. С одной стороны, это облегчает восприятие обывателями показанных событий, с другой — приводит к искажению того, что было в реальности. Не отстают и музыкальная индустрия. И если в песне В. Стрижак «Русские не сдаются» видеоряд и слова не противоречат явно тому, как события атаки представлены в научных изысканиях, то компози-

ции Авентайл, Арии, Арктиды, *Radio Tapok* рисуют множество фантастических образов, никак не относящихся к действительности. В статье, посвященной анализу данных музыкальных произведений, справедливо отмечается, что «миф в этих песнях остается мифом, без какой-либо серьезной критики», а также, что он «безусловно, работает на героизацию и романтизацию прошлого» [3, с. 295].

События обороны крепости Осовец и, главным образом, «Атака “мертвецов”» являются на сегодняшний день одним из популярных сюжетов при проведении разнообразных реконструкторских фестивалей. Нашли они отражение и в одежде. В частности, компания из Санкт-Петербурга «Варгград» изготавливает ряд позиций (футболки, толстовки, худи) под названием «Атака мертвецов», другие фирмы также активно используют это название.

Резюмируя, хочется подчеркнуть главный аспект: на сегодняшний день в научных изысканиях и исторической памяти события об обороне Осовца представлены абсолютно по-разному. Если ученые стремятся посредством более активного использования сохранившихся источников как можно точнее восстановить детали этих героических событий, то в общественном сознании три этапа обороны Осовца все чаще сводятся к «Атаке “мертвецов”», что неоднократно отмечено исследователями. А современные кибертексты и возможность их редактирования становятся питательной почвой для создания новых и дальнейшей ретрансляции старых мифологем. Тем самым в исторической памяти реальный подвиг солдат и офицеров гарнизона, их стойкость и мужество, твердое следование своему долгу заменяются на яркий образ, который все меньше имеет отношения к действительности.

Список источников и литературы

1. *Бахтин В. В.* Жить для России, служить России, умереть за Россию. История 226-го Землянского пехотного полка. Воронеж, 2015.
2. *Бахтин В. В.* Роль 226-го пехотного Землянского полка в обороне крепости Осовец // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год : докл. и выступления участников V Междунар. науч.-практ. конф. М., 2016. С. 47—62.

3. Винник А. А., Воронцов Ю. А., Субботин М. А., Субботина Н. А. «Атака мертвецов» в музыкальных композициях: анализ популярных музыкальных произведений второго десятилетия XXI века // Апрельские тезисы. Социогуманитарные проблемы прошлого и настоящего : матер. всерос. науч. конф. (Пермь, ПГНИУ, 8—9 апреля 2022 г.). Пермь, 2022. С. 288—297. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Aprelskie-tezisy-2022.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).

4. Воронов В. Русские не сдаются // Совершенно секретно. 2009. 1 авг.

5. Гусаров Ю. В. Русские хроники: оборона крепости Осовец в Первую мировую войну // Экономические стратегии 2012. № 3. С. 52—61.

6. Космодемьянская О. А. Неизвестные участники «Атаки мертвецов» в ходе обороны крепости Осовец 24 июля (6 августа) 1915 года // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2024. № 1. С. 51—61.

7. Лабынцев Ю. А. Современное интернетвидение героики защитников крепости Осовец как кибертекст // W kręgu problemów antropologii literatury. Ciało i rzecz w literaturze / red. W. Supa, I. Zdano-wicz. Białystok, 2016. S. 327—332.

8. Мокшин Г. Н. 226-й Землянский полк: история и современность // История: факты и символы. 2018. № 1 (14). С. 69—75.

9. Нелипович С. Г. Осовец, 24 июля 1915 г.: от мифа к познанию // Георгиевские чтения. Сборник трудов по военной истории Отечества. М., 2022. Вып. 2 / ред.-сост. К. А. Пахалюк¹. С. 63—78.

10. Обьедков И. В. Пресс-конференции в Генеральном штабе об обороне русских крепостей в 1914—1915 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2016. № 1. С. 75—98.

11. Пахалюк К. А.¹ «...гарнизон и жизненные элементы крепости пострадали очень мало»: оборона крепости Осовец в отечественной публицистике 1914—1917 гг. // «Русские не сдаются»: забытые страницы истории Первой мировой войны : сб. науч. тр. Воронеж, 2016. С. 115—134.

12. Пахалюк К. А.¹ Оборона крепости Осовец: о генеалогии одного героического нарратива // Свободная мысль. 2016. № 2. С. 43—58.

13. «Русские не сдаются»: забытые страницы истории Первой мировой войны : сб. науч. тр. / отв. ред. В. В. Бахтин. Воронеж, 2016.

¹ К. А. Пахалюк 28 июня 2024 г. внесен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

14. Соколов В., Хвезюк Д. Крепость Осовец. Атака мертвецов: историография событий // Проблемы межрегиональных связей. 2022. № 19. С. 12—17.

15. Черкасов А. А., Рябцев А. А., Меньковский В. И. «Атака мертвецов» (Осовец, 1915 г.): миф или реальность // Былые годы. 2011. № 4 (22). С. 5—11.

16. Чесноков И. В. Оборона крепости Осовец в 1915 году // Берегinya. 777. Сова. 2017. № 1 (32). С. 92—101.

Об авторе

Алексей Михайлович Ипатов — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия.

E-mail: molot.tora@mail.ru

A. M. Ipatov

Voronezh State Pedagogical University

ON THE DEFENSE OF THE OSOVETS FORTRESS IN MODERN RUSSIAN SCIENTIFIC RESEARCH AND HISTORICAL MEMORY

This article attempts to highlight the reflection and assessments in modern scientific studies and historical memory of the events related to the defense of the Osovets Fortress during World War I. It is emphasized that while these events have long been known in serious scientific literature and were analyzed even during the Soviet era, albeit not in great detail, there was a surge of interest in historical memory after the journalist V. Voronov published an article titled “Russians Don’t Surrender.” From that point on, the myth and realities of the events of 1914—1915 have increasingly diverged: scholars in their publications analyze various lesser-known aspects of the event’s history, while in collective memory, the three stages of the fortress’s defense have been increasingly reduced to the single “Attack of the Dead Men,” leading to a distorted understanding of the heroic defense of Osovets and the emergence of new mythical details.

Keywords: World War I, Osovets, “Attack of the Dead Men,” scientific research, historical memory, assessments, image

The author

Dr Alexey M. Ipatov, PhD in History, Associate Professor of the Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia.

E-mail: molot.tora@mail.ru

УДК 94(100)"1914/19"

С. Г. Нелипович

Институт российской истории РАН

ПАСХАЛЬНЫЕ ПЕРЕМИРИЯ НА РУССКОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В отличие от Рождественского перемирия 1914 г. на Западном театре военных действий, пасхальные перемирия на Русском фронте Первой мировой войны почти неизвестны. На основе архивных документов рассмотрена история носивших стихийный характер перемирий на Пасху в 1915—1916 гг. Имели место похороны погибших, общение воинов враждующих армий, взаимные поздравления и угощения, в 1916 г. — визиты в окопы противника, при которых появилась масса перебежчиков. Показано, что неодобрение и репрессивные меры со стороны командования не смогли остановить практику фронтовых братаний.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Русский фронт, Русская армия, армии Центральных держав, Пасха, братания, перебежчики*

В истории Первой мировой войны были примеры, когда представители враждующих армий и государств прекращали на время военные действия, следуя христианским традициям. До настоящего времени широкую известность получило Рождественское перемирие на Западном фронте (театре военных действий) в декабре 1914 г.

Подобные события на Русском (Восточном) фронте практически неизвестны — более того, здесь в течение кампаний 1914—1916 гг. обе стороны пытались использовать празднова-

© Нелипович С. Г., 2024

ние противником Рождества Христова (в массе своей по разным календарным стилям) для успеха в активизации военных действий. Но нападения на праздновавших Рождество кончились неудачей для 3-го Сибирского армейского корпуса у Лыка (Восточная Пруссия) в 1914 г., для армий Юго-Западного фронта в 1915 г. в Буковине и для 12-й армии Северного фронта в 1916 г. под Митавой.

Казалось бы, разница во времени отправления обрядов должна была еще более «разграничить» сражавшихся на Русском фронте. Но в составе австро-венгерских войск было много адептов православия и униатства, что вероисповедально сближало солдат по обе стороны линии фронта. В отличие от Западного фронта, на Русском фронте проявилось обоюдное желание солдат поздравлять противников с Христовым воскресением. Пасха еще более, чем Рождество, воздействовала на воюющих, так как была заветом преодоления смерти. Общению противников помогло и то обстоятельство, что два года подряд — в 1915 и 1916 гг. — у всех христиан мира празднование Пасхи совпало по времени.

В 1915 г. это было 22 марта (4 апреля н. ст.). На многих участках фронта наступило затишье. На участке русской 75-й пехотной дивизии во второй день Пасхи русские и австрийцы вышли из окопов, вскоре с пассивного согласия начальника дивизии началось взаимное угощение солдатами двух армий друг друга и похороны лежащих на нейтральной полосе уже два месяца убитых [3, ф. 2405, оп. 1, д. 300, л. 143].

Из приказа по 1-му Туркестанскому армейскому корпусу 7 (20) июня 1915 г. видно, что такой случай не был единственным: «Недавно... немецкие и русские унтер-офицеры сошлись между окопами и во время дружественного обмена папиросами условились, что их роты не будут друг в друга стрелять до тех пор, пока та или другая сторона не перейдет в наступление» [3, ф. 3376, оп. 1, д. 129, л. 286].

Известия о пасхальных перемириях дошли и до Ставки. 26 апреля (9 мая) 1915 г. дежурный генерал штаба Верховного главнокомандующего генерал-майор П. К. Кондзеровский в циркуляре армейским штабам отмечал: «На передовых позициях происходит систематическое общение между нижними чи-

нами и противником и обмен хлеба на коньяк, шоколад, водку и сигары. Верховный главнокомандующий, признавая такое явление совершенно недопустимым, повелел объявить, что впредь за допущение такого общения нижних чинов с неприятелем строжайшая ответственность должна ложиться на ротных командиров и командиров полков» [3, ф. 3382, оп. 1, д. 146, л. 37].

В Карпатах же на участке русской 8-й армии генерала от кавалерии А. А. Брусилова шло так называемое «пасхальное наступление». Бой усиленной 12-й кавалерийской дивизии против частей 42-й пехотной дивизии хонведа, начавшийся успешно, на следующий день обернулся поражением [1, с. 120—121]. В Сводном корпусе неудачей закончился бой с германским Бескидским корпусом [2, с. 255—256]. Такие события сказывались на психике солдат, убеждавшихся, что бой в «святые дни» добром не кончается.

Пасха в 1916 г. пришлось на 10 (23) апреля. В отличие от ожесточенных боев весны 1915 г., спустя год на Русском фронте в целом царило затишье после неудачных для русской армии наступлений в Галиции и у оз. Нарочь и Двинска. Еще загодя в ряде соединений и объединений были изданы приказы о недопущении какого-либо небоевого общения с противником. Так, командующий 5-й Сибирской стрелковой дивизией генерал-майор Е. А. Милоданович 7 (20) февраля 1916 г. требовал от командиров полков и подразделений недопущения общения с противником и обмена подарками (а на Рождество такие случаи были), а по нарушителям открывать ружейно-пулеметный огонь [3, ф. 3351, оп. 1, д. 264, л. 147].

С вечера 9 (22) апреля 1916 г. почти по всей линии фронта смолк огонь артиллерии, стали редкими, а затем и вовсе прекратились ружейные и пулеметные выстрелы. В пасхальную ночь не были высланы обычные партии разведчиков. В окопах, в ближнем и дальнем тылу начались богослужения. На следующий день войны разговлялись — как полученными из дома пасхальными посылками, так и отпущенными продуктами «для улучшения питания» от казны. В некоторых объединениях принимались меры по облегчению в этот день службы для

христиан, насколько это было возможно, так как представители этой конфессии составляли большинство военнослужащих [З, ф. 2821, оп. 1, д. 102, л. 51].

Несмотря на запреты командования всех уровней, в главный христианский праздник по обе стороны фронта люди забывали вражду, выходили общаться, негласно соблюдали перемирие, вместе хоронили погибших, оставшихся на ничейной полосе, и ходили друг к другу в гости [З, ф. 2834, оп. 1, д. 41, л. 36; ф. 2791, оп. 1, д. 50, л. 6; ф. 2797, оп. 1, д. 291, л. 17; ф. 3317, оп. 1, д. 357, л. 191 об.].

Расследования, проведенные штабами разных уровней, выяснили, что солдаты и даже офицеры не только общались с противником (что было запрещено ст. 104-1 и 243 книги XXII Свода военных постановлений 1869 г. и каралось вплоть до смертной казни), но и многие не вернулись затем в свои части. «На фронте армии, — отмечал в приказе командующий 3-й армией Западного фронта генерал от инфантерии Л. В. Леш, — были случаи вызова группами безоружных неприятелей наших солдат на закуску и выпивку. В 308[-м] полку 10 человек наших солдат, к стыду нашему, соблазнили такой подачкой и, конечно, остались пленными. Разные допущения прохода безоружных людей или даже мелких партий вооруженных безнаказанно ведут лишь к тому, что наш солдат распускается и легко поддается на указанные выше приманки. Предписываю никаких послаблений не допускать, а командиров батальонов и рот, потакающих таковому, отрешать от должностей». Командующий ротой прапорщик Пацианский был смещен с должности [З, ф. 2917, оп. 1, д. 314, л. 21; ф. 2932, оп. 1, д. 173, л. 754].

Пасхальное перемирие с обменом подарками, беседами и христосованием произошло и во всех полках Сводной пограничной пехотной дивизии (Западный фронт). В 1-м Рыпинском и 2-м Калишском пограничных пеших полках осталось на позициях противника соответственно 3 и 1 солдат, а в 4-м Неманском перебежчиков оказалось 13 человек, причем и с германской стороны в русские окопы перешло несколько солдат. В приказе 10-му армейскому корпусу указывалось, что перебежчики ушли

к противнику сознательно — одни под видом разведки, другие «прельстившись немецкими подарками» [3, ф. 4934, оп. 1, д. 14, л. 154; ф. 4935, оп. 1, д. 15, л. 160; ф. 4937, оп. 1, д. 44, л. 118].

Случаи братания и перехода к противнику были отмечены и в 81-й пехотной дивизии (Гренадерский корпус). Не смогли противодействовать уходу к противнику в 321-м пехотном Окском полку: солдаты стали сходиться на нейтральной полосе перед окопами и разговаривать; несмотря на «строгие меры», к германцам ушло 13 человек. В 323-м пехотном Юрьевецком полку после пресечения общения с противником не досчитались 11 солдат. В 1-м Туркестанском армейском корпусе ушли к германцам стрелки 8-го Туркестанского и 42-го Сибирского стрелковых полков [3, ф. 2930, оп. 1, д. 11, л. 2 об.; ф. 2932, оп. 1, д. 173, л. 723; ф. 3376, оп. 1, д. 178, л. 188; ф. 3430, оп. 1, д. 97, л. 3].

Более массовыми были переходы к противнику в ходе пасхальных перемирий в армиях Юго-Западного фронта. В полках 47-й пехотной дивизии 7-й армии из австрийских окопов не вернулось 12 человек. Все унтер-офицеры и ефрейторы 12-й роты 185-го полка были разжалованы в рядовые. В 8-м армейском корпусе (14-я и 15-я пехотные дивизии) 8-й армии перебежали к противнику 10 солдат, в 26-й пехотной дивизии после приказа артиллерии разогнать солдат огнем 5 человек ушли в окопы австро-венгров. Среди перебежчиков были иудеи и мусульмане [3, ф. 2667, оп. 2, д. 172, л. 121; ф. 2674, оп. 2, д. 138, л. 302, 305; ф. 2716, оп. 1, д. 101, л. 16—16 об.; ф. 2799, оп. 2, д. 162, л. 265; ф. 2800, оп. 1, д. 116, л. 245].

Самым массовым стало пасхальное братание в войсках 40-го армейского корпуса. Как следовало из изложения событий в приказе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала от кавалерии А. А. Брусилова от 18 апреля (1 мая), «стрелки некоторых рот, где офицеры отдыхали, приняли приглашение австрийцев, вышли из своих окопов без оружия с пасхальными яствами, и часть из них даже прошла в окопы противника, при этом было задержано австрийцами одновременно нижних чинов стрелковых полков 13-го, 15-го, 16-го — 38, 5-го — 81 и 2-й батарее 2-й стрелковой артиллерийской бригады — 1 фейерверкер. Многие из задержанных,

по отзыву ближайшего начальства, принадлежали к числу отличнейших по своим боевым и нравственным качествам, и было несколько георгиевских кавалеров». За «распущенность и отсутствие должного порядка» получили взыскания генералы С. Н. Дельви́г, Ю. Ю. Белозор и А. И. Деникин [3, ф. 2800, оп. 1, д. 116, л. 200—200 об.].

В 8-й армии участвовавшему в «братании» командиру 5-го стрелкового полка полковнику А. Н. Ильяшенко был объявлен выговор, а поручик 8-го мортирного дивизиона Л. Завадский и прапорщик 5-го стрелкового полка И. Г. Голик, вернувшийся из австрийских окопов, получили по 30 суток ареста. В 9-й армии командир 6-го Заамурского пешего пограничного полка полковник А. Э. Гальнбек в приказе от 23 апреля (6 мая) 1916 г. своей властью наказал георгиевских кавалеров капитана Н. А. Михайлова и прапорщика С. Л. Закерта за «разговоры с неприятелем». В 147-м пехотном Самарском полку (37-я пехотная дивизия, 11-я армия) были подвергнуты телесному наказанию розгами двое рядовых, «не удержавших» перебежчика [3, ф. 2760, оп. 2, д. 369, л. 53; ф. 2827, оп. 2, д. 185, л. 7; ф. 4950, оп. 2, д. 40, л. 325].

На большом протяжении Северного фронта позиции русских и германских войск здесь разделялись руслом Западной Двины. Наиболее крупный плацдарм на левом берегу занимали войска Рижского укрепленного района. Здесь в 121-й пехотной дивизии во время христосования («братания») 10 (23) апреля 1916 г. перебежал к германцам 21 солдат 481-го Мещовского, 482-го Жиздринского и 483-го Обдорского полков. По германцам, вышедшим навстречу, открыли огонь из винтовок и пулемета; стрельба велась и по своим [3, ф. 2152, оп. 1, д. 540, л. 46; ф. 3020, оп. 1, д. 34, л. 221—221 об.; ф. 3022, оп. 1, д. 38, л. 51, 57, 70 об.].

«Перемирие у Берземюнде» вызвало ярость у начальников всех уровней. Было предписано провести строжайшее расследование действий не только солдат, но и не сумевших воспрепятствовать общению с противником офицеров. Приказом командующего 12-й армией генералом от инфантерии Радко Дмитриевым были наказаны генералы Н. А. Савельев и И. И. Эфи́ров, отрешены от должностей командир 482-го полка полковник И. Д. Комаров, командующий 1-м батальоном и

тремя ротами полка с переводом в другие части или в резерв чинов. Принимавшие участие в общении с германцами или не воспрепятствовавшие этому унтер-офицеры и ефрейторы были разжалованы в рядовые. В 480-м пехотном Даниловском полку (120-я пехотная дивизия), где перебежчиков не было, двое рядовых «за хождение к неприятелю для разговоров с ним без разрешения начальства» были преданы военно-полевому суду и осуждены на три года арестантских отделений [3, ф. 2152, оп. 1, д. 539, л. 415; ф. 3019, оп. 1, д. 50, л. 461 об.; ф. 3022, оп. 1, д. 38, л. 48 об.].

Пасхальные перемирия далеко не всегда кончались перебегаем солдат к противнику, хотя это явление проявилось в Светлую неделю 1916 г. особенно ярко. Не ограничивался иной раз и срок таких стихийных перемирий. Командир 17-го армейского корпуса (11-я армия, Юго-Западный фронт) генерал от инфантерии П. И. Яковлев отмечал в приказе от 1 (14) мая 1916 г., что «случаи братания наших нижних чинов с австрийцами в боевых линиях продолжают повторяться», и требовал «принять самые решительные меры к искоренению этого странного явления с врагом» [3, ф. 2626, оп. 2, д. 1224, л. 512].

Согласно приказам свыше следовали «разъяснения» и угрозы предания полевому суду. Вновь и вновь подтверждался в приказах различных уровней запрет общения с солдатами противника, попытки общения должны были немедленно пресекаться: «Не ожидая никакого приказанья от начальства — открывать огонь» [3, ф. 2599, оп. 2, д. 385, л. 12—12 об.].

Реакцией на пасхальные перемирия на наивысшем уровне стал циркуляр главнокомандующим армиями фронтов от начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М. В. Алексева 18 (31) мая 1916 г. Вместе с констатацией братания солдат и офицеров с австро-венграми и германцами, сопровождавшегося взаимными визитами в окопы, угощениями и совместными распитиями спиртного, наштаверх объявлял:

Считаю необходимым сообщить о сем для доклада Главнокомандующему армиями фронта и на распоряжение о разъяснении начальствующим лицам и офицерскому составу неуместности

и предосудительности сего деяния, которое не должно впредь повторяться. Государю Императору было крайне неприятно выслушать бывшие уже ранее подобные факты. Его Величество не допускает мысли, чтобы офицеры не усвоили себе того, что невозможно позволять сношение с противником в силу самих обязанностей долга и службы, не говоря уже про то, что часто предательское, всегда жестокое отношение противника к нам, а особенно к пленным, требует такого же отношения и к нему [3, ф. 2799, оп. 2, д. 167, л. 209—209 об.].

Перебегания под предлогом «перемирия» и задержание пришедших поздравить своих визави с Пасхой Христовой коснулись не только солдат и офицеров русской армии. В ряде полков были задержаны как пленные или перебежчики до 50 солдат и офицеров противника [3, ф. 2723, оп. 1, д. 319, л. 58—59; ф. 2724, оп. 2, д. 300, Л. 12 об.; ф. 2776, оп. 1, д. 100, л. 25 об.—26; ф. 3323, оп. 1, д. 222, л. 24 об.—25].

Из сведений в приказах, ведомственной переписке, журналах военных действий можно заключить, что стихийные пасхальные перемирия и «братания» на Пасху 1916 г. в отличие от 1915 г. носили более массовый характер, чему способствовало затишье на фронте после провала Мартовского наступления армий Северного и Западного фронта. При этом в армиях, участвовавших в наступлении (2-й, 1-й, 5-й, 10-й), войска ограничились воздержанием от враждебных действий — полным или частичным.

Стихийное братание в форме христосования, обмена подарками, бесед, взаимных посещений и угощения наиболее активно проявилось там, где войска противников были более доступны друг для друга — не разделялись реками или болотами. Наличие в австро-венгерской армии большого количества православных и униатов (греко-католиков), близких по языку западных и южных славян облегчало общение, тем более что в армиях трех империй по разные стороны фронта находились представители одного народа (евреи, поляки, украинцы, немцы).

Инициаторами стихийных пасхальных перемирий в документах русской армии постоянно называются солдаты и офицеры противника; за отсутствием документов того же уровня со

стороны австро-венгерской и германской армий это трудно подтвердить или опровергнуть. В зарубежной исторической литературе указывается и на инициативу братаний с русской стороны.

Перемирия на Пасху носили явно стихийный характер, не одобрялись командованием обеих враждующих сторон, но могли использоваться и скорее всего в различной мере использовались в целях разведки обеими сторонами. Наибольшее потрясение у русского командования всех уровней вызвали не столько факты «неустановленного» общения с противником и разрушения таким образом пропагандистского восприятия врага, сколько массовый уход солдат к неприятелю, совершаемый в большинстве по доброй воле (за это говорит, например, возвращение от австрийцев (не побег!) спустя 9 дней прапорщика Голика — офицера скорее всего, если бы такая цель стояла, противник бы объявил военнопленным и не отпустил бы). По далеко не полным данным, у противника осталось 277 человек (21 с Северного, 53 с Западного и 203 с Юго-Западного фронтов), причем большинство у австро-венгров. Зарубежные исследователи называют еще большее число: 130 перебежавших к германцам и 650 к австро-венграм [4, S. 83; 5, S. 243; 6, S. 300], в то время как количество задержанных в русских окопах перебежчиков противника не превышало сотни.

Большое количество перебежчиков вызвало усиленное внимание к проблеме дезертирства в штабе армий Юго-Западного фронта. Выяснилось, что за 21 февраля — 10 мая 1916 г. (ст. ст.) свои части оставили и не были возвращены или разысканы 625 человек [3, ф. 2067, оп. 1, д. 159, л. 167—190, 258—263; д. 160, л. 23—36, 165—168, 366—369; д. 161, л. 83—87, 410—413]. Было принято во внимание и настроение войск в двенадцатые праздники: начало наступления армий Юго-Западного фронта было перенесено с Духова дня 19 мая (1 июня) на 22 мая (4 июня) 1916 г.

Пасхальные братания 1916 г. выявили и отсутствие единства между солдатами, младшими и старшими офицерами русской армии, порой кардинальное различие во взглядах и на войну, и на противника, не казавшегося более исчадием ада.

Главкомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин 18 (31) мая 1916 г. отмечал в

дневнике: «Масса получаемых мною анонимных писем свидетельствует о духовном утомлении худших элементов. Тепло манит солдат в деревню, тоскуют. Офицеры жалуются, что устали, многие ни разу не были в отпуску. Очевидно, партия пораженцев поработала и в армии. Особенно много сторонников “мира без аннексий и контрибуций”. Много писем нижних чинов и офицеров свидетельствуют, что вопреки приказаниям старших начальников войска наши и немецкие в первые два дня праздников не воевали, сходились, толковали о мире (поляки — переводчики). Немцы давали нашим водку и колбасу. Наши давали им хлеб, табак. Всю эту накипь, конечно, уничтожит первая победа, но с такими явлениями надо считаться...» [3, ф. 165, оп. 1, д. 1969, л. 77].

О проблемах взаимодействия, отсутствии анализа обстановки, подмене воспитательной работы с угрозами писал А. А. Брусилову и М. В. Алексеев. Главкоюз, как и его коллега, был уверен, что все проблемы происходят от военных неудач: «Излечить от этой беды может только победа. Другого средства нет» [3, ф. 2067, оп. 1, д. 161, л. 329].

Первоначальный успех наступления армий Юго-Западного фронта летом 1916 г., казалось, подтверждал эти слова, но дальнейшие неудачи еще более усилили разлад, приведя к исходу года к новому росту дезертирства, а в ряде случаев — к прямому неповиновению. Развитие массового братания после свержения самодержавия весной 1917 г. уже практически не было связано с общностью религиозных праздников, на место «солдатских перемирий» шел «солдатский мир». Но без опыта пасхальных перемирий и взаимных общений 1916 г. вряд ли оно приобрело бы такой масштаб.

Список источников

1. *Дневники Великой войны: Воспоминания, дневники, письма о Первой мировой (из собрания Российского государственного архива литературы и искусства)*. М., 2022.
2. *Из истории Карпатской операции 1915 г. : сб. документов*. М. ; СПб., 2016.
3. *Российский государственный военно-исторический архив*.

4. *Litzmann K.* Lebenserinnerungen. Berlin, 1928. Bd. 2.
5. *Österreich-Ungarns* letzter Krieg 1914—1918. Wien, 1933. Bd. 4.
6. *Strecker K.* Das Deutsch-Ordens-Infanterie-Regiment Nr. 152 im Weltkriege. Berlin, 1933.

Об авторе

Сергей Геннадьевич Нелипович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра военной истории России, Институт российской истории РАН, Москва, Россия.

E-mail: drfaust1963@yandex.ru

S. G. Nelipovich

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

EASTER TRUCES ON THE RUSSIAN FRONT DURING WORLD WAR I

Unlike the Christmas Truce of 1914 on the Western Front, the Easter truces on the Russian Front during World War I are almost unknown. Based on archival documents, this article explores the history of spontaneous truces during Easter in 1915—1916. These truces included the burial of the dead, interaction between soldiers of opposing armies, mutual congratulations and sharing of food, and in 1916, visits to enemy trenches, which led to a significant number of defections. The article demonstrates that despite disapproval and repressive measures from the command, the practice of fraternization at the front could not be stopped.

Keywords: *World War I, Russian Front, Russian Army, Central Powers armies, Easter, fraternization, defectors*

The author

Dr Sergey G. Nelipovich, PhD in History, Senior Researcher at the Center for Military History of Russia, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: drfaust1963@yandex.ru

Д. А. Вальдман

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

**ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ
КАК ВЕРХОВНЫЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЕ
В ВОСПРИЯТИИ ПРОТОПРЕСВИТЕРА ГЕОРГИЯ ШАВЕЛЬСКОГО**

В фокусе исследования — восприятие последним протопресвитером русской армии и флота Георгием Шавельским императора Николая II и великого князя Николая Николаевича (Младшего) как Верховных главнокомандующих. Обоснован вывод, что великий князь при всей противоречивости смотрелся на посту главнокомандующего русской армией куда более компетентным, нежели последний русский государь. Николай Николаевич имел определенный опыт и авторитет в управлении Вооруженными силами России. Николай II, напротив, представлялся в военно-командном отношении загадочной фигурой. Император не пользовался таким сильным авторитетом в войсках, как великий князь. Для солдат и офицерства царь был главой государства, но не Верховным главнокомандующим. Поэтому реакция большинства офицерства на принятие Николаем II должности Верховного главнокомандующего не вызвала сильного воодушевления, что отчасти повлияло на неудачи русской армии на фронте.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Николай II, Николай Николаевич (Младший), Георгий Шавельский*

Протопресвитер Георгий Иванович Шавельский — один из известных представителей русского военного духовенства начала XX в. Родился он 18 января 1871 г. (н. ст.) в селе Дубокрай

Витебской губернии. В 1891 г. поступил в Витебскую духовную семинарию. В марте 1895 г. рукоположен в священника Никольской церкви села Бедрицы Лепельского уезда. В русско-японскую войну Георгий Шавельский состоял полковым священником в 33-м Восточно-Сибирском стрелковом полку. За мужество в боях был награжден орденом Св. Анны 2-й и 3-й степени. Согласно выписке из наградного листа, «17, 18 августа 1904 года у о. Фаньзятунь под огнем неприятеля свящ[енник] Г. Шавельский исполнял пастырские обязанности и, будучи контужен, не оставил рядов полка» [1, с. 3].

Продолжив духовную стезю, впоследствии он стал кандидатом богословия, с 1911 г. являлся настоятелем Суворовской церкви при Императорской военной академии (Генерального штаба), занимал должность профессора богословия в Историко-филологическом институте, состоял членом Духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства [4, с. 13]. Совершенно неожиданным для Шавельского стало его назначение в конце марта 1911 г. сперва помощником уже тяжелооболынного протопресвитера Е. П. Аквилонова, а после его смерти — протопресвитером армии и флота. Дальнейший жизненный путь отца Георгия был изложен им самим в «Воспоминаниях последнего протопресвитера Русской армии и флота», которые были написаны уже в эмиграции и охватывали события Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны.

Примечательны воспоминания отца Георгия об атмосфере, в которой пришло известие о начале войны: «20 июля, в 4 часа дня, в Зимнем Дворце, в Белом Зале совершался молебен. Государь и все члены императорской фамилии, министры, генералитет, члены Государственного Совета и Думы, множество офицеров заполняли огромный зал. Внимание всех было устремлено на Государя и вел[ико]го кн[язя] Николая Николаевича: все ждали, что последний будет Верховным Главнокомандующим. Перед молебном был прочитан манифест об объявлении войны. После молебна Государь сказал краткую речь. Особенно торжественно прозвучали твердо, громко и мужественно произнесенные Государем слова: “Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет

с земли нашей”. Дрожь пробежала по толпе. Присутствующие, как один человек, опустили на колени. Потом раздалось громовое “ура”. Многие плакали» [Там же, с. 84]. Воспоминания автора стали зеркалом не только самих описанных событий, но и людей, в них вовлеченных, и среди прочих видное место принадлежит императору Николаю II и великому князю Николаю Николаевичу, занимавшим, каждый в свое время, должность Верховного главнокомандующего.

Каким объемом информации владел мемуарист и насколько в своих воспоминаниях он был объективен? Ответ на второй вопрос не так прост, однако степень осведомленности Шавельского о происходивших событиях и людях, с которыми он виделся по долгу своей службы или в иных обстоятельствах, по-видимому, была довольно высокой. Косвенно это прослеживается в тексте его воспоминаний: «У протопресвитера военного и морского ведомства было одно завидное преимущество, которым он не только мог, но и обязан был пользоваться: для обозрения подчиненных ему церковью и посещения воинских частей он должен был объезжать всю Россию, ибо войска наши были разбросаны по всем углам необъятной русской земли. Такие поездки давали ему возможность наблюдать весь рост и достижения русской жизни» [Там же, с. 36]. И еще: «Протопресвитер военного и морского духовенства имел полную возможность составить самостоятельное мнение об армии, духовенством которой он управлял. Одною из его главных обязанностей было возможное частое посещение воинских и морских частей, не только для наблюдения на месте за деятельностью военного и морского духовенства, но и для общения с этими частями и для ознакомления с их состоянием и духовными нуждами» [Там же, 94]. Таким образом, даже несмотря на прямое указание мемуариста на то, что о главнокомандующих он не может рассказать много в силу как своей некомпетентности в вопросах военного управления, так и закрытости информации о работе Ставки, некоторые характеристики обоих верховных главнокомандующих все же можно обнаружить.

С началом Великой войны император назначил великого князя Верховным главнокомандующим. Отец Георгий писал: «Я не буду задаваться целью нарисовать образ великого князя-полко-

водца, я хочу живописать его как человека» [Там же, с. 127]. Автор знал князя, находясь по долгу службы при военном министерстве, а потом и в Ставке. Имея возможность видаться и общаться с Верховным главнокомандующим, мемуарист отмечал: «За последнее царствование в России не было человека, имя которого было бы окружено таким ореолом, и который во всей стране, особенно в низших народных слоях, пользовался бы большей известностью и популярностью, чем этот великий князь. Его популярность была легендарна» [Там же, с. 125]. Обращает на себя внимание, что Шавельский подчеркивает популярность великого князя среди простого народа. Это была красноречивая характеристика его человеческих качеств. Перечисляя достоинства, мемуарист отмечает спокойствие, сдержанность, гостеприимство, доброту, сердечность, сильную религиозность, приветливость по отношению как к родным, так и подчиненным [Там же, с. 131—132]. Великий князь пользовался большой популярностью в офицерской и солдатской среде. Шавельский отмечал: «Престиж последнего и после всех несчастий на фронте оставался непоколебимым. Его военный талант по-прежнему не отвергался; сам он в глазах офицерства оставался рыцарем без страха и упрека — поборником правды, стражем народных интересов, мужественным борцом и против темных влияний, и против всяких хищений и злоупотреблений» [Там же, с. 325].

При этом в воспоминаниях содержится и критика в адрес великого князя. Отец Георгий указывал на полное незнание им русского народа. Оно проявлялось в том, что заботы и жизнь простого многомиллионного русского населения не вызывала у него столь сильной заинтересованности, что и приводило к развитию эгоизма и тщеславия [Там же, с. 137]. Протопресвитер особо подчеркивал злопамятность и порой растерянность при вестях о неудачах русской армии и сильную обиду непосредственно на самодержца, когда 23 августа (5 сентября) 1915 г. князь был отстранен от должности Верховного главнокомандующего [Там же, с. 306—307]. Вполне по-человечески понятным был страх за свою жизнь, который отмечал Шавельский. Этим было вызвано стремление князя держаться подальше от фронта, где его жизни угрожала опасность. Поэтому и до, и по-

сле смещения с должности Верховного князь «ни разу не выехал на фронт дальше ставок Главнокомандующих» [Там же, с. 138]. Все указанные Шавельским недостатки великого князя касались, скорее, его личных качеств, однако эти же качества не могли не проявляться в процессе командования армией в период войны.

Тем не менее Шавельский отмечал, что и после отставки Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего «имя великого князя... как желанного Верховного, не сходило с уст и после того, как в августе 1915 года во главе действующей армии стал сам император» [Там же, с. 127].

Иначе в мемуарах представлен в качестве главнокомандующего император Николай II. Личное знакомство с царем состоялось еще до войны. Кроме личных аудиенций у императора, священник часто посещал обеды с высочайшими особами, на которых он и составил свои впечатления о последнем русском императоре. Когда 23 августа (5 сентября) 1915 г. Верховным главнокомандующим стал император, то священник так прокомментировал это событие: «Итак, я решаюсь утверждать, что отставка великого князя была принята на фронте, по меньшей мере, с большим сожалением; вступление Государя в должность Верховного не вызвало в армии никакого духовного подъема. Что касается солдатской массы, то, беспредельно веря в великого князя Николая Николаевича, она чувствовала его потерю. Печаль подавлялась долгом подчинения высшей воле; искусственно возбудить радость было нельзя» [Там же, с. 327]. На отца Георгия и подавляющее большинство офицеров и солдат решение царя произвело удручающее впечатление. Основания для выводов о настроениях в армии у отца Георгия имелись, поскольку одной из главных обязанностей протопресвитера было частое посещение воинских и морских частей не только для наблюдения на месте за деятельностью военного и морского духовенства, но и для общения с этими частями и для ознакомления с их состоянием и духовными нуждами.

Император Николай II, по мнению протопресвитера, был, с одной стороны, человеком приветливым, вежливым, но в то же время слабовольным, нерешительным. Он подпадал под влияние окружения, как в Ставке, кроме того на царя сильно влияла

императрица Александра Фёдоровна [3, с. 316]. С другой стороны, царь был физически сильным человеком с отличной памятью на лица и события. Император в отличие от своего дяди Николая Николаевича часто выезжал на передовую и не боялся за свою жизнь, чему в мемуарах не уделено должного внимания. Существуют известные фотографии, на которых Николай II запечатлен в поверженном Перемышле в марте 1915 г. Также монарх был довольно близко к линии фронта, попав под обстрел в октябре 1915 г., за что был Георгиевской Думой Юго-Западного фронта награжден орденом Св. Георгия 4-й степени [2, с. 342—343].

Что касается оценки Николая II как Главнокомандующего, то отец Георгий полагал, что монарх совершенно не подходил на эту роль. Многие считали царя именно «Божией милостью Императором» России, а Николая Николаевича «Божией милостью Главнокомандующим». Как писал в те дни Шавельский, «надежда, что Император Николай II вдруг станет Наполеоном, была равносильна ожиданию чуда. Все понимали, что Государь и после принятия на себя звания Верховного останется тем, чем он доселе был: Верховным Вождем армии, но не Верховным Главнокомандующим; священной эмблемой, но не мозгом и волей армии. Государь же в военном деле представлял, по меньшей мере, неизвестную величину: его военные дарования и знания доселе ни в чем и нигде не проявлялись, его общий духовный уклад менее всего был подходящ для Верховного военачальника» [4, с. 324]. Военные навыки и познания императора его приближенным были неизвестны, поэтому царь, по мнению большинства современников, в том числе и протопресвитера, взял на себя командование армией с целью повышения морального духа в русской армии. Но, к сожалению, эффект оказался полностью противоположным, о чем говорилось выше. Всему окружению было ясно, что Николай II будет руководить армией лишь условно, тогда как де-факто руководить войсками будет начальник Штаба Ставки. Шавельский указывал на то, что были и такие военные, которые считали, что решение монарха встать во главе войск положительно сказалось на настроении в войсках. Например, как писал в эмиграции историк русской армии А. А. Керсновский, «это было единственным выходом

из создавшейся критической обстановки. Каждый час промедления грозил гибелью. Верховный главнокомандующий и его сотрудники не справлялись больше с положением — их надлежало срочно заменить. А за отсутствием в России полководца заменить Верховного мог только Государь» [3, с. 306]. Но подобные мнения были безосновательны.

Таким образом, в воспоминаниях Георгия Шавельского прежде всего проступают человеческие качества великого князя Николая Николаевича и императора Николая II, которые, как становится понятно из текста, привлекают автора как человека духовного сана в первую очередь. И уже во вторую очередь для мемуариста эти фигуры выступают должностными лицами. И все же можно обнаружить два разных образа Главнокомандующих в лице великого князя и его племянника императора, причем наиболее неоднозначна первая фигура. Популярный в военной среде, обладавший многими достоинствами и способностями военачальника, но также не лишенный недостатков, избегавший опасности на фронте, Николай Николаевич противопоставлен последнему русскому самодержцу — не профессиональному военному, не имевшему военного авторитета и соответствующих должности способностей, с чем отчасти и связывались дальнейшие военные неудачи русской армии. В этой части «Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота» Георгия Шавельского оказываются еще одним свидетельством в череде прочих, живописующих судьбы императорской семьи в грозную пору Первой мировой войны.

Список источников и литературы

1. *Список священнослужителей, убитых, раненых, умерших от ран и награжденных в минувшую войну // Летопись войны с Японией (СПб.). 1905. № 82-83. С. 1—3.*
2. *Зимин И. В.* Царская работа. XIX — начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2021.
3. *Керсновский А. А.* История русской армии. М., 2018.
4. *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954.

Об авторе

Даниил Александрович Вальдман — аспирант, ассистент Института образования и гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: dluninv23@mail.ru

D. A. Valdman

Immanuel Kant Baltic Federal University

EMPEROR NICHOLAS II AND GRAND DUKE NICHOLAS NIKOLAEVICH AS SUPREME COMMANDERS IN THE PERCEPTION OF PROTOPRESBYTER GEORGY SHAVELSKY

This study focuses on the perception of Emperor Nicholas II and Grand Duke Nicholas Nikolaevich (the Younger) as Supreme Commanders by the last Protopresbyter of the Russian Army and Navy, Georgy Shavel'sky. The article concludes that despite his controversial nature, the Grand Duke appeared far more competent as the Commander-in-Chief of the Russian army than the last Russian Tsar. Nicholas Nikolaevich had some experience and authority in managing the Russian Armed Forces, whereas Nicholas II remained a mysterious figure in military command. The Emperor did not exercise the same respect in the army as the Grand Duke. For soldiers and officers, the tsar was seen as the head of state, but not as the Supreme Commander. As a result, the reaction of most officers to Nicholas II assuming the role of Supreme Commander did not generate much enthusiasm, which partially contributed to the failures of the Russian army on the front.

Keywords: *World War I, Nicholas II, Nicholas Nikolaevich (the Younger), Georgy Shavel'sky*

The author

Daniil A. Valdman, PhD student, Assistant at the Institute of Education and Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: dluninv23@mail.ru

УДК 811.111'367/37

А. С. Хотеев

Институт истории НАН Беларуси

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ОСВЕЩЕНИИ БЕЛОРУССКИМИ ЕПАРХИАЛЬНЫМИ ВЕДОМОСТЯМИ

Представлены результаты источниковедческого анализа публикаций, посвященных Первой мировой войне на страницах православных епархиальных ведомостей белорусско-литовских губерний Российской империи. Показано влияние войны на выход периодических изданий, рассмотрена содержательная часть документальных источников и церковной публицистики, выявлены особенности статей, их тематика и жанры. Приведены примеры объяснения цели и причин войны в выступлениях духовенства, организации помощи раненым, солдатским семьям и беженцам, сложности прифронтового быта и эвакуации. Сделан вывод о важности церковной периодики как исторического источника военного периода.

Ключевые слова: Первая мировая война, источниковедение, епархиальная периодика, белорусские губернии

Значение периодики как исторического источника по мере приближения к современности возрастает. Церковная пресса в данном случае не является исключением. В контексте изучения событий Первой мировой войны следует помнить, что именно на православное духовенство в большой мере легла обязанность обеспечить единство царя, армии и народа России, и в епархиальных ведомостях нашли свое отражение многие аспекты общественной жизни военного времени, начиная от реакции

© Хотеев А. С., 2024

на ее объявление и заканчивая организацией попечения о солдатских семьях, оставшихся без кормильца. Поскольку целевой аудиторией епархиальных ведомостей было духовенство, оно также выступает в периодике как особый вид общественных деятелей; в прессе вообще показана роль Церкви как социального института.

Под *белорусскими* епархиальными ведомостями понимаются ведомости Литовской, Гродненской, Полоцкой, Минской и Могилевской епархий, которые действовали на территории современной Беларуси.

В исторической литературе не уделялось значительного внимания освещению событий Первой мировой войны на страницах епархиальной прифронтовой прессы, хотя, безусловно, отдельные публикации привлекались исследователями для изучения специальных сюжетов (беженцы, организация помощи раненым, деятельность архиереев). В частности, О. А. Родионова рассматривала особенности патриотического и религиозно-нравственного воспитания на страницах «епархиальных ведомостей» [25]. Автор приводит обширные выписки из церковной периодики, содержащие пастырские воззвания и объяснения войны. Предлагая самую общую характеристику статей по выбранной теме, О. А. Родионова не раскрывает специфики каждого епархиального издания (например, ошибочно утверждает, что во всех белорусских епархиальных ведомостях в июле было опубликовано «Воззвание Св. Синода» к православным воинам, тогда как в действительности в «Полоцких епархиальных ведомостях» не были опубликованы даже царские манифесты о начале войны, не то что воззвание Св. Синода), не отмечает, как с течением времени менялось восприятие войны. Достаточно системно подошел к проблеме освещения Первой мировой войны на страницах «Могилевских епархиальных ведомостей» (далее — МГЕВ) студент Минской духовной академии свящ. Димитрий Варламов [2]. Он охарактеризовал тематическое наполнение печатного органа (отражение военных событий, рассказ о деятельности епархиального лазарета, помощь раненым и солдатским семьям) и в целом продемонстрировал источниковедческий потенциал МГЕ В. Наблюдения

свящ. Д. Варламова тем более актуальны, что до недавнего времени публикации МГЕВ в качестве источников по истории Первой мировой войны даже не отмечались [12].

Таким образом, историография освещения военной проблематики белорусскими епархиальными ведомостями исчерпывается несколькими статьями, вследствие чего можно говорить о ее малой разработанности. Между тем речь идет не о десятке, а о более чем двухстах статей и заметок различного рода: публикациях официальных документов (манифестов, воззваний, указов), проповедях на военно-патриотическую тематику, пастырских советах вдовам и сиротам, отчетах о помощи беженцам, статьях об участии духовенства в помощи раненым и в воспитании юношества, военной хронике, письмах с фронта и т. д. В связи с этим появляется цель — определить источниковедческий потенциал белорусских епархиальных ведомостей по тематике Первой мировой войны. Актуальными задачами представляются создание источниковедческой классификации опубликованных материалов, определение их жанровых и тематических особенностей, выявление частоты публикаций, рассмотрение в статьях социальных акцентов в ходе войны. В ограниченных объемах статьи решение этих задач можно предложить только обобщенно и кратким перечнем с примерами чисто иллюстративного характера.

Прежде всего нужно обозначить, что военные действия оказали непосредственное влияние на сам выход епархиальных изданий. Белорусско-литовские губернии скоро стали прифронтовыми, а некоторые их части были оккупированы кайзеровскими войсками. Соответственно, когда 18 июля 1914 г. (ст. ст.) было объявлено военное положение в ряде западных губерний (в частности, в Виленской, Гродненской, Витебской, Минской губерниях и Гомельском уезде Могилевской губернии), все епархиальные печатные издания наряду с церковной стали подлежать и военной цензуре (кроме МГЕВ). По мере того, как фронт приближался к кафедральным центрам, эвакуировались епархиальные учреждения, среди которых перемещались и редакции ведомостей. Так, «Минские епархиальные ведомости» (далее — МЕВ) были эвакуированы в Рязань во второй половине сентября 1915 г., но в конце ноября редакция вернулась

в Минск; в то же время в городе не оставалось типографий, и материалы для печатания пересылались в Рязань, пока в январе 1916 г. типографское дело снова не наладилось в Минске. «Гродненские епархиальные ведомости» (далее — ГЕВ) прервались на № 13/14 (июль) 1915 г. «Литовские епархиальные ведомости» (далее — ЛЕВ) и их неофициальная часть «Вестник Виленского православного Св.-Духовского братства» (далее — «Вестник») выпускались до середины 1915 г., затем из-за эвакуации издание было приостановлено и возобновлено с апреля следующего года в Москве (до декабря 1916 г.). Не прерывали своего выхода только «Полоцкие епархиальные ведомости» (далее — ПЕВ) и МГЕВ.

В официальных разделах ведомостей печатались документы, которые объясняли цели начавшейся войны (манифесты) и сообщали распоряжения церковной власти (Св. Синода, епархиального архиерея). Здесь следует отметить, что ведомости выходили с разной частотой (еженедельно или раз в две недели), почему издание важнейших распоряжений правительства производилось в епархиях не одновременно. Так, в МГЕВ июльские манифесты о войне с Германией и Австро-Венгрией вышли только в середине августа (№ 16), а ПЕВ вообще не напечатали ни одного манифеста об объявлении войны (хотя выпускались еженедельно), первое упоминание о военном положении появилось здесь только в августе (№ 31) в виде обращения от Александровского комитета о раненых. Впрочем, в ПЕВ документальная часть, связанная с организацией тыловой жизни, стала со временем заметно возрастать, так что номера за 1915 и 1916 гг. стали в этом отношении очень содержательными (распоряжения архиерея и консистории). ЛЕВ (официальная часть) также не опубликовали ни одного манифеста, но манифесты увидели свет в «Вестнике» (неофициальной части).

Документальные источники в епархиальных ведомостях главным образом касаются организации благотворительной помощи во время войны и связанных с этим перемен в деятельности епархиальных учреждений (духовных учебных заведений, лазаретов, попечительских советов и проч.). Изучая различные воззвания, указы, предписания и отчеты, можно проследить, как учреждались сборы на комитеты помощи раненым воинам,

их семьям и беженцам (пожертвования на Красный Крест, Белый Крест, Скобелевскому комитету, Александровскому комитету и др.), благотворительность на нужды Сербии и Черногории, присоединенной Галиции, Императорского Палестинского общества («вербный сбор»). Регулярно печатались отчеты о пожертвованиях приходских и волостных попечительских советов на нужды войны, на епархиальные лазареты, переводе средств, удержанных из жалования духовенству (2 %-ный сбор). От лица епархиального начальства делались распоряжения о пошиве для солдат нижней одежды, о принятии на должности церковнослужителей солдат, комиссованных по ранению. Однако следует иметь в виду, что отмеченные усилия по поддержке раненых, беженцев и сирот одними благотворительными сборами не покрывали растущие нужды. Епархиальные лазареты насчитывали немногим более двух десятков кроватей, в то время как счет раненых шел на сотни и тысячи. Конечно, действовали лечебные заведения других учреждений и обществ, в которых священники осуществляли духовное окормление. Необходимо заметить, что некоторые лазареты размещались в духовных учебных заведениях — в частности, в Витебске семинаристы и ученики духовных училищ были переведены по этой причине в светские гимназии, а начало учебного года в 1914 г. было отсрочено на месяц [28].

Представляют интерес сообщения официальных ведомостей о местах размещения эвакуированных учреждений Литовской и Полоцкой епархий [1; 24], распоряжение консисторий об увековечении памяти павших воинов (отведение особых мест для захоронения на кладбищах для последующего возведения памятников и часовен, установка крестов и проч. — [20]). Внимание историка, конечно, привлечет содержательная записка преподавателя Витебской духовной семинарии Н. Н. Богородского о сборе материалов для исторического очерка деятельности духовенства Полоцкой епархии на пользу государства во время текущей Великой войны [6]. Здесь целая программа в виде перечня продуманного ряда вопросов об отношении жителей к начавшейся войне, отличившихся воинах, участии в благотворительности, а также сведений о боевых действиях и поведении врага с предложениями о сборе предметов военного характера

и гражданского быта — фактически готовый план научного исследования. Для изучения настроений духовенства после Февральской революции ценность представляет решение чрезвычайного съезда Полоцкой епархии довести войну до победного конца [5, с. 425]. Обозначенные примеры — далеко не полный перечень документальных источников, имеющих значение при историческом рассмотрении обстоятельств Первой мировой войны в белорусско-литовских губерниях.

Деятельность духовенства во время войны, естественно, широко представлена на страницах церковных ведомостей. В первую очередь речь идет о епископах. Однако следует заметить, что в освещении их служения редакции журналов, конечно, не без согласования с самими архиереями печатали информацию с различной полнотой. Одни ограничивались преимущественно сообщениями о службах и посещениях приходов, отмечая, что владыка произнес «слово назидания» (ПЕВ, ГЕВ, «Вестник»), а другие регулярно публиковали проповеди и напутственные слова своих епископов (МЕВ, МГЕВ). В качестве примера проповеднической активности можно привести печатные выступления св. епископа Минского Митрофана (Краснопольского). Так, говоря о вступлении России в войну, он отмечал: «Весь мир признает, что Россия выступила именно на защиту этих высших начал, принесенных на землю воплотившейся правдой вечной»; «Измумительная кичливость, крайнее презрение других народов, грубость, жестокость и вероломство — вот плоды немецкой культуры» [15, с. 372]. Почти через год владыка говорил в одной проповеди: «Война все более и более становится народной, отечественной» [16, с. 326], а в слове на годовщину войны указывал, что ее причина в уступчивости немецкой наглости, что немцы стали не только внешней, но и внутренней опасностью для России: они приобрели лучшие земли на юге, страна наводнена немецкими товарами, немцы проникли на руководящие посты, но Бог есть наша помощь, и Россия набирает военную мощь [17]. В обращении к духовенству в условиях начавшегося немецкого наступления (Свенцянский прорыв) епископ Митрофан призывал удерживать людей от паники, указывал на добровольность эвакуации, предоставляя, впрочем, духовенству право «или оставаться при той части прихода, ко-

торая не снимается с места, или идти с той, которая уходит от врага, разделяя с последними прихожанами все трудности передвижения, поддерживая и укрепляя их дух и совершая для них на пути богослужения и таинства» [14]. Ободряя паству ввиду стабилизации линии фронта на границах Минской губернии, владыка замечал, что отступление вглубь отечественной территории — это как сжатие пружины, которая возвратится обратно с большой силой [27, с. 18]. Эти выдержки дают представление о тематическом характере проповедей Минского епископа в обстоятельствах военного времени.

Впрочем, даже краткие описания поездок и служений архиереев белорусских епархий дают достаточно информации об их пастырской активности и мужестве во время военной опасности. Так, архиепископ Гродненский Михаил (Ермаков) в ходе обороны города Гродны 14 февраля 1915 г. совершал молебен и обходил воинские части пригородных укреплений с Коложской иконой Богородицы, несмотря на артиллерийский обстрел, за что был представлен к награде [29, с. 167—169; 13, с. 181]. Такое же мужество при своих объездах проявлял и св. архиепископ Литовский Тихон (Беллавин). К этой характеристике необходимо добавить сложность самих пастырских визитов в условиях, когда часть епархии находится под оккупацией, на другой идут военные действия, часть епархиальных учреждений эвакуирована и находится в Москве, Литовская духовная семинария — в Рязани, а сам архиерей вызван в Петроград. О поездке владыки Тихона из Петрограда в Москву, Рязань, а потом в Дисну в апреле 1916 г. сообщал «Вестник» [8].

Деятельность клириков, церковнослужителей (псаломщиков), учителей приходских школ в военные годы в неменьшей степени нашла свое освещение на страницах епархиальных ведомостей. Приходской священник первым зачитывал с амвона манифесты и другие распоряжения правительства, разъясняя их содержание. Именно он помогал при ведении военного учета на местах, организовывал пожертвования на нужды солдатских семей и беженцев. В статье «Духовенство и война» (перепечатка из «Петроградских ведомостей») говорилось об особом значении священников: «Все местные интеллигентные силы будут ослаблены выделением из своей среды ушедших на войну, и

во многих местах единственными интеллигентными людьми, могущими взять на себя руководство местной помощью, останутся духовные лица» [7, с. 595]. Духовенство с приходов добровольно отправлялось на фронт полковыми священниками, псаломщиками и церковные учителя шли рядовыми [21]. По распоряжению Св. Синода для поддержки морального духа на каждом богослужении звучали специальные прошения о победе русского оружия, по воскресным и праздничным дням совершались нарочитые молебны. В трудные периоды мировой войны государство и общество традиционно обращалось к священникам на местах. Так, епископ Полоцкий Кирион (Садзаглишвили) взывал в конце 1916 г.: «Каждый приход пусть обмундирует одного солдата с ног до головы» [10].

Большая часть опубликованных материалов епархиальных ведомостей представляет интерес для изучения служения духовенства на фронте и в тылу. Имеется много отчетов о материальных сборах приходских попечительских советов на нужды армии и беженцев (например, МЕВ за 1914—1915 гг.), описания пастырского попечения [18], примеры постановки воспитательного дела законоучителями в учебных заведениях в условиях войны [4].

Семьи клира также становились в ряды беженцев, духовенство испытывало на себе все бедствия, связанные с подорожанием продуктов и призывом мужского населения. В связи с этим хочется отметить статьи о материальных трудностях священнослужителей протоиерея Ст. Яновского в ПЕВ [32], стараниях епископа Минского Георгия об увеличении жалования духовенству, увенчавшихся выделением пособий в начале 1917 г. [22].

Публицистический отдел (неофициальная часть ведомостей) — это, пожалуй, самая разнообразная и объемная часть в изданиях. Кроме такого уже упомянутого специфического жанра как проповеди, редакционные и авторские статьи (включая перепечатки из других периодических изданий) формировали восприятие войны у читающего общества, объясняли ее причины и цели, мобилизацию материальных и духовных ресурсов. Публицистика имеет ту особенность, что она предполагает диалог автора с читателем, учитывает вкусы с обеих сторон.

В публицистике раскрывается психология восприятия войны. На страницы ведомостей она приходит внезапно, только «Вестник» обратил в свое время внимание на сараевское убийство [11]. Первая реакция публицистов — возмущение несправедливостью немецких требований к России, затем следует критика самой германской культуры и осуждение ее влияния в стране. Неоднократно публикуются статьи в поддержку сухого закона, причем водка называется «немецкой выдумкой» [3]. Но в обличении «немецких пороков» иные авторы заходят достаточно далеко, говоря, что вообще все беды России — от немцев. Так, в МЕВ в подборке из периодической печати приводятся мысли, что «наша деревня нищая, земледелие до сих пор в упадке», школ не хватает, одежда грязная, «пища — лук с квасом, именно от немца» [9, с. 416]. Однако с течением времени акценты начинают корректироваться. Война не идет победным шествием — наоборот, русская армия отступает. В таких условиях речь уже идет о том, что вина лежит не только на кайзере и немцах, «и мы не без пятен» [30], что нужно иметь «веревочные нервы» и терпеть до конца (победы) [26]. Такое настроение продолжается на страницах ведомостей до начала 1917 г. («сепаратный мир нам гибелен» [19]), когда внутренние события в России совершенно заслоняют военную проблематику на страницах церковной периодической печати.

Собственно, освещение ситуации на фронтах и международной обстановки встречается в ведомостях эпизодически («Календарь войны» в ПЕВ, «Дневник войны» в «Вестнике»). Необходимо учитывать в данном случае влияние фактора военной цензуры в прифронтовых областях. Редакции продолжают печатать материалы исторического характера, но теперь они служат фоном военных событий (сведения об истории борьбы России и Германии, судьбах Карпатской Руси, юбилее Яна Гуса). Изредка попадают публикации, поднимающие проблемы деятельности национальных беженских комитетов (польского, литовского, русского) [23; 31]. Общей чертой многих публицистических статей с оценкой современной ситуации является положительный характер наблюдения за ростом религиозности народа.

Таким образом, белорусские епархиальные ведомости остаются важным и содержательным комплексом источников по

истории Первой мировой войны в западных губерниях России. Несмотря на церковную специфику (ориентацию на духовенство), в ведомостях находится масса различных сведений о социальном положении в прифронтовой полосе, о деятельности благотворительных организаций, об изменениях общественного сознания. Включение всех этих материалов в поле конкретных исследований осложнено отсутствием систематической росписи и, тем более, аннотированного указателя статей. Составление этих материалов представляет собой актуальную задачу для историков и библиографов.

Список источников и литературы

1. *Адреса* эвакуированного духовенства и учреждений // Литовские епархиальные ведомости. 1916. № 2. С. 7—8; № 3. С. 11—12; № 4. С. 15—16.

2. *Варламов Д., иерей*. Оценка событий Первой мировой войны в «Могилевских епархиальных ведомостях» // I Чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792—1852): историка, археографа, археолога : матер. науч.-практ. конф. / Минская духовная академия, 17 мая 2017 г. Минск, 2018. С. 121—138.

3. *Водка* — немецкая выдумка // Минские епархиальные ведомости. 1914. № 21. Неофиц. С. 446.

4. *Голосов А., прот.* Что может сделать законоучитель в настоящее военное время в школе // Полоцкие епархиальные ведомости. 1914. № 50. Неофиц. С. 936—944.

5. *Деяния* Чрезвычайного съезда представителей духовенства и мирян Полоцкой епархии, бывшего 14—17 апреля 1917 года // Полоцкие епархиальные ведомости. 1917. № 16. Офиц. С. 416—455.

6. *Донесение* благочинного Витебских градских церквей // Полоцкие епархиальные ведомости. 1916. № 38. Офиц. С. 420—430.

7. *Духовенство* и война // Полоцкие епархиальные ведомости. 1914. № 33. Неофиц. С. 594—596.

8. *Епархиальная хроника* // Вестник православного Виленского Св.-Духовского братства. 1916. № 2. С. 15—23.

9. *Из периодической печати* // Минские епархиальные ведомости. 1914. № 20. Неофиц. С. 415—421.

10. *Кирион, епископ Полоцкий*. Воззвание к духовенству // Полоцкие епархиальные ведомости. 1916. № 52. Офиц. С. 798.

11. *Консультант*. Из-за границы: убийство наследника австрийского трона и связанные с ним политические перспективы // Вестник православного Виленского Св.-Духовского братства. 1914. № 13. С. 308—311.

12. *Кулабухова Е. В.* «Могилевские епархиальные ведомости» как исторический источник начала XX века // Романовские чтения-8 : сб. ст. Междунар. науч. конф. 24 ноября 2011 г., Могилев / ред.: Я. Г. Рьер [и др.]. Могилев, 2011. С. 96—99.

13. *Купчинский Ф.* Из церковно-общественной жизни. Наши епископы на войне // Полоцкие епархиальные ведомости. 1915. № 11. Неофиц. С. 178—188.

14. *Митрофан [Краснопольский], епископ*. Духовенству Минской епархии // Минские епархиальные ведомости. 1915. № 17. Неофиц. С. 433—434.

15. *Митрофан [Краснопольский], епископ*. Слово в день Рождества Богородицы // Минские епархиальные ведомости. 1914. № 18. Неофиц. С. 370—374.

16. *Митрофан [Краснопольский], епископ*. Поучение в Неделю 6-ю по Пятидесятнице (об утешении в скорбях) // Минские епархиальные ведомости. 1915. № 13. Неофиц. С. 323—327.

17. *Митрофан [Краснопольский], епископ*. Слово в годовщину войны // Минские епархиальные ведомости. 1915. № 15. Неофиц. С. 377—381.

18. *Несколько слов по поводу посещения православным духовенством больных и раненых воинов* // Полоцкие епархиальные ведомости. 1914. № 49. Неофиц. С. 907—912.

19. *Остроумов Ст., прот.* Что нас ждет // Минские епархиальные ведомости. 1917. № 12. Неофиц. С. 201—205.

20. *От Минской духовной консистории* // Минские епархиальные ведомости. 1915. № 1. Офиц. С. 9—11.

21. *Платонов*. Проводы священника Еремичской церкви Новгородского уезда о. Алексея Русецкого в действующую армию // Минские епархиальные ведомости. 1915. № 8. Неофиц. С. 220.

22. *Пособие эвакуированному духовенству Минской епархии* // Минские епархиальные ведомости. 1917. № 4. Неофиц. С. 88—89.

23. [*Рапорт* настоятеля Себежского Христо-Рождественского собора] // Полоцкие епархиальные ведомости. 1916. № 11. Офиц. С. 128—130.

24. *Распоряжения* епархиального начальства // Полоцкие епархиальные ведомости. 1915. № 41. Офиц. С. 416—417.

25. *Родионова О. А.* Патриотическое и религиозно-нравственное воспитание на страницах «епархиальных ведомостей» во время Первой мировой войны // Совершенствование системы подготовки военных кадров на военном факультете : матер. II респ. воен.-науч. конф., Гродно, 10 апр. 2008 г. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: А. Н. Родионов (отв. ред.) [и др.]. Гродно, 2008. С. 201—209.

26. *Скрынченко Д.* Только — до решительного конца! // Минские епархиальные ведомости 1915. № 12. Неофиц. С. 309—312.

27. *Ст. К. свящ. [Кульчицкий Стефан, священник].* Поездка Его Преосвященства, Преосвященнейшаго Митрофана, Епископа Минского и Туровского, для обозрения приходов Минского и Новогрудского уездов, находящихся в районе военных действий // Минские епархиальные ведомости. 1916. № 1. Неофиц. С. 14—21.

28. *Указ* о предоставлении зданий Полоцкого женского училища духовного ведомства в городе Витебске под лазарет для раненых и больных воинов и об отсрочке, в связи с этим, начала занятий в духовно-учебных заведениях Полоцкой епархии до 1 октября // Полоцкие епархиальные ведомости. 1914. № 32. Офиц. С. 354—355.

29. *Хроника* // Гродненские епархиальные ведомости. 1915. № 7-8. Неофиц. С. 156—172.

30. *Язвицкий И., прот.* Время покаяния // Минские епархиальные ведомости. 1915. № 3. Неофиц. С. 63—67.

31. *Язвицкий И., прот.* На страже Православия // Минские епархиальные ведомости. 1917. № 3. Неофиц. С. 34—40; № 4. С. 80—86.

32. *Яновский Ст., прот.* Обездоленные // Полоцкие епархиальные ведомости. 1916. № 32. Неофиц. С. 458—461.

Об авторе

Алексей Сергеевич Хотеев — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь.

E-mail: hoteev@tut.by

A. S. Khoteev

Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus

WORLD WAR I IN BELARUSIAN DIOCESAN GAZETTES

This article presents the results of a source analysis of publications dedicated to World War I on the pages of the Orthodox diocesan gazettes of the Belarusian-Lithuanian provinces of the Russian Empire. It highlights the impact of the war on the publication of periodicals, examines the content of documentary sources and church journalism, and identifies the features of the articles, their themes, and genres. Examples are provided of how the clergy explained the goals and causes of the war, organized aid for the wounded, soldiers' families, and refugees, and addressed the challenges of life near the front and evacuation. The article concludes that church periodicals are an important historical source from the war period.

Keywords: *World War I, source studies, diocesan periodicals, Belarusian provinces*

The author

Dr Aleksey S. Khoteev, PhD in History, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.

E-mail: hoteev@tut.by

УДК 94 (476: 338.246.838 + 351.745) "1914/16"

А. А. Киселёв

Белорусский государственный экономический университет

ЭВАКУАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В ЧИСЛЕННОСТИ ПОЛИЦИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Показано, что Первая мировая война не привела к существенному увеличению штатной численности полиции в белорусских губерниях. Отступление русской армии в 1915 г. сопровождалось эвакуацией полицейских учреждений из Варшавского генерал-губернаторства, приграничных губерний империи. Эвакуированные чины полиции переводились для усиления местных полицейских управлений трех белорусских губерний. Это повлекло за собой увеличение полицейских сил в прифронтовых губерниях, причем максимальное число полицейских чинов было сосредоточено в Могилевской губернии.

***Ключевые слова:** общая полиция, белорусские губернии, Первая мировая война, эвакуация*

Накануне Первой мировой войны численность личного состава общей полиции пяти губерний Западного края (Виленской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской) составляла 2170 чинов, служивших в городских полицейских управлениях (далее — ГПУ), а во всех уездных полицейских управлениях (далее — УПУ) — 6323 чина [2, л. 3—6]. При этом на 1 января 1914 г. (здесь и далее даты приводятся по старому стилю) в этих пяти губерниях население оценивалось в 11 578,6 тыс. человек. Это позволяет приблизительно оценить плотность полиции. Так, в сельской местности среднее соотно-

© Киселёв А. А., 2024

шение полицейских на 1000 жителей равнялось 0,6, а в городах этот показатель оказался в несколько раз больше — 1,9 человек на 1000 городских обывателей. В зоне ответственности 8493 полицейских классных и нижних чинов находилась общая площадь в 319 786,9 км².

Начало Первой мировой войны не принесло каких-либо существенных изменений в штате чинов общей или исполнительной полиции. Девятнадцатого июля 1914 г. призыв на действительную военную службу чинов полиции был отложен до проведения всех мобилизационных мероприятий и передачи дел подлежащих призыву полицейских служащих. Двадцать пятого июля 1914 г. призыв всех полицейских чинов от классных чиновников до городских откладывался на неопределенное время. В свою очередь, война не стала основанием для усиления контроля в тылу путем расширения штата полицейских чинов, несмотря на возросший перечень обязанностей, обусловленных военным временем.

Существенные изменения в численности полицейских в пределах белорусских губерниях произошли летом 1915 г. с началом отступления русской армии из пределов Варшавского генерал-губернаторства, когда ряд губерний пришлось покидать местным полицейским подразделениям. Превращение Гродненской и Виленской губерний в прифронтовые территории обострило потребность местной администрации в дополнительных полицейских кадрах. Так, 15 июля 1915 г. на имя товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского поступила телеграмма гродненского губернатора В. Н. Шебеко с просьбой прислать в его распоряжение 10 классных чиновников и «возможно больше стражников» [1, оп. 73, д. 105, ч. 1, л. 10]. Причиной запроса был назван «громадный беспорядочный наплыв беженцев» [Там же]. Любопытно, что вопрос решался не исключительно Министерством внутренних дел, но с помощью военных властей — через главного начальника снабжений армий Северо-Западного фронта. В результате 27 июля 1915 г. из состава варшавской городской полиции в Гродненскую губернию были переброшены 10 чиновников и 71 конный стражник. Само решение принималось штабом 2-й армии, отдавшим приказание варшавскому обер-полицеймейстеру. Двадцать вось-

мого июля 1915 г. аналогичный приказ на предмет выделения 20 классных чиновников и 80 городских по обращению виленского губернатора получил находившийся при штабе 2-й армии варшавский обер-полицеймейстер.

Пятого августа 1915 г. на имя В. Ф. Джунковского командованием Северо-Западного фронта была направлена телеграмма с требованием об усилении полиции Виленской, Гродненской и Минской губерний из-за наплыва беженцев, эвакуации промышленных предприятий и продовольствия. Необходимые кадры предлагалось получить от эвакуированной варшавской полиции. Однако в сложных военных условиях конца лета 1915 г. на оперативное исполнение всех приказов по линии гражданского управления, по всей видимости, рассчитывать не приходилось. По крайней мере, виленский губернатор П. В. Веревкин своей телеграммой от 11 августа 1915 г. констатировал отсутствие чинов варшавской полиции и просил вместо них передать под его начало всю полицию Сувалкской губернии из-за проходящей эвакуации через Неман населения этой губернии. Уже 11 августа 1915 г. от армейского командования на имя главного начальника снабжений армий Северо-Западного фронта пришло распоряжение о передаче всей полицейской стражи Сувалкской губернии. Прибытие новых полицейских не означало гарантированной эффективной помощи. Так, гродненский губернатор В. Н. Шебеко получил усиление в числе 6 полицейских чиновников, 400 стражников из Радомской губернии и 370 стражников, 143 классных чиновников из других четырех губерний. Однако в своей телеграмме от 6 августа 1915 г. он писал о том, что прибывшие чиновники, не получив денег за июль, «бедствуют, положение их критическое, ожидать таких чинов продуктивной работы нельзя» [Там же, л. 52].

Главнокомандующий армиями Северного фронта Н. В. Рузский в своей телеграмме от 22 августа 1915 г. министру внутренних дел Н. Б. Щербатову настаивал на необходимости усилить полицию по крупным населенным пунктам прифронтовой территории для контроля за местным населением и беженцами за счет эвакуированных сил полиции, поскольку «существующий штатный состав полиции совершенно недостаточен» [Там же, л. 60].

По мере приближения фронта под эвакуацию попали полицейские чины Гродненской, отчасти Виленской и Минской губерний. Так, русские войска в сентябре 1915 г. вынуждены были оставить Пинск. Согласно донесению минского губернатора А. Г. Чернявского от 18 мая 1916 г. 5 классных и 64 нижних чина Пинского ГПУ были распределены по уездным полицейским управлениям Пинска, Речицы и Мозыря. В свою очередь чины Министерства внутренних дел, служившие в Гродненской губернии, были эвакуированы в Калужскую губернию.

Потоки беженцев, перенос Ставки в Могилев привели к концентрации в Могилевской губернии дополнительных полицейских сил по инициативе губернатора А. И. Пильца. Так, по его требованиям от 31 августа и 17 сентября 1915 г. в Могилев для службы в регистрационном бюро было направлено 50 околоточных надзирателей из варшавской полиции, находившихся в Минской губернии. Для усиления наружной службы из полицейских Варшавы на улицы Могилева были переправлены 10 классных чиновников, 16 околоточных надзирателей и 100 городских. Варшавские полицейские в числе 14 классных чинов и 170 городских направились для несения повседневной полицейской службы в Гомель, Оршу, Жлобин и Шклов. Для охраны железных дорог при следовании императорских поездов были истребованы все конные стражники варшавской городской полиции, которые в числе 71 нижнего чина прибыли из Минской губернии. Тогда же начальнику Могилевской губернии удалось истребовать эвакуированных полицейских из Волынской и Подольской губерний. Второго сентября 1915 г. губернатор А. И. Пилец запросил у Департамента полиции 5 чиновников, имевших опыт ведения делопроизводства и работы по расквартированию войск для помощи полицейским управлениям. Такой запрос мотивировался резким увеличением численности войск в Гомеле, Орше, Быхове и Рогачеве. Любопытно, что могилевский губернатор обратил на себя внимание Департамента полиции своими инициативами по использованию эвакуированных полицейских сил. В частности, он предлагал изъять у военных все части конной стражи с их прямым подчинением Министерству внутренних дел «для принятия решительных мер против открытых революционных

выступлений» [Там же, л. 152]. В данное же время рекомендовалось их сосредоточить на сопровождении беженцев. Еще одной телеграммой от 2 сентября 1915 г. для оборудования второго маршрута для проходящих в Смоленскую губернию беженцев помимо уже откомандированных из Минской губернии 26 классных, 16 околоточных и 270 городских Пильц требовал 300 конных стражников на маршрут в 150 верст. Седьмого сентября 1915 г. начальнику Могилевской губернии пришлось просить уже нового усиления в составе 100 нижних чинов и 4 классных чиновников. В условиях, когда длина всех дорог равнялась 600 верстам, получалось соотношение 1 стражник на 6 верст, что признавалось недостаточным. Ежедневно только по двум главным дорогам проходило от 10 до 20 тыс. человек. Около 200 чинов могилевской уездной стражи, направленных для сопровождения беженцев, «бессильны оградить имущество местного населения от посягательства» [Там же, л. 173]. Местные стражники были вынуждены отвлекаться на поиск для беженцев продовольствия и фуража.

Двадцатого сентября 1915 г. могилевский губернатор А. И. Пильц обратился к начальнику канцелярии по гражданскому управлению при верховном главнокомандующем с просьбой предоставить в его распоряжение не менее 500 конных стражников. Причиной обращения стало поведение беженцев, которые следовали по маршруту Бобруйск — Рославль несколькими путями. По дороге они вступали в конфликты с местным населением из-за того, что беженцы «рубят леса, ломают постройки, изгороди, взламывают амбары и овины, расхищают сено, запасы хлеба» [Там же, л. 173]. Такая ситуация, по мнению губернатора, грозила кровавыми столкновениями.

Потребность в дополнительных кадрах испытывала не только администрация Могилевской губернии. В частности, 17 сентября 1915 г. в Витебскую губернию для обеспечения безопасности железнодорожного сообщения были запрошены эвакуированные полицейские чины из Ковенской губернии в составе 11 классных чинов, 43 урядников и 120 конных стражников, а из Калужской губернии — 11 чиновников полиции Гродненской губернии. Двадцать третьего сентября 1915 г. витебский губернатор М. В. Арцимович еще испрашивал поли-

цейских в силу того, что часть заняты «охраной пути», а другая — «по наблюдению военными работами» [Там же, л. 159], а новоприбывшим предстояло обеспечивать прохождение беженцев. Тридцать первого октября 1915 г. витебский губернатор получил от министерства уведомление о переводе под его начало еще 2 исправников, станового, 15 классных полицейских чинов, 5 штатных канцелярских чиновников, 38 урядников, 176 нижних чинов.

В «Памятной записке по вопросу о положении чинов полиции эвакуированных местностей» от 16 сентября 1915 г. Департамент полиции следующим образом оценивал ситуацию с эвакуированными полицейскими. Пока боевые действия шли в пределах Варшавского генерал-губернаторства, полиция находилась под руководством губернаторов. После переноса боевых действий за пределы генерал-губернаторства, в том числе в пределы белорусских губерний, эвакуированные силы полиции перешли под контроль военных властей. Те использовали их для самых разных нужд, в том числе в Минской губернии для охраны «реквизированного скота» [Там же, л. 130 об.], военнопленных и т. п. Вместе с тем в Министерство внутренних дел стекались запросы на передачу дополнительных полицейских чинов от ряда начальников губерний, в которых велись фортификационные работы, скопилось значительное число беженцев. В свою очередь военные отказывали гражданским властям и держали полицейских при себе для решения своих задач. Ведомство внутренних дел обратилось ко всем гражданским и военным властям с целью сбора информации о наличии эвакуированных чинов. В ближайшей перспективе предлагалось после согласования с военными добиться возвращения части полиции под начало Министерства внутренних дел.

В декабре 1915 г. согласно справке Департамента полиции из числа эвакуированных чинов полиции были откомандированы в губернии 260 классных чиновников и 2023 нижних чина полиции. Из них в Минскую, Витебскую и Могилевскую губернии были направлены 137 чиновников, или 53 % всех откомандированных полицейских, и 1115 нижних чинов, или 55 % всех лиц [Там же, л. 516]. Любопытно, что такие запросы проходили через Междуведомственное совещание по распределению и

устройству чинов гражданского ведомства из эвакуированных по военным обстоятельствам местностей. На 15 марта 1916 г. из эвакуированной земской стражи Привислинских губерний в 15 губерний на усиление полиции были откомандированы 2134 стражников, причем разом на Могилевскую, Минскую и Витебскую губернии пришлось из них 793 человек, или 37 %.

После сбора сведений от начальников эвакуированных губерний в Департаменте полиции к февралю 1916 г. получилась следующая картина распределения полицейских чинов. Из 378 классов чиновников в распоряжении военного ведомства находились 143 человек (37,8 %), других губернаторов и градоначальников — 156 человек (41,3 %), в Красном Кресте и организациях по обустройству беженцев — 36 человек (9,5 %); оставшихся при своих полицейских учреждениях было 28 лиц (7,4 %), 13 (3,4 %) чинов попали в плен или остались на оккупированной территории, два чиновника числились свободными. Если взять такую категорию полицейских служащих, как околоточные надзиратели, то из 327 таких служащих 225 (68,8 %) оказались переданы в распоряжение других губернаторов и градоначальников, 86 (26,3 %) служили при войсках, 11 (3,4 %) помогали беженцам и находились при Красном Кресте; 3 попали в плен или остались за линией фронта, лишь 2 находились при своих учреждениях. Наконец, из 9727 нижних чинов полиции от городских до урядников 4397 человек (45,2 %) исполняли свои обязанности под началом губернаторов из других регионов империи; были приданы армии — 3704 (38,1 %), при Красном Кресте и беженцах — 609 человек (6,3 %). По тем или иным причинам за линией фронта остались 559 человек (5,7 %), при своих учреждениях — 440 (4,5 %), а находились в ожидании приписки к какой-либо службе — 18 человек. Представляется интересным тот факт, что на министерском уровне бросалось в глаза особое положение Могилевской губернии. В нее был направлен 951 чин (21 чиновник, 123 околоточных и 807 нижних чинов), или 9,1 % всех эвакуированных служащих полиции Российской империи.

Последствия эвакуации для полиции Гродненской губернии фактически привели к тому, что основной ее личный состав оказался «разобран» по разным ведомствам и губерни-

ям. Так, 29 февраля 1916 г. гродненский губернатор сообщил о следующем распределении штатных нижних чинов 1397 и 211 классных полицейских чиновников: 382 (27,3 %) нижних чина и 31 (14,7 %) классный чиновник были при военных; 778 (55,7 %) нижних чина и 105 (49,8 %) чиновник — откомандированы в распоряжение других губернаторов, 88 (6,3 %) рядовых и 9 классных должностей оказались вакантными; 10 нижних и 2 классных чина состояли при Красном Кресте; 8 рядовых служащих попали в плен или их местоположение оставалось неизвестным. В отставку вышли 9 нижних чинов и двое чиновников; 28 (13,3 %) полицейских чиновников и всего 20 (1,4 %) нижних чинов исполняли обязанности при эвакуированных учреждениях; 10 нижних и 3 классных чина сказались больными; 92 (6,6 %) рядовых стража порядка значились в ведомости как «свободные» [Там же, д. 205, ч. 13, л. 165]. Из полицейских «офицеров» таковых оказалось 8 человек. Интересно то, что 23 (10,9 %) чиновника, то есть каждый десятый, были призваны на действительную военную службу. На протяжении всего 1916 г. оставшихся в распоряжении гродненского губернатора полицейских продолжали «раздергивать» по разным губерниям империи — от Могилевской и Витебской губерний до Батумской области или Петрограда.

Поскольку часть уездов Виленской губернии осталась в основном свободна от противника (Ошмянский, Дисненский, Вилейский и Свенянский уезды), то в них сохранились и местные полицейские учреждения. Центр губернской администрации временно разместился в Дисне. После стабилизации фронта руководство губернии предприняло шаги по возвращению части служащих полиции. Так, 17 марта 1916 г. Департамент полиции обратился к начальнику Минского военного округа с просьбой вернуть в Виленскую губернию из Минской губернии всех полицейских за исключением чинов Виленского ГПУ. Согласно донесению виленского губернатора А. Н. Толстого от 14 сентября 1916 г. уездная полиция в прифронтовых уездах Виленской губернии была представлена следующим образом: 8 (9,2 %) классных чиновников и 143 (13,3 %) нижних чина перешли в распоряжение армии; 20 (23 %) полицейских офицеров и 342 (31,9 %) рядовых стража порядка были переве-

дены на службу в другие губернии. Четверо (4,6 %) служащих на классных должностях были призваны на военную службу. 35 (3,3 %) урядников и стражников попали в плен или об их местоположении не имелось никаких сведений. Среди классных чинов таких лиц оказалось всего 2 человека (2 %). Вакантными числились 6 (6,9 %) офицерских должностей и 162 (15,1 %) рядовых позиции. 11 (1 %) нижних чинов были причислены к Красному Кресту и организациям для помощи беженцам. 6 (0,6 %) нижних чинов являлись больными. Один полицейский чиновник на момент отправки отчета вышел в отставку. В подчинении прифронтовых уездных полицейских управлений осталось 46 (53 %) классных и 374 (34,8 %) нижних чинов уездной полиции [Там же, д. 205, ч. 17, л. 148].

В рамках полицейской реформы 23 октября 1916 г. произошло увеличение штатов и должностных окладов чинов полиции. По утвержденным 10 ноября 1916 г. штатам численность общей полиции 5 белорусских губерний составляла 9945 человек, то есть увеличилась всего на 17 %. Интересно, что увеличение произошло за счет служащих городских полицейских управлений (с 2170 до 3942, то есть на 82 %), а вот количество чинов уездных полицейских управлений наоборот сократилось на 5 % [Там же, оп. 75, л. 398—404, 418—423]. Следует отметить, что штаты были составлены Министерством внутренних дел на основании довоенных данных 1913 г. и не учитывали текущих изменений военного времени.

Таким образом, численность общей полиции белорусских губерний накануне Первой мировой войны была относительно незначительной. Начало военных действий не привело к пересмотру существовавших штатов. Эвакуация полицейских учреждений в результате Великого отступления русской армии 1915 г. привела к тому, что в белорусских губерниях произошел рост количества полицейских чинов за счет эвакуированных чинов полиции преимущественно из Варшавского генерал-губернаторства. Это увеличение численности было обусловлено резко возросшим объемом полицейских обязанностей из-за наплыва беженцев, потребностей военных по охране ближнего тыла, организации фортификационных работ, переноса Ставки в Могилев. Отступление в августе — сентябре 1915 г. привело к полной

эвакуации полиции Гродненской и частичной эвакуации полицейских учреждений Виленской губерний. К декабрю 1915 г. на Минскую, Витебскую и Могилевскую губернии приходилось до половины всех откомандированных в распоряжение гражданских властей эвакуированных чиновников. На Могилевскую губернию в начале 1916 г. пришлось 9 % всех эвакуированных полицейских чинов с отставленных русской армией территорий. В конце 1916 г. в рамках реализуемой российским правительством общероссийской полицейской реформы произошло увеличение штатов общей полиции, в том числе в белорусских губерниях на 17 %. Как представляется, это было относительно незначительным расширением личного состава. Эта мера не отменяла сохранения под началом местных губернских властей откомандированных эвакуированных чинов полиции.

Список источников

1. *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 102.
2. *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1217. Оп. 1. Д. 12.

Об авторе

Александр Александрович Киселёв — кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.

E-mail: kiselev_aa@list.ru

A. A. Kiselev

Belarusian State Economic University

EVACUATION AND CHANGES IN POLICE NUMBERS IN THE BELARUSIAN PROVINCES DURING WORLD WAR I

This article demonstrates that World War I did not lead to a significant increase in the official police force in the Belarusian provinces. The Russian army's retreat in 1915 was accompanied by the evacuation of po-

lice institutions from the Warsaw Governor-Generalship and the border provinces of the empire. The evacuated police officers were reassigned to strengthen the local police departments in the three Belarusian provinces. As a result, the police presence increased in the front-line provinces, with the highest concentration of police officers in the Mogilev province.

Keywords: *general police, Belarusian provinces, World War I, evacuation*

The author

Dr Alexander A. Kiselev, PhD in History, Associate Professor of the Department of Economic History, Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.

E-mail: kiselev_aa@list.ru

В. В. Мищенко

Московский педагогический государственный университет

**РУССКИЕ СЕКТАНТЫ И ИХ ОТНОШЕНИЕ
К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ)**

Русская православная церковь в годы Первой мировой войны в качестве сектантов видела исключительно штундистов, евангелистов и баптистов, которые, по мнению иерархов РПЦ, несли духовную и политическую угрозу для православия. Русская православная церковь в лице ее епархиальных миссионеров неоднократно на страницах епархиальных ведомостей говорила о проблемах, связанных с борьбой с сектантством, а также предлагала пути их решения. Проанализированы публикации епархиальных ведомостей за 1915 г., характеризующие взаимоотношения РПЦ и сектантов. Работе православных миссионеров по укреплению позиций в обществе мешали конфликтные ситуации в отношениях с сектантами, обусловленные разногласиями в отношении к войне.

Ключевые слова: *Первая мировая война, сектанты, штундисты, баптисты, противосектантская деятельность*

Одним из наиболее трагичных моментов в истории России и испытаний для русского народа стала Первая мировая война 1914—1918 гг. Этот конфликт позволил проверить не только дух народа, патриотизм русских людей, но и уровень военной подготовки страны, а также способности высшего руководства организовать защиту государства и устроить его внутренние

дела в условиях войны. Влияние боевых действий охватило все государственные институты и общественные организации, включая Русскую православную церковь.

В числе источников по истории Первой мировой войны значительную роль играют материалы из печатных изданий, церковная и светская публицистика. Они отражают общий патриотический подъем общества в начале войны и приводят примеры героизма как солдат, так и священнослужителей. Подобные сведения можно найти в таких журналах, как «Богословский вестник», «Православное обозрение», а также в газетах «Колокол» и «Московские ведомости».

Губернские епархиальные ведомости служат ценным источником и для изучения приходской жизни. Источником для написания статьи послужили епархиальные ведомости Могилевской, Орловской и Смоленской губернии за 1915 г. Материалы, публиковавшиеся на страницах епархиальных ведомостей, условно можно разделить на несколько групп.

Во-первых, это официальные материалы — законодательные акты, высочайшие указы и манифесты, имевшие отношение к церковной жизни; определения и указы Синода, публиковавшиеся в официальных периодических изданиях — «Церковных ведомостях», «Церковном вестнике», а также дублировавшиеся в местных епархиальных ведомостях. Вторую группу составляют материалы так называемой епархиальной хроники — распоряжения епархиального начальства, а также публикации, характеризующие жизнедеятельность епархии в военное время. В третью группу входят отчеты о деятельности различных организаций, созданных в епархии с началом военных действий, а также аналитические справки миссионеров.

С началом Первой мировой войны Русская православная церковь огромное внимание на страницах епархиальных ведомостей уделяла внимание противосектантской деятельности. До начала конфликта Русская православная церковь в своей миссионерской деятельности придерживалась разграничения категорий неправославных верующих в соответствии с п. 5 императорского указа от 17 апреля 1905 г. (здесь и далее даты приводятся по старому стилю): «Установить в законе разли-

чие между вероучениями, объемлемыми ныне наименованием “раскол”, разделив их на три группы: а) старообрядческие согласия, б) сектантство и в) последователи “изуверных” учений, самая принадлежность к коим наказуема в уголовном порядке...» [1, с. 7].

С началом Первой мировой войны миссионерская деятельность РПЦ в отношении сектантов сосредоточилась исключительно на штундо-баптистах, евангелистах и адвентистах. В выступлениях православных миссионеров военного времени часто звучала мысль, что сектантами называли всех, кто действовал во вред церкви. Зачастую говоря о борьбе с сектантами на страницах евангельских ведомостей, миссионеры под сектантами понимали исключительно вышеуказанных забывая, например, о существовании мистического сектантства (скопчества, хлыстовства). «Сектанты — штундо-баптисты, евангелики и адвентисты не могут искренне желать нынешней войны по самой природе своей, по существу своему и действительно не сочувствуют ей в глубине своей души» [7, с. 146]. «В дни войны в Гомеле явилась новая секта “свободомыслящих христиан” и открыла пропаганду. Из Петрограда пропагандирует свободомыслие инженер Проханов — духовный поэт, а в Либаво-Гомельском районе — кондуктор Емельженков из Екатеринослава» [6, с. 111].

Тот факт, что появлялись якобы новые сектантские группы, наподобие гомельской секты «свободомыслящих христиан», заставляет также скептически относиться к тем данным о переходе православных в секты, которые М. А. Кальнев, херсонский епархиальный противосектантский миссионер, обнаружил на Бизюковском съезде. По его сведениям, к середине 1916 г. около 30 тыс. русских пленных, находящихся в Германии, перешли в баптизм [2, с. 35].

Показательна в этом отношении заметка «Сектантство и война», размещенная на страницах «Могилевских епархиальных ведомостей»: «И вот сектантский муравейник заволновался... Как быть? — пред всеми стоял тревожный вопрос. Время не ждет. Объявлена мобилизация. Требуют воинов под ружье. Не пойти — нельзя; пойти — значит, будто бы, нарушить заповедь

Божью: “не убий”... Но с кем воевать? С теми, кто потрудился в деле познания русскими людьми “истин веры”, кто, по-видимому, кроме добра в настоящем и будущем для “евангельских христиан” ничего другого и не может желать? Можно ли его считать врагом?» [4, с. 359]. «Русские штундисты, по общему мнению всех наблюдателей и исследователей, постепенно теряют русский облик» [8, с. 64].

Основные претензии Русской православной церкви к штундистам и баптистам касались их близости к немецкому протестантизму. «Преследовались пропагандой штундизма и другие цели — пангерманские. Немцы и в религии, как известно, хотят видеть принципы немецчества и в последние годы пангерманизм стал тождественен протестантизму» [Там же, с. 63]. «Протестантизм высушило немецкую душу. Протестантизм задушило все то, что оставалось в немцах от католичества» [5, с. 80]. Кроме того, Русский евангельский союз, который был открыт в 1908 г. пользовался значительной материальной поддержкой *Deutsche Orient Mission* (Восточная немецкая миссия) в Берлине. В состав Русского евангельского союза входили в большом количестве немцы [11, с. 6].

Предъявлялись претензии и к финансированию штундо-баптизма: «Известно что Бисмарк ассигновал миллиард денег на распространение “евангелистского исповедания” в России» [7, с. 146]. В ответ от баптистов звучали претензии политического характера: «...для одоления русских в России необходимо ослабить ее дух, т. е. православие, и тогда уже путем колонизации и пропаганды протестантистских учений легко можно подготовить почву для политического господства» [Там же].

С началом Первой мировой войны и местные власти не остались в стороне в борьбе со штундо-баптизмом. В газетах стали появляться статьи, изображавшие баптистов как опасных и ненадежных в политическом отношении людей. Все собрания в Петрограде были запрещены. Многих видных баптистов сослали в Сибирь. В. А. Фетлер был приговорен к ссылке в Сибирь, но в 1915 г. по ходатайству влиятельных лиц вместо ссылки его вообще выслали из России [3].

Массовым арестам особенно подвергались штундо-баптисты Южной России. Начальник Одесского военного округа генерал М. И. Эбелов закрыл почти все баптистские собрания в Херсонской, Бессарабской и Таврической губерниях. В декабре 1914 г. его постановлением были закрыты в Одессе четыре баптистских, одна евангельская и одна адвентистская общины. Пятого декабря того же года баптистские проповедники Любек и М. Д. Тимошенко были арестованы и сосланы в Нарымский край.

Также М. И. Эбелов в марте 1915 г. распорядился закрыть в Таврической губернии баптистские общины в с. Астраханке, Нововасильевке, Новоспасском, Петропавловске, Феодосии и Тимашевке и общины евангельских христиан в Симферополе, Феодосии, Мелитополе, с. Астраханке и в Нижнем Рогачике. Со временем были закрыты все баптистские общины в Херсонской, Бессарабской и Таврической губерниях [3].

В условиях таких преследований у представителей штундо-баптистов не оставалось ничего иного, как приспособляться к изменившимся условиям. «Сектанты принимают участие в оказании помощи раненым... в надежде получить за это некоторые “компенсации” в смысле расширения своих прав» [4, с. 360]. Но и даже в такой ситуации притворной покорности православные миссионеры призывали не расслабляться: «Зная сокровенные мечты русского сектантства, угадывать его настроение гораздо легче в деревне, чем в городе. Тут народ попроще, а следствие этого прямее и откровеннее. Как ни строга бывает тайна, но какая-нибудь деревенская баба крепится, крепится, а потом, глядя и выпалит: “та што вам ти нимцим зробыли, може и воны будут зверху”. А другой какой-нибудь неуч-простец, гляди, и буркнет: “не чваньтесь, ще недавно — и од ваших церквивничого не застанеца”... Из их карканья можно безошибочно вывести заключение: неправда то, что русское сектантство — дело религиозного убеждения отпавших от православной веры. У них 2 %, может быть, не больше — имеются в основе своих верований религиозные убеждения. Остальная же братия 98 % — люди не убеждения, а религиозного настроения и только...» [Там же, с. 360—361].

При этом Русская православная церковь искала причины такой популярности идей сектантских учений также и в себе: «...даже поверхностный взгляд достаточно убеждает, что неудовлетворительное нравственное состояние сельского духовенства своей жизнью, подающего пример разлагаемости, толкает население в штундизм. Безобразная жизнь, оргии, вымогательство за требы, неумение разъяснить ложность учения штундизма, появившегося в приходе, и старание избегать богословских споров — вот причины, по которым народ льнет к учению штундизма, учению, согласному с его желаниями и более подходящему его мировоззрению» [9, с. 128]. Подтверждает такую позицию и А. С. Пругавин: «Это можно объяснить двумя причинами 1) неумением духовенства сколько-нибудь удовлетворительно разъяснить те или иные места Св. Писания и 2) корыстолюбием и поборами сельского духовенства» [Там же].

Вся тягость противосектантской деятельности выпадала на миссионеров, и уже от самих епархий зависело, как они будут выстраивать свою деятельность. В Орловской епархии миссионеры пытались заставить учиться приходское священство, но встретили противодействие со стороны самих священников, которые считали это излишней тратой епархиальных средств. В Смоленской епархии признавали проблему другого рода: «Не уступая другим епархиям в количестве личного состава сектантов, Смоленская епархия не уступит, а то, пожалуй превзойдет соседние епархии по количеству пунктов. Между тем в миссионерском отношении сила сектантства не в количестве сектантов, а именно в количестве сектантских пунктов и разбросанности их по епархии. В смысле борьбы с сектантством легче бороться с большим числом сектантов, лишь бы эти сектанты сосредотачивались в меньшем количестве пунктов-местностей, чем бороться в 3—5 и 10 раз меньшим количеством сектантов, но числом разбитым и рассеяно разбросанным по епархии» [10, с. 338—339].

Таким образом, основываясь на публикациях в миссионерских епархиальных ведомостях, можно увидеть, что Русская православная церковь в условиях войны не только указывала

на опасности, исходившие от сект, но и стремилась укрепить свои позиции в обществе. В задачи епархиальных миссионеров входило недопущение отпадения от православия, а также просвещение населения относительно христианских ценностей, которые, по их мнению, были искажены сектантами. Последние же, как правило, отвергали участие в войне и патриотические призывы, акцентируя внимание на мире и считая, что война противоречит основным заповедям Христа. Это приводило к конфликтным ситуациям между сектантами и православными, в которых каждая сторона настаивала на своей правоте и утверждала свои ценности. Православные миссионеры пытались в условиях войны вести работу, искренне надеясь на возвращение заблудших душ в лоно православия. Но такие попытки наткнулись на глубокие теологические разногласия и устоявшиеся взгляды, которые сложно было изменить.

Список источников и литературы

1. *Введенский А. П.* Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса, 1912.
2. *Деяния* Пятого Всероссийского миссионерского съезда / под ред. И. Г. Айвазова. М., 1917.
3. *История* евангельских христиан-баптистов с 1905 по 1944 год / под ред. И. П. Плетт. URL: <http://www.blagovestnik.org/books/00360.htm> (дата обращения: 01.09.2024).
4. *Сектантство* и война // Могилевские епархиальные ведомости. 1915. № 11. С. 357—361.
5. *Явная опасность* от протестантизма и сектантства // Могилевские епархиальные ведомости. 1915. № 3. С. 79—81.
6. *Чайкин Г. А.* Остановилось ли? // Могилевские епархиальные ведомости. 1915. № 4. С. 108—112.
7. *Война* и сектантство // Могилевские епархиальные ведомости. 1915. № 5. С. 146—153.
8. *Немцы* и штундизм // Орловские епархиальные ведомости. 1915. № 3. С. 62—65.
9. *Кушнев И.* О миссии в Орловской губернии // Орловские епархиальные ведомости. 1915. № 5. С. 127—134.

10. *Хотовицкий А.* Неотложная нужда Смоленской миссии // Смоленские епархиальные ведомости. 1915. № 9. С. 336—350.

11. *Христианин.* 1908. № 10.

Об авторе

Виктор Васильевич Мищенко — кандидат исторических наук, и. о. директора филиала МПГУ в г. Черняховске, Калининградская область, Россия.

E-mail: vv.mishchenko@mpgu.su

V. V. Mishchenko

Moscow State Pedagogical University

RUSSIAN SECTARIANS AND THEIR ATTITUDE TOWARD WORLD WAR I (BASED ON DIOCESAN GAZETTES)

During World War I, the Russian Orthodox Church identified only Stundists, Evangelicals, and Baptists as sectarians, considering them a spiritual and political threat to Orthodoxy. The Russian Orthodox Church, through its diocesan missionaries, frequently addressed the issues related to combating sectarianism in the pages of diocesan gazettes and proposed solutions to these problems. The work of Orthodox missionaries to strengthen their position in society was hampered by conflict situations with sectarians due to differences in attitudes towards the war.

Keywords: *World War I, sectarians, Stundists, Baptists, anti-sectarian activity*

The author

Dr Viktor V. Mishchenko, PhD in History, Acting Director of the Chernyakhovsk Branch of Moscow State Pedagogical University, Kaliningrad Region, Russia.

E-mail: vv.mishchenko@mpgu.su

УДК 94(47)"1914/1917

О. В. Чистяков

Российский государственный военно-исторический архив

**ГЕОРГИЕВСКИЙ КОМИТЕТ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА: СТРУКТУРА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Во время Первой мировой войны в 1916 г. в Петрограде был образован Георгиевский комитет великого князя Михаила Александровича. Эта организация должна была стать организатором и распределителем помощи героям войны. За 1916 г. комитетом было проведено несколько сот мероприятий в пользу Георгиевских кавалеров. После Февральской революции деятельность организации была свернута. На основе архивных документов рассмотрена деятельность Георгиевского комитета в 1916—1917 гг.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Георгиевские кавалеры, благотворительность, Георгиевский комитет*

Во время Первой мировой войны в Российской империи произошел всплеск благотворительной деятельности, нацеленной на помощь пострадавшим от военных действий. Значительную роль в этом процессе играла императорская фамилия. Не оставался в стороне и младший брат императора Николая II великий князь Михаил Александрович. Достаточно сказать, что на его средства и средства Сергиевского православного братства, попечителем которого являлся великий князь, были открыты лазареты для раненых военнослужащих в Петрограде, Гатчине, Киеве и Ницце.

© Чистяков О. В., 2024

В начале 1916 г. в Петрограде был создан Георгиевский комитет его императорского высочества великого князя Михаила Александровича. Положение определяло основные цели комитета — попечение о лицах, награжденных орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия, Георгиевским крестом, Георгиевским оружием и Георгиевской медалью, и об их немущих семьях, а также изыскание средств для их призрения. Помимо этого декларировались такие цели, как удовлетворение духовных нужд воинов, для чего предполагалось издавать книги, брошюры и журналы, устраивать просветительские чтения и «полезные развлечения», и забота о собирании и сбережении разнообразных воинских трофеев.

Великий князь Михаил Александрович стал председателем комитета. Непосредственно делами комитета управлял совет, состоявший из вице-председателя и двух членов — заведующего канцелярией комитета и казначея. Вице-председателем был назначен тайный советник, егермейстер двора его императорского величества, сенатор, последний министр юстиции Российской империи Николай Александрович Добровольский.

Комитет получил право приобретать и отчуждать движимое и недвижимое имущество, заключать договоры, выступать в суде в качестве истца и ответчика. Членами комитета могли быть как мужчины, так и женщины. Финансы комитета составлялись из ежегодных взносов членов комитета, частных пожертвований и других сумм, поступающих в его распоряжение [1, д. 6, л. 1].

Семнадцатого января 1916 г. (здесь и далее все даты приводятся по старому стилю) положение о комитете было утверждено императором Николаем II, о чем было объявлено в приказе по военному ведомству. Одиннадцатого февраля 1916 г. император принял на себя звание почетного председателя комитета. Этот акт позволил комитету заявить, что комитет устанавливает непосредственную связь Георгиевских кавалеров с императором: каждый из кавалеров мог надеяться, что его голос и его нужды дойдут до самого государя [Там же, л. 1 об.—2].

Помимо Совета руководство текущей деятельностью комитета осуществлялось Особым совещанием по устройству сана-

ториев и других лечебных заведений (в нем была создана Медико-техническая комиссия), Особым совещанием по устройству музеев и выставки трофеев (председатель — член Государственного совета, генерал от инфантерии А. Н. Селиванов), Особым совещанием по устройству концертов и спектаклей в пользу Георгиевских кавалеров и их семейств (председатель — композитор, инженер-генерал Ц. А. Кюи, затем генерал-лейтенант А. И. Мгебров), Особым совещанием для устройства школ и приютов для сирот Георгиевских кавалеров и по попечительству над ними (председатель А. А. Чаплина), Особым совещанием по устройству Георгиевских стипендий в учебных заведениях военного и гражданского ведомств, Особым совещанием по воспитанию и устройству детей и сирот Георгиевских кавалеров (председатель — генерал-лейтенант А. И. Мгебров) [Там же, л. 7, 9].

Согласно исторической справке, в составе комитета предполагалось создать 15 комиссий, подчинявшихся Особым совещаниям. Из документов комитета, которые хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве, видно, что фактически были созданы: Комиссия по улучшению быта Георгиевских кавалеров и их семейств (председатель — генерал от инфантерии М. И. Ботьянов, члены — протопресвитер военного и морского духовенства Г. И. Шавельский, председатель Государственной Думы М. В. Родзянко, генералы А. Н. Куропаткин, А. Е. Эверт, Н. И. Иванов, М. В. Рузский), Главная комиссия по всем изданиям Георгиевского комитета (председатель — генерал от инфантерии Г. В. Крюков). В составе последней были образованы Редакционная комиссия (председатель — генерал-лейтенант А. И. Мгебров), Художественная комиссия (председатель — генерал-майор И. Н. Харин), Издательская комиссия (председатель — генерал-майор П. Ф. Заусцинский), Комиссия по военной литературе (председатель — генерал А. Д. Бутовский). Главная комиссия наметила ряд изданий для широкого распространения.

Комиссия по улучшению быта Георгиевских кавалеров и членов их семей разработала проект Положения об особых наградах для Георгиевских кавалеров. По проекту после окончания войны для всех Георгиевских кавалеров, а в случае их

гибели — для их семей, устанавливались два вида особых наград — земельный Георгиевский надел и добавочная Георгиевская пенсия. Для награждения наделами предполагалось использовать конфискованные земли немецких колонистов и подданных Российской империи, воевавших на стороне противника, а также присоединенные земли Галиции, Польши и Закавказья. Деньги для пенсий предполагалось аккумулировать из различных государственных источников, займов и пожертвований. Для этого комитету по окончании войны должны были передаваться капиталы сухопутной и морской эмеритальных касс; три четверти экономических сумм, образовавшихся в частях войск; половина доходов, перечисляемых в запасные капиталы монастырей; суммы, остающиеся в казначействах и Государственном банке без определенного назначения, а также пребывающие в депозитах судебных и правительственных органах дольше срока земской давности, и др. Руководить назначением и выдачей наград должен был Георгиевский комитет [Там же, д. 9, л. 6—8 об.].

В составе Особого совещания по устройству музеев и выставки трофеев были организованы Комиссия по устройству выставки боевых трофеев текущей войны (председатель — генерал-майор Д. П. Струков) и Подкомиссия по сбору трофеев (председатель — М. К. Соколовский), Подкомиссия по устройству Передвижной выставки боевых трофеев (председатель — камергер Двора его императорского величества князь А. Д. Львов), Издательская подкомиссия (председатель — камергер Двора его императорского величества С. К. Хитрово), Хозяйственная подкомиссия (председатель — генерал-майор С. И. Петин). Усилиями особого совещания в Петрограде 3 июля 1916 г. была открыта Передвижная плавучая выставка боевых трофеев настоящей войны, которая затем отправилась по городам Поволжья, где посетила 46 населенных пунктов. После завершения круиза по Волге выставку предполагалось переделать в железнодорожную. После успеха выставки в декабре 1916 г. в составе Особого совещания была организована Комиссия по устройству передвижных выставок трофеев текущей

войны. Состав для передвижной железнодорожной выставки был подготовлен и освящен 18 декабря 1916 г. [Там же, д. 12, л. 29, 33; д. 15, л. 3, 5, 9; д. 17, л. 2].

Особым совещанием по устройству концертов и спектаклей в пользу Георгиевских кавалеров и их семейств в течение 1916 г. было организовано множество концертов и спектаклей, сборы от которых были переданы на нужды Георгиевского комитета. Членами Особого совещания были балерины М. Ф. Кшесинская, Т. П. Карсавина, оперные певцы Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, писатель А. И. Куприн и другие [Там же, д. 16, л. 172—172 об.].

В октябре 1916 г. была учреждена Главная комиссия по устройству всенародного Георгиевского праздника 26 ноября. В составе комитета была организована Театральная комиссия (председатель — генерал-лейтенант А. И. Мгебров, который позже стал председателем Особого совещания по устройству концертов и спектаклей). Двадцать шестого ноября 1916 г. в рамках праздника во множестве городов России были даны сотни спектаклей, концертов, киносеансов, сборы от которых были переданы на нужды Георгиевского комитета [Там же, л. 191, 202, 203].

В течение 1916 г. комитет продолжал работу по выдаче денежных пособий Георгиевским кавалерам, устройству приютов, богаделен, курортов, санаториев и больниц, определению детей в учебные заведения, для чего было исходатайствовано у различных ведомств более пятнадцати тысяч стипендий [Там же, д. 19, л. 176].

Как видно, Георгиевский комитет задумывался как мощная государственно-общественная структура, которая должна была взять на себя организацию и осуществление помощи героям Первой мировой войны. Но, будучи организацией монархической, руководимой великим князем и чинами Двора, она не могла снискать доверия новой власти, и в 1917 г. деятельность комитета была свернута.

Список источников

1. *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 14595. Оп. 1. Д. 6.

Об авторе

Олег Вячеславович Чистяков — кандидат исторических наук, главный специалист отдела публикации документов, Российский государственный военно-исторический архив, Москва, Россия.

E-mail: warius1914@yandex.ru

O. V. Chistyakov

Russian State Military History Archive

THE ST. GEORGE COMMITTEE OF GRAND DUKE MICHAEL ALEXANDROVICH: STRUCTURE AND ACTIVITIES

During World War I, the St. George Committee of Grand Duke Michael Alexandrovich was established in Petrograd in 1916. This organization was intended to coordinate and distribute aid to war heroes. In 1916 alone, the committee organized several hundred events in support of St. George recipients. After the February Revolution, the organization's activities were discontinued. Based on archival documents, this article examines the activities of the St. George Committee from 1916 to 1917.

Keywords: *World War I, St. George recipients, charity, St. George Committee*

The author

Dr Oleg V. Chistyakov, PhD in History, Lead Specialist of the Document Publication Department, Russian State Military History Archive, Moscow, Russia.

E-mail: warius1914@yandex.ru

УДК 322(476)

В. В. Сушко

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Проанализирована религиозная ситуация, сложившаяся на территории белорусских земель в период Первой мировой войны. Рассмотрены основные виды религиозной деятельности Православной церкви, Римско-католического костела и протестантских деноминаций, а также направления реализуемых служений в условиях войны — как традиционно-церковные, так и общественные. Уделено внимание обстоятельствам эвакуации имущества православной церкви на Восток перед угрозой германского наступления. Освещены аспекты политики германских оккупационных властей по отношению к белорусским религиозным конфессиям в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: *православная церковь, римско-католический костел, протестантские деноминации, священнослужители, верующие, религиозная деятельность, миссионерское и социальное служение, Первая мировая война*

Исторический путь развития Беларуси определил ее как поликонфессиональное государство, в котором преобладающими являются православная и католическая церкви. Однако на рубеже XIX—XX вв. на территории белорусских земель, в первую очередь в западной части, начинают утверждаться евангелические церкви (наиболее многочисленными по количеству

© Сушко В. В., 2024

последователей были неопротестантские: евангельские христиане-баптисты (баптизм), адвентисты седьмого дня (адвентизм) и христиане веры евангельской (пятидесятничество)).

К началу Первой мировой войны, на территории Российской империи (и, в частности, на белорусских землях) сформировалась достаточно эклектичная религиозная ситуация. Учитывая многоконфессиональный характер Российской империи, еще 17 апреля 1905 г. был ратифицирован указ царя Николая II «Об укреплении начал веротерпимости», поскольку необходимо было создать нормативно-правовую базу, которая позволила бы как регламентировать деятельность новообразованных религиозных конфессий, так и соблюсти приоритет традиционных вероисповеданий.

Высочайшим указом были приняты меры «к устранению стеснений в области религии». Благодаря п. 1 указа прекратились преследования граждан иного христианского «исповедания и вероучения», а также тех, кто «отпал от православной веры», то есть староверов. Все они были уравнены в гражданских правах [5]. Принятое законодательство, которое было призвано регулировать веротерпимость в обществе, стало базой для официального признания деятельности церковью неопротестантского направления, отнесенных в категорию «сектантов» (пятидесятников, баптистов и адвентистов), их миссионерского, социального, просветительского служения, образования общин верующих, строительства молитвенных домов и т. д.

События Первой мировой войны, причиной которой стали противоречия международного характера между двумя блоками ведущих стран мира, привели к существенным изменениям во всех сферах общества и нашли отражение в духовной жизни общества, в частности в деятельности религиозных организаций.

В 1915 г. Германия на Западном фронте переходит к позиционной войне, концентрируя свои силы на Восточном фронте. Летне-осеннее наступление немецких войск приводит к тому, что большая часть территории Беларуси оказалась под оккупацией противника. А в октябре 1915 г. фронт стабилизировался по линии Постава — Барановичи — Пинск. Эта ситуация привела к тому, что белорусские земли одновременно являлись и

фронтальной, и прифронтальной частью, что стало причиной перемещения Ставки Верховного Главнокомандующего из Барановичей в Могилев.

Военные действия существенно повлияли на жизнь белорусских территорий: масштабная мобилизация жителей белорусских губерний в российскую армию, нахождение одного из крупнейших по численности военнослужащих фронтов (с августа 1915 г. — «Западный»), масштабная эвакуация предприятий и государственных учреждений на восток и миграция потока беженцев. Особую интенсивность переселение белорусского населения в восточные губернии приобрело с осени 1915 г., когда люди были вынуждены перемещаться также вглубь российских территорий. Это приводило к созданию больших по численности лагерей беженцев на территории белорусских и граничивших с ними губерний.

На оккупированной немецкими войсками территории Беларуси положение было достаточно тяжелым. На основе военно-стратегических планов Германии по колонизации и германизации Западной Беларуси действовала система принудительных работ, штрафов, жестким было налогообложение местного населения. В условиях оккупационного режима стратегия Германии была нацелена на обособление занятой ею территории от России. При этом осуществлялась и нейтрализация польского влияния на местных жителей, которое начало усиливаться после того, как часть белорусского православного населения, включая священнослужителей, покинула территорию проживания — беженцы устремились на восток. Таким образом, положение православной церкви на оккупированной части белорусских земель было сложным, большая часть православного духовенства выехала, были вывезены наиболее ценные иконы, колокола, церковно-приходские архивы. Столь масштабная эвакуация объяснялась тем, что на захваченной территории «немцы устраивали в церквях лазареты, конюшни, склады и даже отхожие места» [3]. На территорию России эвакуировали Гродненскую и Литовскую духовные консистории, в Рязань переправили наиважнейшие экспонаты церковно-археологического музея и значительную часть имущества Минской духовной семинарии. Из Слуцкого Свято-Троицкого

монастыря в Москву вывезли мощи Святого мученика Гавриила Белостокского, из Полоцка в Ростов Великий — мощи Преподобной Евфросинии. Из Вильна в Рязань была эвакуирована духовная семинария, а в Донской монастырь Москвы перевезены мощи Святых Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия [Там же]. Некоторые монастыри немецкие оккупационные войска занимали под помещения казарм, складов и т. д., уничтожили при этом несколько православных святынь. Религиозная деятельность православного духовенства, оставшегося на оккупированной немцами части Беларуси, была затруднена, а большинство священнослужителей были арестованы и / или вывезены в Германию.

В самом начале Первой мировой войны в состав полков, штабов корпусов, армий и фронтов были включены православные священники, которые совершали богослужения, исповедовали, причащали раненых, отпевали и хоронили погибших, сообщали родственникам о гибели солдат и офицеров. Обычно в штат входили и псаломщики. При этом за мобилизованными священниками следовало сохранять место и содержание по епархиальной службе. Это означало, что на время пребывания в армии на их место в епархии назначали заместителей. По завершении войны они могли вернуться на прежнее место службы [4].

Часть епархиальных священников шли в армию в качестве добровольцев. Ими двигали как чувство патриотизма, так и материальная заинтересованность: содержание военных священников было намного выше, чем приходских. Были известны случаи, когда добровольно ушедших на фронт священников увольняли, что было связано с тем, что на вакантные места требовалось приглашать новое духовенство. Однако православные священнослужители были патриотически настроены и подавали прошения об устройстве в армию. По возвращении с войны такие священники могли не найти себе новый приход, а их место было уже занято. Поэтому на временную службу в ведомство протопресвитера старались принимать только тех, кто имел бумаги от епархиальной консистории, в которых сообщалось о согласии сохранить добровольцу место и содержание [Там же].

Учитывая большой поток беженцев, среди которых были и православные священники, ведомство протопресвитера также участвовало в их устройстве. Среди них были представители Гродненской епархии, встречались и пастыри из Минской и Литовской. Можно констатировать, что в годы Первой мировой войны в действующей армии были штатные священники ведомства протопресвитера военного и морского духовенства и представители иных епархий, в том числе и белорусских.

Роль православного военного духовенства была очень велика — оно занималось реализацией культовой деятельности — службой, церемониями, обрядами и подготовкой к ним. Религиозность солдат и офицеров, местного населения была высокой, и проведение богослужений составляло неотъемлемую часть привычного жизненного уклада. Однако наибольшее значение в условиях войны имела поддержка морального духа и патриотизма как воинов, так и гражданского населения. Богослужения проводились ежедневно, священники выполняли важнейшую функцию укрепления морального, боевого и патриотического духа, осуществляли психологическую поддержку.

С августа 1914 г. вплоть до февраля 1917 г. посещаемость служб была на высоком уровне. Говоря о богослужебной работе на территории Беларуси, можно отметить, что ее проведение напрямую обуславливалось местом службы священника, а также характером боевых действий и степенью участия в них части или учреждения [Там же].

Православное духовенство, в том числе военное, активно занималось внекультовой деятельностью, создавая библиотеки, занимаясь благотворительностью и проводя духовные беседы. В первую очередь необходимо было поддерживать морально-психологический и идейно-воспитательный климат: священнослужители проводили беседы и проповеди на темы отказа от вредных привычек, недопущения сдачи в плен, сохранения мужества и спокойствия в бою, а также во взаимоотношениях с сослуживцами, мира и войны и т. д. Православные священнослужители организовывали благотворительные сборы денежных средств в пользу Земского союза, Красного Креста, фондов помощи сиротам, увечным, семьям погибших.

На территории восточной части Беларуси, не оккупированной немцами, в помещениях, принадлежавших православной церкви, открывались лазареты. Так, в Минске были устроены лазареты в архиерейских покоях, в Минской духовной семинарии, женском духовном училище, в Спасо-Преображенском монастыре. Руководил семинарским лазаретом иеромонах Николай (Муравьев-Уральский), окончивший Санкт-Петербургскую военно-медицинскую академию.

Помощь населению в тяжелых условиях войны осуществляли православные братства. Они оказывали поддержку детям-сиротам, престарелым людям и детям беженцев, которые остались без имущества и помощи близких людей. Так, в Минске Свято-Николаевское народное братство открыло приют для престарелых, позже принимало в свою обитель детей беженцев (для них открыли церковно-приходскую школу).

К 1914 г. Виленская епархия римско-католической церкви включала в себя территорию Виленской и Гродненской губерний и насчитывала 325 парафий, 459 священников, 1 418 962 прихожанина [2]. Если с самых первых дней войны во всех православных храмах проходили богослужения о победе над врагом, то в католических приходах духовенство проявляло сдержанность по поводу проведения молебнов о победе русского оружия, благотворительных мероприятий и сборов денежных средств для нужд армии. Учитывая, что достаточную часть католиков составляли поляки, не всегда разделявшие проводимую политику царских властей, римско-католическое духовенство заняло выжидательную позицию. Только 18 августа 1914 г. вышло предписание Управляющего Могилевской римско-католической архиепархией архиепископа Я. Цепляка, в котором он призывал всех римско-католических священников в воскресные и праздничные дни совершать молебны о здравии Его Императорского Величества государя императора и всего Царствующего дома и о даровании победы русской армии над врагами. После каждого праздничного богослужения предлагалось обращаться к прихожанам с просьбами оказывать помощь семьям ушедших на войну солдатам, жертвовать на устройство лазаретов для раненых воинов и т. д. [2].

Позже в некоторых костелах были организованы сборы денежных пожертвований для нужд фронта, а средства направлялись в канцелярию Могилевского митрополита. Совершались и богослужения по убиенным на полях боя солдатам и офицерам русской армии.

В связи с наступлением немецких войск в 1915 г. встал вопрос об эвакуации Виленской консистории и канцелярии епископа. Однако из-за финансовых разногласий это не удалось осуществить в полной мере. Из-за отсутствия средств не оказалось возможным эвакуировать из Вильна в Могилев весь архив римско-католической Духовной консистории. Только самые важные документы, некоторые служащие консистории под руководством временно исполняющего обязанности председателя консистории ксендза П. Крауялиса вывезли в Могилёв. Остальные члены Духовной консистории оставались в Вильне, им было предложено продолжить работу.

Немецкие оккупационные власти в целях обеспечения контроля деятельности католических священнослужителей обязали их составить «клировые ведомости», где содержались подробные описания имущества, клира, прихода, личные данные духовенства. Так была осуществлена регистрация католического клира немецкими оккупационными властями. На римско-католическое духовенство налагался ряд ограничений, что было связано с нейтрализацией польского влияния на оккупированной территории, особенно после того, как значительная часть белорусского православного населения в качестве беженцев направлялась на восток. Таким образом, католические священники не могли свободно передвигаться в границах своих епархий, а для любого перемещения был необходим пропуск, который предоставлялся после подробного описания цели поездки. Это затрудняло и служебные отношения с Вильном.

Были введены ограничения и на реализацию богослужений. Отменялись молитвы за здоровье царя и за его правление, также запрещалось употреблять книги для богослужения, в которых содержались данные молитвы. Богослужения (за исключением свадеб и похорон) разрешались только в нерабочее время. В будние дни костелы могли быть открыты для проведения богослужения только с 5 до 7 часов утра, после чего они должны

были быть закрыты. Торжественные праздники, выпадавшие на будни, переносились на воскресенье. Исповеди могли приниматься лишь в дни, объявленные немецкими указами выходными и праздничными [3]. Допустимыми праздниками объявлялись Пасха, Троица, Страстная пятница, Новый год, Рождество и воскресенье.

Немецкие оккупационные власти привлекали католических священников к выполнению несвойственных для них обязанностей — к строительным работам, регистрации лошадей, дойных коров и т. д. Известны случаи, когда католическое духовенство выполняло полицейско-следственную службу.

Сформировавшиеся в среде традиционного протестантизма, евангелические церкви стремились увеличивать область своего влияния в различных регионах на территории Восточной Европы, используя, в первую очередь, миссионерское, социальное, молодежное и другие виды служений. Наиболее активно религиозные объединения баптистов, адвентистов и пятидесятников возникали на территории Беларуси в годы Первой мировой войны в зоне немецкой оккупации, так как одним из источников евангелического влияния была миссионерская деятельность части кайзеровских офицеров и солдат.

Еще в конце XIX — начале XX вв. распространение евангелических религиозных групп вызывало у представителей власти Российской империи и местных органов управления настороженность и недоверие, так как баптисты, адвентисты и пятидесятники «вторгались» в ареал традиционных христианских вероучений — православного и католического. Тем не менее евангелические церкви находили adeptов на территории приграничных регионов, в частности белорусских, где наличие религиозных объединений баптистов, пятидесятников и адвентистов стало неотъемлемой частью региональной конфессиональной структуры.

Однако следует отметить, что на белорусских землях в рассматриваемый период действовали протестантские евангелические церкви, образованные задолго до распространения на них вероучений христиан веры евангельской, евангельских христиан-баптистов и адвентистов седьмого дня. В основном это были представители евангелическо-реформатской и еванге-

лическо-лютеранской церковью. Несмотря на общие тенденции, характерные для административно-иерархической структуры церквей, были и существенные различия.

Высшим органом реформаторской церкви являлся Виленский евангелическо-реформатский Синод, а основными делами церкви управляла Виленская евангелическо-реформатская коллегия. Церковь была объединена в пастораты (приходы), включенные в дистрикты (округи). Иерархия духовенства была представлена следующим образом: генерал-суперинтендант, суперинтендант, вице-суперинтендант, пастор, адъюнкт-пастор, дьякон, лектор. При этом характерной особенностью евангелическо-реформатской церкви на белорусских землях в рассматриваемый период была незначительная численность духовенства.

Еще одной протестантской церковью, распространенной на белорусских землях на рубеже XIX—XX вв. и активизировавшейся в период Первой мировой войны, была евангелическо-лютеранская. Особенности ее организационной структуры предполагали наличие прихода, в состав которого были включены приходская община и пастор. При этом приходские общины могли существовать как самостоятельные объединения верующих, так и зависевшие от патрона и землевладельца.

В 1880-х гг. баптистские группы начали основываться на белорусских землях, первоначально в Рогачевском повете Могилевской губернии. Уже в начале XX в. общины баптистов существовали в Дивинском, Лютинском, Дрисенском поветах. В Минской губернии баптисты обосновались в Речицком, Слуцком и Пинском поветах. Причин распространения баптизма в Беларуси несколько: 1) переселение белорусских крестьян-бедняков в Россию и на юг Украины и принятие там водного крещения; 2) миграция белорусов и знакомство за границей с новым религиозным учением в странах Западной Европы и США; 3) переселение верующих баптистов из центральных регионов Польши на юг Беларуси; 4) распространение вероучения в годы Первой мировой войны. При этом именно в период оккупации белорусских территорий немецкой армией образовались условия для наиболее активного распространения вероучения баптистов: определенная часть солдат и офицерского состава

кайзеровских войск также исповедовали баптизм и под их непосредственным патронажем основывались новые религиозные объединения последователей этой деноминации.

В Витебске в 1914 г. под руководством Г. Шенгарда была образована община евангельских христиан и баптистов. Проводимая им работа позволила популяризировать новое религиозное направление: был создан хор, регулярно проводились молитвенные собрания в частном доме организатора и т. п. В то же время в городе действовала религиозная организация «Синий крест», в которую входили православные, лютеране, католики [1, с. 193].

При этом нельзя констатировать точную статистику религиозных групп и общин неопротестантов на территории белорусских земель в годы Первой мировой войны, однако активизация их деятельности неоспорима. Религиозные объединения баптистов, пятидесятников и адвентистов, будучи деноминациями, только еще вызывавшими интерес со стороны определенных групп населения, были не так сильно контролируемы немецкими оккупационными властями, поскольку, во-первых, были малочисленными, во-вторых, являлись евангелическими церквями, в-третьих, находились в определенном противостоянии с традиционными конфессиями — православной и католической. Сторонники лютеранской церкви вовсе не находили препятствий для реализации религиозной деятельности.

Таким образом, события Первой мировой войны оказали непосредственное влияние на духовную религиозную жизнь белорусских земель — как оккупированных немецкими войсками, так и не занятых противником. Немецкие оккупационные власти проводили политику максимального ограничения деятельности традиционных конфессий, в первую очередь религиозной активности православной церкви и римско-католического костела, при этом не создавая видимых препятствий для распространения протестантских и неопротестантских деноминаций.

Список источников и литературы

1. *Канфесіі на Беларусі (канец XVIII—XX ст.)* / В. В. Грыгор'ева [і інш.] ; пад рэд. У. І. Навіцкага. Мінск, 1998.

2. *Павиок А.* Римско-католическая церковь в годы Первой мировой войны (на примере Виленской епархии). URL: <http://elib.grsu.by/doc/3790> (дата обращения: 21.08.2024).

3. *Пашков Н.* Православная и Римско-Католическая Церковь на территории Беларуси в 1914—1917 гг.: на пути к Февралю. URL: [http:// https://bogoslov.ru/article/5338800](http://https://bogoslov.ru/article/5338800) (дата обращения: 19.08.2024).

4. *Старостенко Э. В.* Деятельность православного военного духовенства на территории Минского военного округа в годы Первой мировой войны (на материалах Могилевской и Минской губерний). URL: <https://libr.msu.by/handle/123456789/18306> (дата обращения: 19.08.2024).

5. *Об укреплении* начал веротерпимости : указ царя от 17 апреля 1905 г. URL: <http://www.wiki.starover.net/index.php> (дата обращения: 11.08.2024).

Об авторе

Виктория Владимировна Сушко — кандидат исторических наук, первый заместитель председателя правления Брестской областной организационной структуры РГОО «Белорусское общество «Знание»; доцент кафедры истории Беларуси и политологии, Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.

E-mail: ex.roljanova.s@mail.ru

V. V. Sushko

A. S. Pushkin Brest State University

THE RELIGIOUS SITUATION IN BELARUS DURING WORLD WAR I

This article analyzes the religious situation that developed in the Belarussian lands during World War I. It examines the main forms of religious activity conducted by the Orthodox Church, the Roman Catholic Church, and Protestant denominations, as well as the types of ministries carried out during the war, both traditional church services and community-oriented efforts. Special attention is paid to the circumstances surrounding the evacuation of Orthodox Church property to the East due to the threat

of the German advance. The article also highlights aspects of the German occupation authorities' policies toward Belarusian religious confessions during World War I.

Keywords: *Orthodox Church, Roman Catholic Church, Protestant denominations, clergy, believers, religious activity, missionary and social ministry, World War I*

The author

Dr Viktoria V. Sushko, PhD in History, First Deputy Chairperson of the Board of the Brest Regional Organizational Structure of the Republican State-Public Association “Belarusian Society ‘Knowledge’”; Associate Professor of the Department of Belarusian History and Political Science, A. S. Pushkin Brest State University, Brest, Belarus.

E-mail: ex.roljanova.s@mail.ru

УДК 94 (47).084.8

Е. И. Юркевич

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

**ОРУЖИЕ РОМАНОВЫХ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В КОЛЛЕКЦИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ,
ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ**

Охарактеризованы образцы оружия, принадлежавшего в годы Первой мировой войны членам Российского императорского дома, в том числе императора Николая II, цесаревича Алексея Николаевича, великих князей Николая Николаевича Младшего, Михаил Александровича, Кирилла Владимировича. В настоящее время оружие находится в коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Кратко описано участие представителей Дома Романовых в Первой мировой войне.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Дом Романовых, великие князья, оружие*

Представители династии Романовых всегда играли выдающуюся роль в развитии русской армии, не раз проявляя себя и как полководцы, и как военные администраторы. Не стала исключением в этом плане и Первая мировая война.

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи хранит немало реликвий, связанных с представителями династии. Это мундиры и мундирные платья, награды, личные вещи, и, конечно, оружие. Сразу нужно отметить, что образцы оружия, о которых пойдет речь, изготовлены до Первой мировой войны, но в период войны, несомненно, использовались своими владельцами.

© Юркевич Е. И., 2024

Мы будем говорить исключительно о холодном оружии, ибо образцов стрелкового оружия периода Первой мировой, принадлежавшего членам императорской фамилии, исключая цесаревича Алексея, в коллекции музея нет.

Начнем с оружия, принадлежавшего императору Николаю II (1868—1918).

Двадцать третьего августа 1915 г. (здесь и далее даты приводятся по старому стилю) император Николай Александрович принял на себя Верховное командование Русской армией, сменив в этой должности великого князя Николая Николаевича (Младшего; 1856—1929) [10, с. 85].

«Общественность», ненавидевшая императора и активно «опекавшая» великого князя, билась в яростной истерике. А большинство армии восприняло этот шаг государя с воодушевлением и радостью.

«Нужно подчеркнуть, что Государь принял на себя эту тяжелую ответственную обязанность Главнокомандующего всей Русской армией не в момент, когда бы он мог украсить свою голову лавровым венком, а как раз в самое тяжелое время...

И... произошло в полном смысле этого слова чудо! Мы вдруг остановились и встали уже на зимние позиции. Стали поступать снаряды, винтовочные, пулеметные патроны в достаточном количестве, и наш фронт ожил...

Армия окрепла, остановилась на своем месте, окопалась, и начался 1916 год. Снарядов у нас было хоть отбавляй. Мы были готовы совершить окончательное наступление и сокрушить Германскую империю», — писал молодой артиллерийский офицер Э. Н. Гиацинтов [2, с. 55—56].

«На Россию надвинулась военная катастрофа, но катастрофу эту предотвратил ее Царь», — справедливо заметил А. А. Керсновский [5, с. 306].

Действительно, роль государя как Верховного Главнокомандующего в годы Первой мировой войны была чрезвычайно велика, но, к сожалению, еще не оценена по достоинству.

Итак, обратимся к его оружию.

Первый из имеющихся в коллекции клинков, принадлежавших государю, уникален. Это офицерская драгунская шашка обр. 1881/1909 гг. с сабельным клинком, принадлежавшим в

начале XIX в. Донскому Войсковому Атаману, генералу от кавалерии графу Матвею Ивановичу Платову (1753—1818) (инв. № 100Ф 117-723)¹.

Клинок сабли изготовлен в XVII в. лембергскими (львовскими) оружейниками. Имеет один дол и елмань. На правой стороне клинка золотом насечены изображения Богородицы, ангелов и двух подсвечников со свечами, а также надпись на греческом языке. Между изображениями и надписями вмонтированы полудрагоценные камни, некоторые из них утрачены. Левая сторона клинка гладкая. Рукоять клинка — от драгунской офицерской шашки. На верхней втулке в овальном картуше изображен вензель императора Александра II. Ножны деревянные, покрытые кожей, с латунным прибором. Общая длина клинка 950 мм, длина клинка 810 мм, ширина клинка 33 мм. Шашка поступила в музей из Александровского дворца-музея (г. Пушкин) в начале 1930-х гг. [8, с. 168—170; 9, с. 543, 546].

В музее имеется еще одна шашка обр. 1881/1909 гг., принадлежавшая государю (инв. № 100Ф 117-724). Клинок с одним долом, в верхней части украшен воронением, травлением и золочением. С обеих сторон клинка золотом насечены слова полковой песни лейб-гвардии Преображенского полка: с правой стороны: «Знають турки насъ и шведы и про насъ извѣстень свѣтъ на сраженья на побѣды», с левой стороны: «Насъ всегда самъ царь ведетъ Съ нами трудъ онъ раздѣляетъ передъ нами онъ въ бояхъ». Под надписью на правой стороне клинка золотом насечен узор, стилизованный под офицерское шитье лейб-гвардии Преображенского полка в виде «восьмерок» из дубовых листьев, на левой стороне — похожий узор, стилизованный под пальмовые листья. С правой стороны изображен золотом вензель императора Александра III, а с левой — вензель великого князя Николая Александровича. На золоченому фону буквы «Н» мелко выгравирована надпись: «Преобра. 1887 6А». На пята клинка с правой стороны нанесено клеймо:

¹ Здесь и далее в круглых скобках указываются инвентарные номера экспонатов в коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

«ЗЛАТОУСТЬ ОРУЖЕЙН. ФАБРИКА. П Л». На верхней втулке рукоятки в овальном картуше изображен вензель императора Александра III.

Ножны деревянные, покрытые кожей, с латунным прибором. Общая длина клинка 918 мм, длина клинка 785 мм, ширина клинка 30 мм. Шашка поступила в музей из Александровского дворца-музея (г. Пушкин) в начале 1930-х гг.

Шестое августа — праздник Преображения Господня и полковой праздник лейб-гвардии Преображенского полка, где в 1887 г. наследник цесаревич Николай Александрович проходил лагерный сбор. По этому случаю шашка со специально украшенным клинком была подарена цесаревичу однополчанами. После 1909 г. клинок был смонтирован с новым эфесом [8, с. 166—167].

К числу оружия, которое, без сомнения, носил император в годы Первой мировой, можно также отнести следующие:

1. Сабля морская офицерская обр. 1855 г. (инв. № 100Ф 111-10).

Клинок украшен изображениями трофеев, корабля, якоря, русского двуглавого орла. На клинке клейма: «W. CLAUBERG SOLINGEN» и «П. А. Фокинъ С. П. Б.». Ножны деревянные, покрытые кожей, с латунным прибором. Общая длина 877 мм, длина клинка 734 мм, ширина клинка 29 мм. Сабля поступила в музей из Александровского дворца-музея (г. Пушкин) в начале 1930-х гг. [Там же, с. 160, 161].

2. Офицерский клыч Уральской сотни лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка (инв. № 100Ф 114-648).

Клинок из дамасской стали, с тремя узкими долами. На пяте клинка с правой стороны клеймо: «ШАФЪ И СЫНОВЬЯ С. ПЕТЕРБУРГЪ». Рукоять костяная с латунными розетками. Латунная головка и крестовина соединены цепочкой с шариком. На перекрестье с правой стороны рельефный вензель Николая II. Ножны прорезные, в верхней части с внутренней стороны выбито клеймо фирмы «Шаф и сыновья» и номер «11». Общая длина 956 мм, длина клинка 821 мм, ширина клинка 34 мм. Клыч поступил в музей из Александровского дворца-музея (г. Пушкин) в начале 1930-х гг. [Там же, с. 160, 163—164].

3. Клыч офицерский лейб-гвардии Казачьего полка (инв. № 100Ф 114-659).

Клинок, вероятно, восточной работы, без долов, изготовлен из дамасской стали. В верхней части на правой стороне клинка золотом насечена гурда (клеймо в виде челюстей на кавказском холодном оружии). На пяте с правой стороны выбито глубокое клеймо. На головке рукояти изображен рельефный вензель императора Александра II. На перекрестье с левой стороны в розетке выгравирована аббревиатура «ЛГЕВКП» (Лейб-Гвардии Его Величества Казачий полк). Прибор ножен прорезной. Общая длина 820 мм, длина клинка 680 мм, ширина клинка 30 мм. Клыч поступил в музей из Александровского дворца-музея (г. Пушкин) в начале 1930-х гг. [Там же, с. 164—165].

В музее хранится еще целый ряд образцов оружия, принадлежавшего Николаю II, но это в основном строевые иностранные клинки, которые носились императором при форме иностранных полков, шефом которых он являлся [Там же, с. 170—212]. Поэтому в настоящей статье они не рассматриваются.

Теперь обратимся к оружию, владельцем которого был брат государя, великий князь Михаил Александрович (1878—1918).

Двадцать третьего августа 1914 г. Михаил Александрович производится в Свиты Его Величества генерал-майоры с назначением командиром Кавказской Туземной, или, в просторечии, Дикой дивизии. Она во многом была необычным формированием — состояла не из четырех, а из шести полков: Кабардинского, 2-го Дагестанского, Чеченского, Татарского, Черкесского и Ингушского. Нижние чины дивизии — исключительно добровольцы, представители народов Кавказа. Рядовых именовали «всадниками». Ко всем, включая великого князя, горцы обращались на «ты». Большинство чинов дивизии являлись сыновьями или внуками тех, кто в рядах войск имама Шамиля сражался когда-то с русскими. Теперь, в начале XX в., они добровольно пошли защищать Россию. На место погибших в строй часто становились братья. Всадники, и унтера часто отказывались от Георгиевских крестов для неправославных — с изображением двуглавого орла, а требовали кресты «с джигитом» — с Георгием Победоносцем. А воевали горцы отменно — практически

каждый второй всадник, унтер или офицер дивизии становился Георгиевским кавалером. За все время войны в дивизии не было ни одного перебежчика или дезертира.

Слава о боевых делах Туземной дивизии гремела не только по Юго-Западному и Румынскому фронтам, но и по всей Русской армии. С декабря 1914 по июль 1917 г. дивизия практически непрерывно сражалась с врагом — в Карпатах, на Днестре и Пруте. Бои у деревень Тарки, Царицынка, Рыбне, Цу-Бабино, Лутовиска, Журовина, Верховина-Быстра, Лутач, Вороново, Новица, у городов Калуш, Тернополь, Трёмбовля заслуженно прославили дивизию [11, с. 5—394; 3, с. 10—16; 6, с. 180—208].

Четвертого февраля 1916 г. Михаил, заслуживший во главе своей лихой дивизии орден Святого Георгия 4-й степени и Георгиевское оружие, был назначен командующим (чин генерал-майора не соответствовал должности командира корпуса, поскольку им мог командовать генерал-лейтенант или полный генерал, так что Михаил Александрович до его производства в генерал-лейтенанты именовался не командиром корпуса, а командующим) 2-м кавалерийским корпусом, 2 июля 1916 г. — произведен в генерал-лейтенанты, 1 сентября пожалован генерал-адъютантом, а 19 января 1917 г. назначен генерал-инспектором кавалерии. Тридцать первого марта 1917 г., после робкой попытки наследовать трон брата (3 марта) уволен по собственному прошению «с мундиром».

Затем Михаил Александрович проживал в Гатчине как частное лицо. Неоднократно арестовывался Временным правительством. После Октябрьского переворота был арестован большевиками, в марте 1918 г. выслан в Пермь, где бессудно убит 13 июня... Первого ноября 1981 г. канонизирован Русской православной церковью за границей [6, с. 217—221; 7, с. 254—255; 8, с. 214—215].

В музее хранятся две шашки Михаила Александровича: драгунская офицерская обр. 1881 г. (инв. № 1ИОФ 117-191 ОЦФ) и драгунская офицерская обр. 1881/1909 гг. (инв. № 1ООФ 117-731).

Клинок первой шашки изготовлен из булатной стали, с одним широким и одним узким долом. В верхней части с обеих сторон клинок украшен травлением и золочением. На одной

стороне клинка помещен вензель Михаила Александровича, на другой — государственный герб, дата «1883» и клеймо Златоустовской оружейной фабрики. Эфес латунный золоченый, изготовлен в петербургской мастерской П. Фокина. Ножны деревянные, покрытые черной кожей, с латунным вызолоченным прибором. Общая длина 920 мм, длина клинка 770 мм, ширина клинка 32 мм. Шашка поступила в музей в 1920-х гг.

Самая интересная ее особенность в том, что под устьем ножен укреплен призовой знак «За бой на двух оружиях» обр. 1897 г. Правда, вопрос, в каких соревнованиях участвовал великий князь, остается открытым [8, с. 216].

Вторая шашка не менее интересна. Она была подарена Михаилу Александровичу в ноябре 1904 г. офицерами лейб-гвардии Преображенского полка. Шашка изготовлена петербургской фирмой «Шаф и сыновья». Клинок выполнен из дамасской стали. С левой стороны вдоль по клинку золотом насечены 26 факсимиле подписей офицеров Преображенского полка — сослуживцев Михаила Александровича. С левой стороны насечены 28 факсимиле подписей. В верхней части клинка с правой стороны золотом насечен двойной вензель Петра Великого — создателя полка. На пяте с правой стороны насечены золотом даты: «1902 1903 1904». На обухе клинка золотом насечено клеймо «ШАФ И СЫНОВЬЯ». Рукоять эбонитовая, темно-коричневая. На верхней втулке рукояти — вензель императора Александра III. Слева на верхней втулке сборочное клеймо фабрики Шафов. Клеймо фабрики выбито и на крестовине. Ножны деревянные, покрытые черной кожей, с латунным прибором. Общая длина 950 мм, длина клинка 815 мм, ширина клинка 31 мм. Шашка поступила в музей в 1920-е гг. [Там же, с. 216, 218—220].

Следующий клинок, о котором пойдет речь, принадлежал генералу от кавалерии, генерал-адъютанту, великому князю Николаю Николаевичу (Младшему; 1856—1929).

Прекрасный кавалерист, Николай Николаевич немало сделал для русской конницы, будучи в 1895—1905 гг. генерал-инспектором кавалерии. В 1905—1914 гг. великий князь командовал войсками Гвардии и Петербургского военного округа. Самое же главное, что с 20 июля по 23 августа 1914 г. он был Верховным Главнокомандующим русской армии. С 23 августа 1915 г. —

Наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией. После Февральской революции находился в ссылке в своем имении Дюльбер в Крыму. В 1919 г. эмигрировал. Жил в Италии, затем во Франции; в 1924 г. принял от барона Врангеля руководство всеми русскими военными организациями в эмиграции. Активно боролся за русский Престол в изгнании. Похоронен в Каннах [7, с. 322—323; 10, с. 26—30].

Высокий рост, громоподобный бас, представительная внешность и любовь к пышным фразам сделали Николая Николаевича популярным в народе и армии. Но в качестве Верховного Главнокомандующего надежд Николай Николаевич не оправдал. Вспыльчивый, импульсивный и истеричный, он не мог спокойно и вдумчиво руководить войсками, порой упускал важное ради сиюминутной выгоды. Кстати, Николай II весьма невысоко ценил военные способности своего дяди и не хотел назначать его Главкомом. Но на государя было оказано беспрецедентное давление: «общественность» требовала назначения Великого Князя. И государь согласился... [10, с. 27—36].

«В результате из-за неприятия Царем верховного командования возникла раздвоенность власти, которая при амбициях Великого Князя впоследствии привела к военно-политическому кризису», — отмечал П. В. Мультатули [Там же, с. 36].

Особенно ярко некомпетентность Николая Николаевича проявилась весной и летом 1915 г. В обстановке Великого отступления — огромных потерь и массовых сдач в плен — великого князя Николая Николаевича охватила паника. Он предлагал государю сооружать оборонительные рубежи за Курском и Тулой и даже... эвакуировать Петроград. В те дни по его распоряжению — Главком решил применить тактику «выжженной земли» — из Польши было выселено и отправлено в глубь России 4 млн человек. Все, что не могло быть увезено, уничтожалось. Сотни тысяч людей — детей, стариков, больных — погибли в пути. Эта абсолютно бессмысленная мера, помимо горя миллионов людей, дезорганизовала работу русских железных дорог, внесла еще большую сумятицу в отступающие части [5, с. 305; 12, с. 112].

«Объективные исторические факты безоговорочно свидетельствуют, что именно после устранения Великого Князя

от верховного командования ситуация была стабилизирована, а в 1916 г. стала меняться к лучшему», — справедливо пишет П. В. Мультигули [10, с. 25]. Таким образом, Николай Николаевич не справился со сложнейшей должностью, возложенной на него государем...

Но скажем о клинке горе-Главковерха.

Это драгунская офицерская шашка обр. 1881 г. (инв. № 100Ф 117-786). Клинок с тремя долами. На правой стороне клинка в широком коротком доле золотом насечена надпись: «Николай младший 1884—1890 г.». На крестовине снизу выбито клеймо: «П. ФОКИНЪ С. П. Б.». Ножны деревянные, покрытые кожей, с латунным прибором. Общая длина 930 мм, длина клинка 795 мм, ширина клинка 35 мм. Надпись на клинке позволяет сделать вывод, что шашка была преподнесена Николаю Николаевичу в ноябре 1890 г. офицерами лейб-гвардии Гусарского полка, которым он командовал в 1884—1900 гг. Шашка была заинвентаризирована в 1951 г. [8, с. 150].

Поговорим теперь о клинке, принадлежавшем брату Николая Николаевича, великому князю Петру Николаевичу (1864—1931).

Петр Николаевич в 1884—1898 гг. служил в лейб-гвардии Уланском полку. Затем оставил строевую службу из-за болезни легких, лечился за границей. В 1903 г. произведен в Свиты Его Величества генерал-майоры. В 1904—1909 гг. — генерал-инспектор по инженерной части, затем почетный член Инженерного комитета при Главном военно-техническом управлении. В апреле 1908 г. произведен в генерал-лейтенанты и пожалован в генерал-адъютанты. В годы Первой мировой войны состоял при брате — Николае Николаевиче (Младшем). После Февральской революции жил в своем имении в Крыму, в 1919 г. эмигрировал. Похоронен в Каннах [7, с. 364—365; 8, с. 152].

Ему тоже принадлежала драгунская офицерская шашка обр. 1881 г. (инв. № 100Ф 117-747). Ее особенностью были изображения на клинке. С левой стороны в верхней части — изображение эмблемы Гренадерского саперного батальона (два скрещенных топора и горящая гренада) под императорской короной и римского числа LXXV (75). С правой стороны на клинке изобразен мальтийский крест под императорской короной, на сере-

дину которого наложен вензель императора Николая I. На пяте клинка с левой стороны выбито клеймо: «E. & F. HÖRSTER SOLINGEN», с правой стороны в виньетке на вороненом фоне нанесена надпись: “Eisenhauer”. Рукоять деревянная. Гарда латунная. Ножен нет. Общая длина 950 мм, длина клинка 810 мм, ширина клинка 30 мм. Шашка поступила в музей в 1930-х гг. с имуществом Военного историко-бытового музея [8, с. 152—154].

Теперь пришла очередь вспомнить еще одного генерал-инспектора, на сей раз артиллерии — великого князя Сергея (Сергия) Михайловича (1869—1918).

Вся его жизнь была связана с артиллерией. В 1889 г. он окончил Михайловское артиллерийское училище, затем служил в Гвардейской Конно-Артиллерийской бригаде, пройдя ступени от подпоручика до генерал-майора, 10 июня 1904 г. назначен ее командиром. Седьмого сентября 1904 г. назначен инспектором всей артиллерии, 2 июня 1905 г. — генерал-инспектором артиллерии. В 1908 г. произведен в генерал-лейтенанты и пожалован в генерал-адъютанты. В 1914 г. произведен в генералы от артиллерии.

Сергий Михайлович был одним из лучших артиллеристов своего времени, немало сделавшим для развития рода войск, в том числе и в годы Первой мировой войны. В апреле 1917 г. вышел в отставку. Весной 1918 г. вместе с великой княгиней Елизаветой Федоровной, великими князьями Иоанном, Константином и Игорем Константиновичами и князем В. П. Палем был сослан в Вятку, а затем в Екатеринбург. Восемнадцатого июля 1918 г. убит под Алапаевском вместе с вышеупомянутыми членами династии. Первого ноября 1981 г. канонизирован Русской православной церковью за границей [8, с. 142—143; 7, с. 374—375; 6, с. 294—307; 1, с. 128—147].

Сергию Михайловичу принадлежал, в частности, артиллерийский кинжал экспериментального образца, разработанный в 1908—1910 гг. штабс-капитаном Андреем Константиновичем Ивановым (1873—?) (инв. № 100Ф 119-56). Кинжал напоминает как уставные казачьи кинжалы обр. 1904 г., так и произвольные кавказские кинжалы, активно использовавшиеся в казачьих войсках. Клинок стальной, прямой, двулезвийный, с четырьмя

долами. На правой стороне в верхней части в орнаменте — аббревиатура «7-я К. Г. Б.» (7-я конно-горная батарея), выбито: «№ 5». На левой стороне в орнаменте надпись: «ОРУЖ. ФАБРИКА ГУЗУНОВА». Эфес состоит из рукояти и прямой латунной крестовины с каплевидными концами, рукоять — из двух роговых щечек, скрепленных с хвостовиком клинка тремя латунными заклепками. Ножны деревянные, покрытые черной кожей, с латунным прибором. На устье с внешней стороны выгравирована надпись: «Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергѣю Михайловичу изобрѣтатель Штабсь-Капитанъ Ивановъ». Общая длина 490 мм, длина клинка 360 мм, ширина клинка 36 мм. Кинжал поступил в музей в 1925 г. из отделения военного имущества Ленинградского хранилища Государственного музейного фонда [8, с. 143—144, 146].

Кроме того, в коллекции музея хранятся офицерский палаш обр. 1826 г. (инв. № 100Ф 109-178) и сабельные ножны (инв. № 100Ф 114-449). Оба образца объединяет наличие на них гравированного вензеля великого князя Сергея Михайловича «СМ» под короной. Палаш с немецким клинком XVII в., изгок товлен фирмой «Шаф и сыновья». Общая длина 1010 мм, длина клинка 856 мм, ширина клинка 37 мм. Ножны стальные, с двумя гайками с кольцами и с башмаком. Вензель великого князя выгравирован на верхней части с внутренней стороны. Палаш поступил в музей в 1920-х гг. На сабельных ножнах вензель также отгравирован в верхней части с внутренней стороны. Ножны поступили в музей в 1920-х гг. [8, с. 146].

Теперь поговорим об оружии, принадлежавшем великому князю Кириллу Владимировичу (1876—1938).

В отличие от всех вышеупомянутых членов династии, жизнь Кирилла Владимировича была связана с морем. В 1896 г. он был выпущен мичманом из Морского корпуса и зачислен в Гвардейский экипаж. Затем служил на различных кораблях. Участвовал в Русско-японской войне в качестве начальника военно-морского отдела штаба 1-й Тихоокеанской эскадры адмирала С. О. Макарова. Тридцать первого марта 1904 г. находился с адмиралом С. О. Макаровым на линкоре «Петропавловск», подорвавшемся на mine. Едва не погиб, получил ранения и ожоги, долго лечился в госпитале. В тот же день за этот бой был удостоен Золото-

го оружия с надписью «За храбрость». Восемнадцатого апреля 1910 г. произведен в капитаны 1-го ранга, 23 февраля 1915 г. — в Свиты Его Величества контр-адмиралы с назначением командиром Гвардейского экипажа. С 10 ноября 1914 г. — начальник морских батальонов, с 9 сентября 1915 г. — начальник морских батальонов и речных флотилий действующей армии.

Лично руководил минированием рек и озер на театре военных действий, в районе Пинска и на Чудском озере. В 1917 г. был направлен в Мурманск для инспектирования новопостроенной Мурманской железной дороги и лагерей для военнопленных. В феврале 1917 г. вместе с несколькими великими князьями искал пути сохранения монархии. В конце февраля привел к зданию Государственной Думы Гвардейский экипаж, но, вопреки многочисленным утверждениям, без красных бантов и не с целью поддержки Временного правительства, а лишь для того, чтобы получить от него приказ о наведении порядка в Петрограде, чего, увы, не последовало...

Как аргументированно доказал А. Н. Закатов, ложь о прибытии к Думе Кирилла Владимировича с красным бантом была запущена в 1924 г. П. Н. Милюковым по заданию великого князя Николая Николаевича, стремившегося вместо Кирилла Владимировича стать императором в изгнании [4, с. 7, 47—70].

Восьмого марта 1917 г. подал в отставку и уехал с семьей в Финляндию, позднее переехал в Германию, а затем во Францию. В 1922 г. объявил себя Местоблюстителем Всероссийского Престола, а манифестом от 31 августа (13 сентября) 1924 г. принял титул императора Всероссийского Кирилла I [4, с. 4—119; 6, с. 256—264; 7, с. 180—181; 8, с. 226].

Кириллу Владимировичу принадлежали две кавалерийские офицерские сабли, одна обр. 1827 г. (инв. № 100Ф 114-728), другая обр. 1827/1909 г. (инв. № 100Ф 114-651). Наличие кавалерийских сабель у морского офицера на первый взгляд удивительно, но ничего сверхъестественного в этом нет. Дело в том, что великий князь с рождения числился в списках лейб-гвардии Драгунского полка, шефами которого, кстати, были сначала отец Кирилла, великий князь Владимир Александрович (1847—1909), а после его смерти, в 1909—1917 гг., — его супруга и мать Кирилла, великая княгиня Мария Павловна [13,

с. 236]. Так что саблю Кирилл Владимирович носил с формой лейб-драгун. А мог носить и при форме лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка, в котором числился с мая 1884 г. [8, с. 226].

Клинок первой сабли с двумя узкими долами, украшен травлением и золочением. С правой стороны клинка в картуше нанесена надпись: «FABRICA DE TOLEDO», с левой стороны: «ANO DE 1872». С левой стороны на пяте клинка изображен вензель великого князя в виде букв «КВ» под короной. На крестовине эфеса сверху выбито клеймо фирмы «Шаф и сыновья». Общая длина 890 мм, длина клинка 755 мм, ширина клинка 21 мм. Сабля поступила в музей в конце 1920 — начале 1930-х гг. с одной из дворцовых коллекций [Там же, с. 228].

Вторая сабля — Георгиевское оружие. Клинок украшен травлением в виде орнамента, трофеев и двуглавого орла. На пяте клинка с левой стороны выбито клеймо «A C SOLINGEN» и изображение весов, с правой стороны нанесено клеймо: «M. J. Skossireff». В верхней части рукояти в овальном картуше изображен вензель императора Александра II. Рукоять латунная. На боковых дужках вырезана надпись: «За храбрость». Сверху в головку рукояти врезана миниатюрная копия ордена Святого Георгия. Ножны стальные, с орнаментированным латунным прибором. В верхней части ножен на внутренней стороне выгравирован вензель Кирилла Владимировича под короной и якорь. Общая длина 975 мм, длина клинка 830 мм, ширина клинка 31 мм. Сабля поступила в музей в конце 1920-х — начале 1930-х гг. из одной из дворцовых коллекций [Там же].

Одним из самых молодых представителей императорской фамилии, участвовавших в Первой мировой войне, был великий князь Дмитрий Павлович (1891—1942), сын великого князя Павла Александровича (1860—1919) и великой княгини Александры Георгиевны (1870—1891), внук императора Александра II.

Дмитрий Павлович в 1909—1911 гг. учился в Офицерской кавалерийской школе. В апреле 1911 г. произведен в корнеты лейб-гвардии Конного полка, с которым ушел на Первую мировую войну и в рядах которого за отличие в знаменитом бою у Каушена 6 августа 1914 г. был награжден орденом Святого

Георгия 4-й степени. Впоследствии служил в Ставке, в августе 1915 г. был назначен адъютантом императора. В 1916 г. произведен в штабс-ротмистры. В декабре того же года участвовал в убийстве друга царской семьи Григория Ефимовича Распутина (1869—1916), за что был сослан в Персию в русский экспедиционный корпус под командованием генерал-лейтенанта Николая Николаевича Баратова (1865—1932), в штабе которого и служил.

После революции служил в британском экспедиционном корпусе в Месопотамии. После выхода в отставку поселился сначала в Лондоне, потом переехал в Париж. С декабря 1931 г. состоял почетным председателем Союза русских военных инвалидов. В 1939 г. переехал в Швейцарию, жил в Давосе, где и скончался [6, с. 8—45; 7, с. 156; 8, с. 222].

В музее хранится кирасирский офицерский палаш обр. 1826/1910 гг., принадлежавший Дмитрию Павловичу (инв. № 100Ф 109-254). Охотничий карабин Дмитрия Павловича, также хранящийся в музее, мы не рассматриваем, как не относящийся к теме.

Клинок этого палаша с эфесом обр. 1826 г. был подарен Дмитрию Павловичу офицерами лейб-гвардии Конного полка, вероятно, по случаю 16-летия. В 1910 г. на эфесы кирасирских офицерских палашей было повелено помещать вензель императора, в царствование которого владелец получил первый офицерский чин. И клинок был смонтирован с новым эфесом. Интересно, что на втулке помещен вензель императора Александра III, хотя Дмитрий Павлович был произведен в офицеры только в 1911 г.

Клинок палаша однолезвийный, без долов. Вдоль по клинку золотом насечены надписи, с правой стороны: «Августъйшему однополчанину ЕИВ Великому Князю Дмитрію Павловичу», с левой стороны: «Отъ офицеровъ Конной Гвардіи 1907». На верхней втулке рукояти в овальном картуше изображен вензель Императора Александра III. Ножны стальные, с двумя гайками с кольцами и башмаком. Общая длина 996 мм, длина клинка 851 мм, ширина клинка 31 мм. Палаш поступил в музей в конце 1920 — начале 1930-х гг. [8, с. 224].

В заключение скажем кратко о коллекции оружия наследника цесаревича Алексея Николаевича (1904—1918), хранящейся в музее.

Цесаревич был слишком юн, чтобы участвовать в войне, но делал для победы все, что было в его силах, — прежде всего помогал матери и сестрам в госпиталях. А в октябре 1915 г. поехал с отцом на фронт. Но цесаревич оказался связан с русской армией совершенно удивительным образом! В телеграмме, отправленной Николаем II в день крещения цесаревича, 11 августа 1904 г., командующему Маньчжурской армией, государь написал, что в момент крещения они с Императрицей «...в душевном помышлении о наших доблестных войсках и моряках на Дальнем Востоке, в сердце молитвенно призывали их быть восприимчиками новокрещаемого Цесаревича...» [цит. по: 8, с. 239]. Таким образом, все полки Маньчжурской армии стали «крестными» Алексея Николаевича! Неслучайно поэтому на подаренной офицерами 17-го гусарского Черниговского полка (в годы Русско-японской войны — 51-го драгунского), сражавшегося с японцами в рядах Маньчжурской армии, размещена надпись: «Августѣйшему крестнику». Цесаревич был шефом нескольких полков, а в десятках полков числился в списках. Поэтому связь его с армией была глубокой и искренней. В 2000 г. цесаревич Алексей был канонизирован Русской Православной Церковью [7, с. 117—118; 8, с. 236—237, 239].

Что касается коллекции оружия Алексея Николаевича, то она довольно большая, но представленное в ней оружие, естественно, в основном детское, то есть уменьшенного размера. Поэтому мы здесь дадим только список этих предметов, за редким исключением не останавливаясь на их описании.

1. Сабля детская кавалерийская офицерская обр. 1827/1909 гг. (инв. № 100Ф 114-517).

2. Сабля детская кавалерийская офицерская обр. 1827 г. (инв. № 2ИФ 12-5994).

3. Сабля кавалерийская офицерская обр. 1827/1909 гг. (инв. № 100Ф 114-650). Подарок от офицеров Черниговского гусарского полка.

4. Сабля детская кавказской работы начала XX в. (инв. № 1ИОФ 116-484 ОЦФ).

5. Шашка детская казачья офицерская обр. 1881/1910 гг. (инв. № 100Ф 117-631).

6. Шашка детская казачья офицерская обр. 1881/1910 гг. (инв. № 100Ф 117-632).

7. Шашка детская казачья офицерская обр. 1881 г. (инв. № 100Ф 117-722).

8. Клинок сабельный XVII в. (инв. № 100Ф 117-725).

Клинок чрезвычайно интересный, напоминающий клинок сабли М. И. Платова из гардероба Николая II, о которой писалось выше. Этот клинок принадлежал Петру Великому, а в 1799 г. император Павел подарил этот клинок отправляющемуся в Швейцарский поход великому князю Константину Павловичу (1779—1831). Затем клинок хранился в семье внебрачного сына цесаревича, генерал-лейтенанта Павла Константиновича Александрова (1808—1857), внук которого, князь Павел Дмитриевич Львов (1864—1919?), в 1913 г. преподнес этот клинок цесаревичу Алексею Николаевичу [8, с. 242, 245—246].

9. Шашка детская драгунская офицерская обр. 1881/1909 гг. (инв. № 100Ф 117-753).

10. Шашка детская казачья офицерская начала XX в. (инв. № 110Ф 117-871ОЦФ).

11. Шашка детская казачья офицерская кавказского типа начала XX в. (инв. № 110Ф 117-872 ОЦФ).

12. Кинжал казачий офицерский кавказского типа начала XX в. (инв. № 110Ф 121-783 ОЦФ).

13. Шашка детская казачья кавказского типа начала XX в. (инв. № 100Ф 117-890).

14. Кинжал-бебут восточной работы XIX в. (инв. № 110Ф 121-798 ОЦФ).

15. Пика детская казачья обр. 1901 г. (инв. № 100Ф 124-703).

16. Винтовка детская магазинная пехотная системы С. И. Мосина, изготовленная в масштабе $\frac{2}{3}$ (инв. № 100Ф 147-69). Винтовка изготовлена в 1909 г. на Тульском оружейном заводе в 1909 г., о чем свидетельствует надпись на патроннике. Винтовка была произведена одновременно со специально предназначенным для нее патроном. При винтовке также имеется четырехгранный игольчатый штык. Общая длина винтовки без штыка 873 мм, общая длина со штыком 1193 мм, калибр 5 мм.

Винтовка поступила в музей в марте 1938 г. от родственников бывшего начальника Артиллерийской академии им. Дзержинского (1932—1937) и председателя Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления (1937—1938) комдива Дмитрия Дмитриевича Тризны (?—1938) [Там же, с. 256—257].

Таким образом, коллекция детского оружия цесаревича Алексея Николаевича представляет собой подбор самых разных образцов вооружения, прежде всего холодного [Там же, с. 237—257].

В заключение можно отметить, что в годы Первой мировой войны все представители Дома Романовых достойно (за редкими исключениями) служили родине на своих постах в армии. И образцы принадлежащего им личного оружия принадлежат к числу самых интересных мемориальных экспонатов в коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Список источников и литературы

1. *Во главе* отечественной артиллерии: XIV—XXI века. СПб., 2020.
2. *Гиацинтов Э. Н.* Записки белого офицера. СПб., 1992.
3. *Гольдин А. П.* Кавказская Туземная конная дивизия в Великой (Первой мировой) войне // *Доброволец*. 2004. № 2. С. 10—16.
4. *Закатов А. Н.* Император Кирилл I в февральские дни 1917 года. М., 1998.
5. *Керсновский А. А.* История Русской Армии. М., 1994. Т. 3 : 1881—1915 гг.
6. *Ковалев И. А.* Романовы на фронтах Первой мировой. М., 2016.
7. *Кузьмин Ю. А.* Российская Императорская Фамилия: 1797—1917 : биобиблиогр. справочник. СПб., 2011.
8. *Кулинский А. Н.* Оружейные реликвии Дома Романовых из коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2012.
9. *Кулинский А. Н.* Русские именные клинки. СПб., 2011.
10. *Мультипули П. В.* «Господь да благословит решение мое...»: Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. М., 2007.

11. *Опрышко О. Л.* Кавказская конная дивизия: 1914—1917: Возвращение из забвения. Нальчик, 2007.
12. *Оськин М. В.* Первая мировая война. М., 2010.
13. *Российская гвардия. 1700—1918* : справочник. М., 2005.

Об авторе

Евгений Иванович Юркевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: jurkevich@bk.ru

E. I. Yurkevich

Military-Historical Museum of Artillery, Engineer, and Communications Corps

THE WEAPONS OF THE ROMANOVS DURING WORLD WAR I IN THE COLLECTION OF THE MILITARY-HISTORICAL MUSEUM OF ARTILLERY, ENGINEER, AND COMMUNICATIONS CORPS

This article characterizes the weapons used by members of the Russian Imperial House during World War I, including those of Emperor Nicholas II, Tsarevich Alexei Nikolaevich, and Grand Dukes Nicholas Nikolaevich (the Younger), Michael Alexandrovich, and Kirill Vladimirovich. These weapons are now part of the collection of the Military-Historical Museum of Artillery, Engineer, and Communications Corps. The article briefly describes the involvement of Romanov family members in World War I.

Keywords: *World War I, Romanov House, Grand Dukes, weapons*

The author

Dr Evgeny I. Yurkevich, PhD in History, Senior Researcher, Military-Historical Museum of Artillery, Engineer, and Communicatiions Corps, St. Petersburg, Russia.

E-mail: jurkevich@bk.ru

УДК 908

Е. А. Маслов

*Служба государственной охраны объектов культурного наследия
Калининградской области*

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ НАСЛЕДИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Представлен обзор основных вех работы по государственному учету и сохранению военно-мемориальных объектов, связанных с Первой мировой войной, на территории Калининградской области. Перечислены нормативные документы, регламентировавшие эту работу на протяжении российского периода истории области, упомянуты характерные примеры обстоятельств, связанных с учетом военно-мемориальных объектов Первой мировой войны. Охарактеризовано актуальное состояние вопроса.

Ключевые слова: *Калининградская область, Первая мировая война, объекты культурного наследия, военно-мемориальные объекты, органы охраны памятников*

Территория Калининградской области (КО) — поле ратной славы России. Материальным свидетельством ее военно-мемориального наследия являются сотни одиночных и братских захоронений, памятников и памятных знаков. Только объектами культурного наследия к настоящему времени признано 255 из них. В том числе 3 относятся к Семилетней войне, 10 — к антинаполеоновским кампаниям, 36 — к Первой мировой войне (ПМВ), 194 — к Великой Отечественной войне. Кроме того, славе русского оружия в целом посвящено 12 военно-мемори-

© Маслов Е. А., 2024

альных объектов (ВМО) области. Не будет преувеличением сказать, что по своей хронологическо-событийной совокупности военно-мемориальное наследие самого западного российского региона не имеет аналогов в стране.

Работа по государственной охране наследия ПМВ в КО была тесно связана с основными этапами ее послевоенного развития. С 1947 по середину 1950-х гг. происходило становление области: были сформированы конституционные органы власти и управления, восстановлено хозяйство и коммуникации, проведены переселенческие кампании. Новую советскую область заселяли главным образом выходцы из разоренных в ходе войны малых городов и деревень запада, а также центральной полосы Советского Союза. В процессе культурного освоения переселенцами бывшей Восточной Пруссии острой проблемой стал конфликт «своего» и «чужого». Духовные традиции, идеологические установки, эстетические ориентиры, организация быта переселенцев мало соответствовали местному наследию. Утверждение «своего» сопровождалось разрушительной практикой — уничтожением «чуждого» [1].

Наряду с этим в историко-культурном наследии области выявлялись и создавались «точки опоры» в виде памятников местной истории, пригодных для патриотического воспитания. Практически все они представляли собой ВМО. Так, в первом решении Калининградского облисполкома о постановке на учет памятников (от 24.02.1950 г. № 196) 10 из 12 взятых под охрану объектов — это были недавно возведенные мемориалы Великой Отечественной войны и еще один — памятник, посвященный герою антинаполеоновских кампаний М. Б. Барклаю де Толли (установлен в 1821 г. на средства прусского короля Фридриха Вильгельма III).

Вопреки распространенным стереотипам, можно утверждать, что никакого официального или негласного запрета на выявление объектов, связанных с ПМВ в КО послевоенного времени, не устанавливалось. О них попросту очень мало знали. Удивляться этому не стоит. В области отсутствовали соответствующие архивные документы, практически не было специальной литературы. Визуально мемориальные сооружения, посвященные воинам Российской императорской армии,

не особо отличались от памятников немецким воинам, при этом они практически не соответствовали традициям отечественной мемориальной пластики — ни голгофы с крестом, ни эпитафий на русском языке [2].

Встречались, правда, единичные исключения. Характерный пример — мемориальная плита на захоронении 80 русских воинов, погибших в августе 1914 г., в пос. Майское Гусевского района. На самой плите размещена типовая информация о неизвестных русских воинах, добавлено изображение православного креста с диагональной перекладиной не в каноническую сторону (снизу вверх). При этом в нижнем левом углу плиты укреплен небольшой валун, на котором по сторонам креста уже с канонической диагональной перекладиной цифры 19 и 18, ниже кириллицей — надпись «10 августа», «рускија солдаты». Сразу понятно — немцы писали, поскольку русская «я» написана кириллицей по немецкой традиции — двумя буквами *ja*. Трогательная забота!

Еще одним обстоятельством, не позволившим сразу поставить на государственный учет заметное количество захоронений ПМВ, был кадровый голод — не хватало специалистов. Выявлением историко-культурного наследия в области профессионально занимался всего один человек — участник штурма Кёнигсберга, старший инспектор областного отдела культурно-просветительской работы (с 1953 г. — областного управления культуры) Франц Логвинович Лавренков. Помощь на местах ему оказывали работники культурно-просветительских учреждений области, как правило, не имевшие должного образования и малознакомые с историей Восточной Пруссии.

Тем не менее именно Ф. Л. Лавренков в 1955 г. составил список памятников истории и искусства, в который вошли два воинских захоронения ПМВ: «№ 36. Братская могила. Памятник построен из камня в виде столба с крестом, размером 5 м. Похоронены русские воины — 3 офицера и 298 солдат 1914—1918 гг.»; «№ 37. Братская могила русских воинов, погибших в 1914—1918 г. 187 русских и румынских солдат. Памятник сделан из каменной плиты с крестом разм. 1,5 × 1,2 м» [3, ф. 68, оп. 2, д. 4, л. 21].

Таким образом, почти 70 лет тому назад на государственный учет было поставлено два захоронения русских воинов, погибших в боях за Тильзит, а также русских военнопленных, умерших от ран в местном госпитале. Эти братские могилы располагались на территории городского «Лесного кладбища» в парковой зоне Советска. Характерной чертой русских могил в этом парке были небольшие квадратные мемориальные плиты с написанными латиницей российскими фамилиями и датами смерти. Таких в области больше нет.

Задаваясь вопросом о том, почему именно эти мемориалы ПМВ были взяты на госучет ранее других, предположительный ответ найти нетрудно. Видимо слишком ярко выраженными были национальные признаки объектов — обелиск и стелу венчали рельефные православные кресты, на надгробных плитах выгравированы, о чем говорилось, русские фамилии, пусть и написанные латиницей.

В следующем, 1956 г. во исполнение приказа Министерства культуры РСФСР от 22 ноября 1955 г. № 652 «О мерах усиления руководства и контроля за делом учета и охраны памятников истории, археологии и искусства» в КО проводилась масштабная работа по инвентаризации памятников. По ее итогам было принято решение Калининградского облисполкома от 2 октября 1957 г. № 423, которым официально утверждались два списка — исторических памятников, взятых под государственную охрану и взятых под охрану местными Советами депутатов трудящихся [Там же, ф. 297, оп. 8, д. 782, л. 176—186].

В первый список вошло 46 ОКН высшей на тот момент категории значения. Они были разделены на памятники археологии (9), искусства (15), прикладного искусства (3) и архитектуры (19). В числе памятников искусства находился «Памятник-обелиск русским воинам, погибшим в 1914—1918 гг.», поставленный в 1957 г. на территории русско-немецкого захоронения ПМВ в совхозе Чистые Пруды Нестеровского района. Эта братская могила принадлежала к числу крупнейших в области. В ней покоились 332 российских и 361 немецкий воин. Это мемориальное сооружение оказалось в новой истории края первым и на несколько десятилетий единственным памятником, возведенным в ознаменование событий ПМВ. На обелиске

была начертана эпитафия (кириллицей, на русском языке): «Вечная слава русским воинам, погибшим в Первой мировой войне. 1914—1918». На вершине была красная звезда (!!!).

Во втором списке решения № 423 среди 13 памятников «местного» значения по разделу «Памятники искусства» значились «Два мемориальных памятника погибшим русским и Румынским воинам в 1914—1918 гг.» в Советске (выявлены, как указывалось выше, в 1955 г.), «Монументальный памятник, русским и немецким солдатам, погибшим в войне 1914—1918 гг.» в пос. Дружба Правдинского района и «Братская могила с индивидуальными обелисками русским воинам, погибшим в 1914—1918 гг.» в совхозе Ясная Поляна Нестеровского района. Последний из указанных памятников — это самое крупное на территории края и современной России боевое русско-немецкое захоронение. Здесь упокоены 438 российских и 646 немецких воинов, павших в августе 1914 г.

Постановка на учет памятника в пос. Дружба примечательна тем, что наименование объекта не стали ретушировать — прямо указали его русско-немецкое мемориальное значение. Кстати, русских воинов на этом кладбище захоронено всего трое, немецких — 129. В связи с этим название поселка приобретает символичное звучание.

По тому же разделу памятников искусства во второй список решения облисполкома № 423 был включен объект «Монументальный памятник русским воинам, погибшим в Отечественной войне 1812 года» в пос. Домново Правдинского района. На самом деле с антинаполеоновскими кампаниями объект не связан. Изначально мемориал был посвящен немецким воинам и местным жителям, погибшим в годы ПМВ.

Спустя всего два года — решением Калининградского облисполкома от 30 сентября 1959 г. № 573 — все объекты ПМВ были выведены из списков памятников истории, археологии и искусства, полежавших охране республиканскими и местными органами [Там же, д. 1055, л. 148—154]. Исключение составил мемориал в пос. Домново. Не вошли эти объекты и в списки памятников КО, утвержденные постановлением Совета министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР», ре-

шением Калининградского облисполкома от 21 октября 1960 г. № 645 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в области» [Там же, д. 1182, л. 82—106].

В чем причина произошедших изменений? Ответ следует искать в политической истории. С 1957 г., когда была разгромлена «антипартийная группировка Молотова, Маленкова, Кагановича», новый лидер страны Н. С. Хрущев получил полную свободу действий в реализации своего понимания задач строительства коммунизма. В духовной сфере наряду с антирелигиозными кампаниями, борьбой с влиянием буржуазной культуры и другими акциями политика Хрущева предполагала идеологическую ревизию различных этапов и событий отечественной истории в сторону ослабления национально ориентированного осмысления прошлого, имевшего место в период позднего сталинизма. Пропаганда ратной героики «империалистической» войны в конце 1950-х — середине 1960-х гг. не поощрялась.

Только после смещения Хрущева справедливость была восстановлена. Так, решением Калининградского облисполкома от 21 декабря 1967 г. № 364 памятниками истории и культуры, подлежащими учету (и охране) местными советами, были признаны два мемориала в Советске, «Памятник русским воинам, павшим в период I-й восточно-прусской операции 1914—15 гг.» в пос. Ясная Поляна Нестеровского района и «Кладбище русских солдат, павших в период I-й восточно-прусской операции 1914—15 гг.» в Гусеве, «Памятник русским и немецким солдатам, павшим в сражениях 1915 г.» в пос. Дружба Правдинского района [Там же, д. 1977, л. 148—159]. В этом же списке уже под третьим названием числилась «Могила русских солдат 1807 г.», находился памятник ПМВ в пос. Домново.

По сравнению с учетными документами 1957 г. в число ВМО 1914—1918 гг., взятых под охрану государства, не вошел памятник-обелиск в пос. Чистые Пруды. Вместе с тем был выявлен новый памятник — братская могила в Гусеве. Видимо, речь идет о братской могиле русских и немецких воинов на новом городском кладбище Гумбиннена, сегодня частично застроенном (захоронено 142 русских и 339 немецких воинов).

Новый нормативный документ по учету всех памятников истории и культуры на территории КО был издан спустя десять

лет. Это решение Калининградского облисполкома от 14 октября 1976 г. № 246 «Об охране памятников истории и культуры, расположенных на территории области» [Там же, оп. 9, д. 889, л. 1—38]. Состав ВМО ПМВ, подлежащих государственной охране, по сравнению с 1967 г. несколько изменился. В список со статусом памятников истории местного значения вошли оба захоронения в Советске, теперь уже как единый объект — «Братская могила русских воинов, погибших в годы первой мировой войны 1914—1918 годов», три русско-немецких захоронения в поселках Ясная Поляна и Чистые Пруды Нестеровского района, а также новая братская могила, взятая на учет, — в пос. Заозерье Озерского района. В число памятников не был включен мемориал в пос. Дружба. Домновский памятник в очередной раз был переименован: «Братская могила русских солдат, погибших в сражении в 1807 году».

В решениях Калининградского облисполкома по учету памятников истории и культуры 1980-х гг. (от 16 октября 1981 г. № 262 «Об утверждении списков памятников истории и культуры КО, находящихся на государственной охране», от 30 марта 1989 г. № 69 «Об утверждении дополнительного списка памятников истории и культуры КО, находящихся на государственной охране») список объектов ПМВ 1976 г. просто дублировался [Там же, оп. 10, д. 507, л. 102—127; д. 1397, л. 2—5]. Однако из него был исключен мемориал в Гусеве, частично разрушенный, частично заброшенный в это время.

Фактически в момент распада СССР в КО начался новый этап выявления и постановки на учет ВМО ПМВ. Рубежным здесь стало постановление главы администрации КО от 25 октября 1991 г. № 17 «О постановке на государственный учет вновь выявленных памятников истории и культуры и передаче на баланс научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры управления культуры памятников истории и культуры государственного и местного значения», которым «вновь выявили» сугубо германский памятник ПМВ — «Рельеф “Умиравший боец” на памятнике воинам, погибшим в войне 1914—1918 гг.» скульптора П. Борхерта в Калининграде. Местная интеллигенция в первой половине 1990-х гг. была погружена в ожесточенные споры по вопросу о

том, надо или нет возрождать германское наследие. Дискуссия обострялась общероссийским политическим противостоянием между реформаторами (либеральными демократами) и консерваторами («красно-коричневыми», как их тогда называли), а также устойчивыми слухами о «продаже» или «передаче» области объединенной Германии. В отношении постановки на учет и охрану памятников истории и культуры возобладал демократический тренд.

В 1990-е — первой половине 2000-х г. активную работу по изучению, выявлению и описанию ВМО ПМВ проводили калининградские краеведы и представители германских общественных организаций. Шестнадцатого декабря 1992 г. было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германии об уходе за военными могилами в Российской Федерации и в Федеративной Республике Германии. Этим международным правовым актом Правительство ФРГ получило право за свой счет осуществлять обустройство и уход за немецкими военными могилами и немецкими военными захоронениями в Российской Федерации. Уполномоченной организацией германского правительства стал Германский народный союз по уходу за военными могилами, силами которого в КО было выявлено документально и определено точное место расположения нескольких десятков неизвестных ранее мемориальных объектов ПМВ.

Следующий этап в данной работе наступил только в 2007 г., когда постановлением Правительства области от 23 марта 2007 г. № 132 «Об объектах культурного наследия регионального и местного значения» и приказом Министерства культуры КО от 19 июня 2007 г. № 48 ОКН местного муниципального значения были признаны четыре вышеупомянутых русско-немецких воинских захоронения и один памятник. Кроме того, выявленными ОКН стали еще 13 русско-немецких захоронений и 36 памятников и памятных знаков. Во многом эти решения были связаны с масштабной исследовательской работой специалистов «НПЦ по охране памятников», историков и краеведов по подготовке опубликованного в 2009 г. каталога «История войн XX века в памятниках их участникам» [4]. Он включил сведения о 65 воинских захоронениях и 68 памятниках, памят-

ных знаках, связанных с историей ПМВ. Территориально все эти объекты охватывают 18 из 22 муниципальных образований второго уровня (районов и городских округов) области.

Очередной вехой в государственной охране наследия ПМВ стали годы подготовки к столетию ее начала. В 2013—2014 гг. на государственный учет были поставлены 3 русско-немецких захоронения 1914 г. (в пос. Кутузово Краснознаменского района, в пос. Дубовая Роща Нестеровского района, в пос. Володаровка Черняховского района) и две братские могилы русских воинов (в пос. Володаровка Черняховского района и в Славском районе на развилке дорог Славск — Тимирязево — Ржевское). В 2013 г. взяли на учет и памятный знак в пос. Яблоневка Гурьевского района.

Безусловно, самым значительным достижением государственной охраны наследия ПМВ в эти годы стали впервые проведенные масштабные работы по благоустройству, ремонту и информационному оснащению ВМО ПМВ. Ими были охвачены 74 объекта, расположенных на территории 17 муниципальных образований КО.

Преобладающим видом работ стали мероприятия по содержанию воинских захоронений, памятников и памятных знаков — очистка территории от мусора, покос травы, прополка клумб и пр. Благоустроено было 33 объекта, косметический ремонт проведен на 9, капитальный ремонт — на 17 воинских захоронениях и памятниках. Информационные таблички установлены на 28, памятные знаки (мемориальные плиты и доски, металлические, деревянные и гранитные кресты, закладные камни) — на 30 ВМО ПМВ, в том числе на трех воинских захоронениях (в пос. Ясная Поляна, Пушкино Нестеровского района и Кубановка Гусевского городского округа) на средства Российского военно-исторического общества установлены мемориальные кресты.

В организации и проведении работ наряду с главным ответственным исполнителем (Служба государственной охраны ОКН КО) и ее подведомственным учреждением (ГБУК «НПЦ по охране памятников»), органами местного самоуправления, коммунальными службами принимали участие школьники и педагоги общеобразовательных организаций, студенты высших

учебных заведений, сотрудники учреждений культуры, прихожане местных храмов, частные лица, представители 10 общественных организаций и 6 коммерческих структур. Наиболее масштабные работы среди коммерческих структур выполнил холдинг *GS GROUP*.

С 2015 г. работа по государственной охране наследия ПМВ приняла системный характер. В рамках государственного учета русско-немецкое захоронение в пос. Кубановка Гусевского района включили единый государственный реестр ОКН с категорией регионального историко-культурного значения, русско-немецкие захоронения вблизи пос. Ближняя Калиновка Гусевского района, в 3 км к юго-западу от города Нестерова, в пос. Ушаково Озерского района, в пос. Дружба Правдинского района, в Славске, а также чисто российские братские могилы рядом с автодорогой А-219 Нестеров — Чернышевское Нестеровского района и около пос. Ульяновское Озерского района как памятники истории и культуры местного значения.

В июле 2024 г. в перечень объектов, обладающих признаками ОКН, включили две русско-немецкие братские могилы — в пос. Лощинка и в 2 км от пос. Майское Гусевского района. Дальнейший учетный рост этих захоронений ПМВ — включение в список выявленных ОКН, далее — в реестр, наконец присвоение категории историко-культурного наследия.

Содержатся ВМО ПМВ в настоящее время вполне достойно. Калининградская область в этой части сохранения историко-культурного наследия постепенно избавляется от предвзвешенной кампанейщины и переходит к плановому стилю работы.

Список источников и литературы

1. *Маслов Е. А.* «Да, господин Аденауэр, у нас никто и не думает строить новые церкви». Культурная политика властей и духовные запросы первых калининградцев // Балтийские исследования. Восточная Пруссия и Калининградская область в XX веке : сб. науч. тр. / АНО НОЦ «Балтийская Европа». Калининград, 2009. Вып. 5. С. 69—93.

2. *Устное* свидетельство А. А. Косульникова. Личный архив автора доклада.

3. *Государственный архив Калининградской области (ГАКО).*

4. *История* войн XX века в памятниках их участникам : каталог / сост. Е. В. Суздальцев, И. Б. Некрылова, Н. М. Никитина, Л. В. Тимо-нен. М., 2009.

Об авторе

Евгений Александрович Маслов — кандидат исторических наук, руководитель (директор) Службы государственной охраны объектов культурного наследия Калининградской области, Калининград, Россия.

E-mail: eugmaslov@mail.ru

E. A. Maslov

Cultural Heritage Protection Service of the Kaliningrad Region

THE HISTORY OF STATE HERITAGE PROTECTION OF WORLD WAR I IN THE KALININGRAD REGION

This article presents an overview of the key milestones in the state registration and preservation of military memorial objects related to World War I in the Kaliningrad Region. It lists the regulatory documents that governed this work throughout the Russian period of the region's history and highlights notable examples of circumstances associated with the registration of World War I military memorials. The current status of this issue is also characterized.

Keywords: *Kaliningrad Region, World War I, cultural heritage objects, military memorials, heritage protection authorities*

The author

Dr Evgeny A. Maslov, PhD in History, Head (Director) of the Cultural Heritage Protection Service of the Kaliningrad Region, Kaliningrad, Russia.

E-mail: eugmaslov@mail.ru

УДК 908

А. А. Панченко

Багратионовский музей истории края

**ТЕМА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КОЛЛЕКЦИИ
И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
БАГРАТИОНОВСКОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ КРАЯ**

Дан обзор коллекции Багратионовского музея истории края по теме Первой мировой войны с описанием отдельных экспонатов, связанных с историей Восточно-Прусской операции 1914 г., — оружия, обмундирования, снаряжения, знаков различия, наград, открыток, бытовых предметов той эпохи. В отдельных случаях представлена история происхождения экспонатов. Также кратко охарактеризованы проведенные в последнее десятилетие мероприятия музея и действующего при нем военно-исторического клуба, по тематике Первой мировой войны.

Ключевые слова: *Багратионовский музей истории края, Первая мировая война, Восточно-Прусская операция 1914 г., 104-й пехотный генерала князя П. И. Багратиона полк*

Первая мировая война как тема в исследовательской деятельности занимает особое место в работе Багратионовского музея истории края. Город Багратионовск (бывш. Прейсиш-Эйлау) и его окрестности в августе — сентябре 1914 г. были частью театра военных действий между российской и германской армиями. Также эти события тесно переплели сложную историю бывшего восточнопрусского города с историей России.

© Панченко А. А., 2024

Двадцать седьмого августа 1914 г. (здесь и далее даты приводятся по новому стилю, кроме случаев указания дат на знаках и наградных лентах) отряд из состава кавалерии генерала Хана Нахичеванского появился в окрестностях Прейсиш-Эйлау. Здесь между дорогами на Домнау (ныне Домново) и Ауклаппен (ныне Малое Озерное) занимало оборону подразделение ландштурма. Кавалеристы завязали бой и с ходу заняли господствующие возвышенности. В результате короткого боя ландштурм отступил, а город был занят русскими войсками.

Второго сентября 1914 года начался отход русских войск из Прейсиш-Эйлау. Но 4 сентября в город ненадолго вошел разезд лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, состоявший из двух взводов. А уже через два дня здесь были германские войска.

Собрание вещественных памятников по теме Первой мировой войны начало формироваться с момента открытия музея в 1993 г., коллекция продолжает пополняться. Это прежде всего холодное оружие, награды, знаки, амуниция и детали обмундирования русской и германской армий начального периода Первой мировой войны. Многие предметы снаряжения и детали униформы найдены на территории нашего региона. Среди предметов походного снаряжения русской армии этого времени можно отметить солдатский котелок образца 1882 г. с гравированным буквами латинского алфавита текстом, где указаны названия городов и населенных пунктов Восточной Пруссии и Российской империи и годами вероятного пребывания там владельца котелка. Есть солдатская кружки для чая образца 1909 г. с гравировкой «Память военнопленных. 1915». Рисунок на боковой стороне кружки является стилизованным изображением полкового знака 2-го гренадерского Ростовского Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича полка.

В музейной коллекции хранятся наградные ленты на головные уборы и увольнительные знаки нижних чинов полков русской армии, принимавших участие в боях на территории Восточной Пруссии. Также собрана небольшая коллекция полковых знаков. В ней следует отметить полковой знак лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. Предмет был случай-

но найден местным жителем. Кирасиры Его Величества полка, как сказано выше, были в нашем городе в августе 1914 г. Тот же полк столетием ранее принимал участие в сражении между русско-прусской и французской армиями при Прейсиш-Эйлау 7—8 февраля 1807 г. Отличившиеся в этом сражении офицеры русской армии были награждены специально утвержденным крестом с надписью: «Победа при Прейш-Эйлау 27 Генваря 1807». Именно он был взят за основу при создании полкового знака лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. Знак был утвержден 20 июня 1909 г. и представлял собой позолоченный Прейсиш-Эйлауский крест, на лучах которого — серебряные вензеля императоров Александра I и Николая II.

В коллекции «Филокартия» имеется большое количество почтовых карточек, изданных в начальный период Первой мировой войны. Это открытки известных серий штабс-капитана Г. В. Грузинцева и священника 64-го пехотного Казанского полка О. Адамовича, которые составляют обширную галерею изображений быта, учебных занятий и боевых эпизодов русской армии эпохи Первой мировой войны. На открытках, изданных по фотографиям О. Адамовича, встречаются сюжеты из Восточной Пруссии 1914—1915 гг. Такие же сюжеты мы видим и на французских открытках этого периода, но, к сожалению, данных ни об авторах фотографий, ни об издателях на них не указано.

В музейном собрании есть немецкие пропагандистские открытки. Фотографии, которые использовались для их изготовления, фиксировали состояние городов и поселков Восточной Пруссии после завершения военных действий. Акцент делается, разумеется, на разрушениях, причиненных русской армией. Среди этой группы предметов особо выделяется серия открыток, вышедших в издательстве Р. Готвальда и запечатлевших парад в пешем строю гвардейской кавалерии русской армии в Инстербурге 5 сентября 1914 г.

Тема Первой мировой войны нашла отражение и в коллекции бытовых предметов музейного собрания. Прежде всего это так называемая немецкая «патриотика» — фарфоровые и стеклянные тарелки, блюда, чайные и кофейные чашки, пивные кружки, украшенные изображениями Железного креста 1914 г.,

портретами императоров Вильгельма II и Франца Иосифа, генерала Гинденбурга, а также иллюстрациями на сюжеты из жизни германской армии.

Среди предметов, связанных с событиями Первой мировой войны на территории нашего региона, особенно выделяются вещественные памятники, относящиеся к истории 104-го пехотного Устюжского генерала князя П. И. Багратиона полка. Этот полк перед Первой мировой войной размещался в городе Августов Сувалкской губернии и в августе — сентябре 1914 г. принимал участие в боях на территории Восточной Пруссии.

В музейной коллекции есть солдатский полковой знак этого полка. Он был учрежден 28 февраля 1910 г. За основу был взят крест, использовавшийся для награждения офицеров русской армии, которые отличились при взятии крепости Базарджик 22 мая (3 июня) 1810 г. во время русско-турецкой войны. Полк, именовавшийся тогда 6-м егерским, участвовал в этой кампании. На вертикальных лучах полкового знака были нанесены юбилейные даты 1797 и 1897, на горизонтальных лучах — вензеля императоров Александра I и Николая II, увенчанные императорскими коронами. В центре знака круглый медальон с широким бортиком, в середине которого расположен государственный герб. Этот полковой знак был обнаружен в окрестностях города Августов (Польша) и передан в музейную коллекцию.

В коллекции также есть жетон для нижних чинов «В память 100-летнего юбилея 104-го пехотного Устюжского генерала князя Багратиона полка». Он был изготовлен и вручался в юбилейный для полка 1897 год. Полк имел и коллективные награды, одной из которых являлись ленты на головные уборы с надписью: «За Варшаву 25 и 26 августа 1831 года». Такая наградная лента есть в музейном собрании. В коллекции увольнительных знаков есть два, которые принадлежали нижним чинам из 16-й и нестроевой рот 104-го пехотного Устюжского полка.

В настоящее время весь основной фонд музея зарегистрирован в Государственном каталоге музейного фонда Российской Федерации и доступен для знакомства в открытой его части, размещенной в сети Интернет [1].

Наряду с комплектованием, учетом и хранением материальных памятников по истории Первой мировой войны музей про-

водит работу по их изучению и популяризации. В постоянной экспозиции есть раздел, посвященный событиям Первой мировой войны на территории современной Калининградской области. Все самое яркое и интересное из музейной коллекции по этой теме представлено там.

Столетие начала Первой мировой войны и, разумеется, Восточно-Прусской операции 1914 г. стали серьезным мотивом для расширения коллекционной и экспозиционной работы. В результате был реализован выставочный проект «Август 1914 года. Наш край в годы Первой мировой войны». Экскурсоводы на этой выставке проводили экскурсии в военной униформе русской армии и костюмах сестер милосердия периода Первой мировой войны, что создавало для посетителей эффект рассказа участников тех событий.

Просветительская работа музея не заканчивается экскурсиями по выставкам. При музее действует военно-исторический клуб, участники которого воссоздали внешний вид чинов 104-го пехотного Устюжского генерала князя П. И. Багратиона полка на начальный период Первой мировой войны. Участниками были собраны и изготовлены комплекты повседневной и парадной, летней и зимней униформ, походного снаряжения, усвоены строевые приемы. Были сделаны копии полкового и увольнительного знаков, наградной ленты на головные уборы, а в 2015 г. была изготовлена и освящена копия полкового знамени. Клуб принимал активное участие в военно-исторических фестивалях, посвященных Гумбинненскому сражению, и в других памятных мероприятиях в Калининградской области и на территории Польши.

Деятельность Багратионовского музея истории края в сохранении памяти о событиях Первой мировой войны постоянна, не ограничивается юбилеями, является органично частью системы патриотического воспитания населения и гостей нашего региона.

Список литературы

1. *Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Багратионовский музей истории края»*. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/museums?id=2392> (дата обращения: 01.09.2024).

Об авторе

Александр Аркадьевич Панченко — кандидат исторических наук, директор Багратионовского музея истории края, Багратионовск Калининградской области, Россия.

E-mail: bagrmus@rambler.ru

A. A. Panchenko

Bagrationovsk Museum of Local History

THE TOPIC OF WORLD WAR I IN THE COLLECTION AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE BAGRATIONOVSK MUSEUM OF LOCAL HISTORY

This article provides an overview of the Bagrationovsk Museum of Local History's collection on the topic of World War I, with descriptions of specific exhibits related to the 1914 East Prussian campaign, including weapons, uniforms, equipment, insignia, awards, postcards, and household items from that era. In certain cases, the origins of the exhibits are also presented. Additionally, the article briefly highlights the museum's events and the activities of its military history club over the past decade, focusing on World War I.

Keywords: *Bagrationovsk Museum of Local History, World War I, 1914 East Prussian campaign, 104th Infantry Regiment of General Prince P. I. Bagration*

The author

Dr Alexander A. Panchenko, PhD in History, Director of the Bagrationovsk Museum of Local History, Bagrationovsk, Kaliningrad Region, Russia.

E-mail: bagrmus@rambler.ru

УДК 725.945.1/5

В. В. Гусаров

АО «НПО «ЦТС»

БЛАГОУСТРОЙСТВО ВОИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ «ТЕХНОПОЛИСА GS»

Рассмотрен опыт добровольческого движения по благоустройству воинских захоронений Первой мировой войны, созданного при поддержке холдинга GS Group, который в 2013 г. благоустроил пять заброшенных захоронений Первой мировой войны в Калининградской области и предложил своим сотрудникам на добровольных началах поддерживать эти захоронения в достойном состоянии. Представлены методики установления имен погибших воинов, наносимых на эпитафии при восстановлении захоронений.

Ключевые слова: Первая мировая война, воинские захоронения, благоустройство захоронений, увековечение имен воинов

Организация работ по благоустройству воинских захоронений

В 2023 г. российский холдинг GS Group, разместивший свои производственные мощности в городе Гусеве Калининградской области, к 100-летию начала Первой мировой войны (ПМВ) благоустроил 5 заброшенных воинских захоронений (ВЗ) в Калининградской области. Тогда же руководство холдинга предложило своим сотрудникам на добровольных началах поддерживать эти захоронения в достойном состоянии. Это предложение получило поддержку в коллективе, и 7 сентября 2013 г. состоялся первый выезд добровольцев на объект благоустройства.

© Гусаров В. В., 2024

Полевой сезон волонтеров продолжается, как правило, с середины апреля по конец октября, по субботам. Работы идут с 10 до 14 часов, передвижение — на личном автотранспорте. По завершении работы предусмотрено горячее питание. Такая организация работы позволяет собирать достаточное количество добровольцев — сотрудников «Технополиса GS» и жителей Гусева, в среднем это 10 человек на каждый выезд, 20 выездов за сезон. Холдинг оплачивает приобретение топлива, стройматериалов, инструмента и питания. Все строительные работы добровольцы выполняют с использованием долговечных материалов (гранит, бетон). За 11 лет в работах приняло участие 446 человек, состоялся 221 выезд со средним количеством участников — 10,1.

Результаты деятельности добровольцев в 2013—2024 гг. представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Воинские захоронения ПМВ, благоустроенные
и восстановленные добровольцами «Технополиса GS»**

Год	Содержание работ, название ВЗ	На захоронении:	
		упокоено воинов	увековече- но имен
2013	Кубановка, Ольховатка-1, Первомайское, Фурмановка, Ушаково-1. Уборка после строительства, высадка кустарника	176	0
2014	Кубановка. Восстановление разобранного мародерами на стройматериалы ВЗ	(См. выше)	0
2015	Чкалово. Восстановление основной части довоенного памятника	11	0
2016	Чкалово. Устройство гравийной дорожки и площадки, установка крестов и информационной плиты	(См. выше)	0
2017	Ольховатка-2. Выявление места захоронения, устройство площадки, реставрация и установка довоенных надгробий, информационной плиты, крестов	11	0

Окончание табл. 1

Год	Содержание работ, название ВЗ	На захоронении:	
		упокоено воинов	увековече- но имен
2018	Карамышево. Выравнивание довоенных крестов и плит, изготовление и установка мостика, восстановление надписей. Ушаково-2. Расчистка площадки. Подгоровка. Расчистка площадки. Фурмановка. Изготовление и монтаж мемориальной плиты с именами воинов	489	43
2019	Подгоровка. Изготовление и установка крестов и плит. Завершение работ. Ольховатка-2. Реставрация и установка довоенных крестов воинов	(См. выше)	0
2020	Ольховатка-2. Изготовление и установка мемориальной плиты российскому воину. Чкалово. Установка мемориальной плиты с именами 6 офицеров. Краснолесье. Расчистка территории довоенного кладбища, установка крестов и информационного стенда с картой 36 ВЗ ПМВ в Роминтской пуще. Дальнее. Восстановление дороги, установка крестов и информационной плиты	6	7
2021	Дальнее. Установка мемориальных плит. Осипенко. Выявление и расчистка площадки, установка мемориальных плит	379	238
2022	Осипенко. Установка крестов. Карамышево. Ремонт и установка сломанного довоенного памятника	(См. выше)	0
2023	Воскресенское. Установка крестов и мемориальной плиты	104	36
2024	Лощинка. Установка информационной плиты и мемориальных плит. Гаврилово. Установка мемориальных плит, выравнивание довоенных плит	864	196

На всех благоустроенных и восстановленных ВЗ осуществляется регулярный уход силами добровольцев либо (по договоренности) силами местной администрации. Таким образом, на добровольческом попечении движения в момент публикации данной статьи находилось 16 воинских захоронений ПМВ, где упокоены 2040 воинов и увековечены имена 520 воинов.

С целью популяризации своей деятельности добровольцы с 2016 г. на одном из благоустроенных ВЗ ежегодно проводят акцию «Сбор Бессмертного полка Первой мировой». В программе этого мероприятия — православный молебен, краткий митинг, поминовение усопших (чай из самовара, пироги), реконструкция боя времен Первой мировой войны. Приглашаются власти, священство и местное население. В результате за 11 лет деятельности удалось сформировать положительное отношение к деятельности нашего добровольческого движения у населения, властей и православного духовенства.

Из таблицы 1 видно, что значительную часть деятельности добровольцев составляет установление и увековечение имен погибших воинов Российской императорской армии. На практике именно появление на воинских захоронениях ПМВ гранитных плит с высеченными именами похороненных воинов вызывает наиболее живую и положительную реакцию местного населения. Ниже на примере мемориала Ушбаллен / Лощинка показано, как добровольцы выполняют работу по формированию списков захороненных воинов.

Формирование списков захороненных воинов

Определение места и количества захороненных воинов на примере ВЗ Лощинка

По данным немецких источников [3, S. 21, 22, 94], в населенном пункте Гусевского городского округа Лощинка (до 1937 г. Ушбаллен / Uschballen, координаты 54.714293, 22.248794) на почетном участке бывшего общинного кладбища похоронены 3 германских и 130 российских воинов. В работе М. Денена указанное воинское захоронение связано с Гумбинненским сражением и боями сентября 1914 г. Ко времени Гумбинненского

сражения там отнесены также и другие воинские захоронения в районе Ушбаллен — Мальвишкен — Эдеркемен (табл. 2). Также на части захоронений, отнесенных автором к датам Гумбинненского сражения, имеются ВЗ других периодов боевых действий: Йодшен и собственно Ушбаллен — периода первого отступления российской императорской армии (РИА) из Восточной Пруссии (сентябрь 1914 г.), Эдеркемен — периода второго наступления РИА в Восточной Пруссии (ноябрь 1914 — январь 1915 гг.). При этом М. Денен не указал, какое количество захороненных воинов относится к какому из периодов, вероятно, потому что не располагал такими данными.

Таким образом, источник [3] указывает на захоронение в пос. Ушбаллен и на 14 воинских захоронениях в непосредственной близости от него более 900 российских воинов, павших в основном в Гумбинненском сражении 6—7 (19—20) августа 1914 г. (табл. 2). Этот вывод является определяющим для дальнейшего решения об увековечении имен захороненных воинов.

Таблица 2

**Воинские захоронения ПМВ в районе
Ушбаллен — Мальвишкен — Эдеркемен
(левый фланг германской 8-й армии) согласно [3]**

Населенный пункт	Страница [3]	Период по М. Денену	Кладбище	Германцев	Русских
Ушбаллен (Лощинка)	22, 94	19—20.08, сентябрь	Деревенское кладбище	3	130
Мальвишкен (Майское)	21	19—20.08	Воинский участок на общем кладбище	56	35
	21	19—20.08	Общее кладбище	1	0
	21	19—20.08	Кладбище у Дика (Дуск)	28	0
	21	19—20.08	Кладбище имения	43	0
	22	19—20.08	У крестьянина Шульца	0	80
	22	19—20.08	У Пика	0	217

Окончание табл. 2

Населенный пункт	Страница [3]	Период по М. Денену	Кладбище	Германцев	Русских
Эдеркемен	22	19—20.08	Воинский участок на общем кладбище	67	0
	22, 177	19—20.08, ноябрь 1914— январь 1915	Воинский участок на общем кладбище (напротив, через дорогу)	0	365
		176	ноябрь 1914— январь 1915	Полевая могила	0
Абшрутен	22	19—20.08	Деревенское кладбище	1	5
Радшен	22	19—20.08	Деревенское кладбище	4	9
Йодшен	22, 94	19—20.08, сентябрь	Деревенское кладбище	0	23
	22	19—20.08	У крестьянина Крэмера	0	4
Плимбаллен	22	19—20.08	Не уточнено	0	7
<i>Итого</i>				203	930

**Определение возможности установления имен воинов
Российской императорской армии,
захороненных на ВЗ Ушбаллен / Лоцинка**

Для определения возможности установления имен воинов РИА, захороненных на ВЗ Ушбаллен / Лоцинка, был выполнен анализ следующих документов российских архивов:

— метрические книги полковых церквей — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф. 19, оп. 128;

— именные списки потерь солдат и офицеров ПМВ 1914—1918 гг. — Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 16196, оп. 1;

— картотеки бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат) — РГВИА, б/н;

— журналы, описания и схемы боевых действий воинских частей — РГВИА, разные фонды.

Анализ показал, что в Гумбинненском сражении 6—7 (19—20) августа 1914 г. в районе Ушбаллена вели боевые действия и понесли массовые потери личного состава 1-й и 3-й батальоны 109-го пехотного Волжского полка (в боях при населенных пунктах: Ужбалин, Покальних, Гумбиннен, Бракупеник; орфография первоисточника в написании названий сохранена) и 111-й пехотный Донской полк в полном составе (в боях при Мальвишкене, Едеркемене, Ушбалине и Шилингене; орфография первоисточника сохранена). Другие воинские подразделения в рассмотренных документах не упоминаются.

Очевидно, что названия населенных пунктов в именных списках потерь данных полков в основном совпадают с названиями из немецкого источника (табл. 2).

Отсюда следует, что на воинских захоронениях, отнесенных германским автором к датам Гумбинненского сражения и расположенных в районе пос. Ушбаллен — Мальвишкен — Эдеркемен, похоронены в основном воины 109-го и 111-го пехотных полков 28-й пехотной дивизии РИА (табл. 3).

Таблица 3

**Данные о количестве и местах потерь
109-го и 111-го пехотных полков
за 6—7 (19—20) августа 1914 г.**

Документ	Потери		Примечание
	Убитыми	Пропавшими без вести	
Метрическая книга церкви 111-го Донского пехотного полка [2, д. 1907, л. 2 об.—3]	5	0	Похоронены на поле сражения у дер. Ужбален. Из них 1 ранен, выжил

Окончание табл. 3

Документ	Потери		Примечание
	Убитыми	Пропавшими без вести	
Именные списки потерь 111-го Донского пехотного полка [1, ф. 16196, оп. 1, д. 240, 1189, 1190]	126	1761	Место всех потерь указано как «В районе дер. Мальвишкен, Едеркемен, Ушбалин и Шелинген»
Метрическая книга церкви 109-го Волжского пехотного полка [2, д. 1684, л. 7 об.—8]	2	0	Воины 112-го ПП, 28-й арт. бр. Похоронены при Каттенау, на лютеранском кладбище
Именные списки потерь 109-го Волжского пехотного полка [1, ф. 16196, оп. 1, д. 337]	130	1235	Большинство имен задвоены (имеется два почти идентичных списка). Места потерь указаны как «Ушбален, Покальних, Покалишкен», «под Гумбинненом»
Записка к-на Барышникова командиру 111-го пехотного полка о местах захоронения после боя [1, ф. 2725, оп. 1, д. 97, л. 8—9 об.]	862	0	Мальвишкен, Едеркемен, Ушбаллен, Генскемен, Плюшбаллен, Иодзен

При этом в именных списках потерь 109-го и 111-го пехотных полков точное место захоронения не указано, а место боя названо примерно (например, «у Гумбиннена») или как район («Мальвишкен, Едеркемен, Ушбалин»).

По данным метрических книг (МК) полковых церквей [2], Ушбаллен как место захоронения указан только для пяти воинов РИА 111-го пехотного полка. В МК церкви Св. Георгия

109-го пехотного полка имеются всего две записи за 7 августа, но они не относятся ни к району деревни Ушбаллен, ни к войнам самого полка. Таким образом, МК не содержат достоверной информации ни о количестве, ни о конкретном месте захоронения воинов 109-го и 111-го пехотных полков, погибших в Гумбинненском сражении (табл. 2).

При этом количество убитых воинов в именных списках потерь обоих полков даже примерно не соответствует указанному в германском источнике (ср. табл. 2 и 3). Эта ситуация характерна для всех российских частей, участвовавших в боях начала августа 1914 г.: вскоре после Гумбинненского сражения воинские части продолжили наступление вглубь Восточной Пруссии, и руководство частей не имело ни времени, ни средств для идентификации всех убитых на поле сражения. Первые именные списки потерь были сформированы и сведены в полках значительно позже (так, в 109-м пехотном полку только 14 сентября). Это означает, что большинство воинов, фактически захороненных в районе Ушбаллен — Мальвишкен — Эдеркемен, значатся в списках именных потерь как «пропавшие без вести».

На основании вышеизложенного, автор статьи считает возможным:

— устанавливать имена воинов, павших в Гумбинненском сражении 6—7 (19—20) августа и похороненных в районе Ушбаллен — Мальвишкен — Эдеркемен, на основе списков именных потерь 109-го и 111-го пехотных полков, по категориям «убит», «пропал без вести», «оставлен на поле боя»;

— увековечить имена воинов, павших в Гумбинненском сражении в районе Ушбаллен — Мальвишкен — Эдеркемен, единым общим списком на одном из крупных захоронений, приведенных в таблице 1 (например, на воинском захоронении Ушбаллен), с указанием всех мест первичных захоронений, например: «Здесь увековечены имена воинов РИА, павших в Гумбинненском сражении 6—7 августа 1914 года и в боях ноября 1914 — января 1915 года и похороненных у пос. Мальвишкен, Эдеркемен, Ушбаллен, Абшруген, Радшен, Йодшен, Плимбаллен».

***Формирование списка имен воинов,
предлагаемых к увековечению в районе Ушбаллена***

Работа по формированию данного списка имен воинов ведется с начала 2024 г. на основе выводов, описанных выше, путем перекрестной сверки по каждому имени убитого, пропавшего без вести или оставленного на поле боя воина, занесенному либо в именной список потерь, либо в метрическую книгу полковой церкви 109-го и 111-го пехотных полков.

Каждое имя убитого или пропавшего без вести 6—7 августа воина сверяется со всеми полковыми списками именных потерь (их в архивном фонде может быть до трех) и картотекой бюро учета потерь в Первой мировой войне (карточки военнопленных и раненных) за весь период Первой мировой войны. В процессе сверки до 20 % «убитых» и более 50 % «пропавших без вести» выявляются живыми либо в плену, либо среди раненых, либо среди более поздних потерь. Также уточняются имена воинов, которые в разных документах могут быть написаны с различиями в орфографии. Если имя воина не обнаружено среди раненых и плененных, с высокой степенью вероятности данный воин погиб в бою 6—7 августа и похоронен на одном из 11 захоронений русских солдат (табл. 2) в рассмотренном нами районе Ушбаллен — Мальвишкен — Эдеркемен. В этом случае имя воина с указанием вариантов его написания, всех сомнений и расхождений в документах, а также прямых ссылок на первоисточники вносится в электронную таблицу, на основании которой формируется список воинов, предлагаемых к увековечению. В связи с большим количеством записей, подлежащих проверке (3259 записей, см. табл. 3), данная работа займет несколько лет. На момент написания статьи (28.08.2024 г.) проведен анализ около 340 записей, внесено в список для увековечения 120 имен воинов. Этого достаточно для изготовления двух первых мемориальных плит, что и было выполнено 10 августа 2024 г. По мере пополнения списка добровольцы планируют ежегодно изготавливать и устанавливать своими силами на воинском мемориале Ушбаллен / Лощинка одну-две мемориальные плиты с именами воинов.

***Оценка достоверности списка имен воинов,
предлагаемых к увековечению на мемориале
Ушбаллен / Лоцинка***

Сверка информации о воинах производится по отсканированным с высоким разрешением оригиналам документов 1914—1918 гг., находящимся в общем доступе на сайтах государственных организаций Российской Федерации: <https://spbarchives.ru> [2] и <https://gwar.mil.ru> [1]. В процессе сверки были выявлены многочисленные противоречия между оригинальными документами.

Наиболее значительные противоречия, обнаруженные в оригиналах документов:

— наличие карточек военнопленных 109-го и 111-го пехотных полков, имена которых отсутствуют во всех списках потерь (десятки имен, например Никей Юлий, Владимировы Владимир, Прокофий и Григорий 111-го полка);

— казус «деревни Герау в Восточной Пруссии» в МК 111-го Донского пехотного полка [2, д. 1907, л. 11 об.—14], где даты и место гибели / захоронения всех захороненных там 18 воинов радикально отличаются от указанных в именных списках потерь полка; деревни с таким (или похожим) названием не было в Восточной Пруссии, а о характере прочих расхождений дает представление таблица 4;

— явные различия в написании имен отдельных воинов в разных документах, обусловленные почерковыми или слуховыми ошибками (Скрошекус — Скромекус, Густов Егор — Егер Густав) — более 10 % обработанных записей.

Наличие и количество данных противоречий указывает, что 109-й и 111-й пехотные полки в августе 1914 г. не располагали точными и полными списками нижних чинов — вероятно, вследствие спешной мобилизации и массовых пополнений, а полковые священники не имели собственных источников сведений о захороненных воинах и либо пользовались именованными списками потерь полков для внесения записей в МК полковых церквей, либо вовсе не делали записей в метрические книги.

Разрешить выявленные противоречия на основе сохранившихся документов не представляется возможным. Надеять-

ся на появление в будущем более точных источников вряд ли оправданно, поскольку виды и структура документов о потерях личного состава периода ПМВ глубоко исследованы профессиональными историками, вероятность неожиданных открытий в данном вопросе ничтожна.

Таблица 4

**Анализ некоторых имен, согласно [2, д. 1907],
«похороненных 31 августа у дер. Герау в Восточной Пруссии»¹**

Источник			Примечание
Метрические книги [2, д. 1907, л. 11 об.—14]	Список потерь [1, ф. 16196, оп. 1, д. 240, л. 17 об.—19]	Картотека бюро потерь	
Новиков Петр Федорович, 16-й роты, д. Маложье, убит и похоронен 31 августа у дер. Герау в Восточной Пруссии	Новиков Петр Федорович, д. Мелажья, убит 7 августа в районе Мальвишкен, Эдеркемен, Ушбален, Шелинген	Новиков Петр, место рождения указано «Шелизе», плен под Гумбинненом, л. в. Нейгаммер	Могилевская губ., Чериковский уезд, Палужская вол. — была дер. Малюшин. Рядовой. Другого Петра Новикова в потерях 111 ПП нет
Шарипов Симеон Прокопиевич, 16-й роты, д. Нечино, убит 31 августа у дер. Герау в Восточной Пруссии	Шаригин Симон Прокопьевич, д. Княгинина, убит 7 августа в районе Мальвишкен, Эдеркемен, Ушбален, Шелинген	Шарупов (Шарапов) Симон Прокопьевич, д. Кейно, 16 рота, плен 7 августа 1914, л. в. Гейберг	Вологодская губ., Великоустюжский уезд, Нестеферовская вол. — была д. Княгинина, д. Нечино и Кейно не было

¹ Сокращения: вол. — волость; губ — губерния; д. — деревня; л. в. — лагерь военнопленных; ст. — старший; у-оф. — унтер-офицер.

Окончание табл. 4

Источник			Примечание
Метрические книги [2, д. 1907, л. 11 об.—14]	Список потерь [1, ф. 16196, оп. 1, д. 240, л. 17 об.—19]	Картотека бюро потерь	
Шошкин Андрей Дмитриевич, рядовой, 16-й роты, д. Симушинской (вол. не указана), убит и похоронен 31 августа у д. Герау в Восточной Пруссии	Шошкин Андрей Дмитриевич, ст. у-оф., Забелинской вол., д. Бернятино, убит 7 августа в районе Мальвишкен, Эдеркемен, Ушбален, Шелинген	Шошкин Андрей, у-оф. 16 р., плен под Гумбинненом; л. в. Вормс, Ветцлар, Нейгаммер	Вологодская губ., Великоустюжский уезд. Рядовой. В Забелинской вол. была д. Семушинская; в Шемогодской вол. была д. Бернятино. В списке потерь деревня перепутана с Каняево

Таким образом, предлагаемые на согласование списки не могут претендовать на абсолютную полноту и точность вследствие неполноты и неточности исходных оригинальных документов. В то же время, по мнению автора настоящей статьи, описанный выше подход к обработке исходных документов и сами эти документы на сегодняшний день и в обозримом будущем остаются наиболее точной основой для формирования списка имен российских воинов, похороненных на 11 воинских захоронениях (табл. 2) периода Первой мировой войны в рассмотренном нами районе Ушбаллен — Мальвишкен — Эдеркемен.

Список источников

1. *Российский* государственный военно-исторический архив.
2. *Центральный* государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19. Оп. 128.
3. *Dehnen M.* Die Kriegsgräber in Ostpreussen von 1914/15. Würzburg, 1966.

Об авторе

Валерий Вячеславович Гусаров — директор по качеству АО «НПО «ЦТС», Гусев Калининградской области, Россия.

E-mail: gusarov@dtvs.ru

V. V. Gusarov

JSC “NPO ‘CTS’”

MAINTENANCE OF WORLD WAR I MILITARY BURIAL SITES: THE EXPERIENCE OF “TECHNOPOLIS GS”

This article examines the experience of a volunteer movement focused on the maintenance of World War I military burial sites, initiated with the support of the GS Group holding company. In 2013, the company restored five abandoned World War I burial sites in the Kaliningrad region and encouraged its employees to voluntarily maintain these sites in a dignified condition. The article also presents methods used to identify the names of fallen soldiers, which were inscribed on epitaphs during the restoration of the graves.

Keywords: *World War I, military burial sites, burial site maintenance, commemoration of soldiers' names*

The author

Valery V. Gusarov, Quality Assurance Director at JSC “NPO ‘CTS’,” Gusev, Kaliningrad Region, Russia.

E-mail: gusarov@dtvs.ru

УДК 371.671.11:94(100)"1914/18"

А. Д. Гронский

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений РАН*

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ОТРАЖЕНИИ УКРАИНСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ

Проанализирована информация о Первой мировой войне, содержащаяся в украинских и белорусских школьных учебниках. Выбраны учебники, актуальные на момент написания статьи (2024 г.). В Белоруссии это учебник по истории Белоруссии для 8-го класса, изданный в 2018 г., и учебник по истории Белоруссии для 11-го класса, изданный в 2021 г. На Украине Первая мировая война описана в учебниках по истории Украины для 10-го класса, изданных в 2023 г.

Ключевые слова: *Первая мировая война, белорусские школьные учебники истории, украинские школьные учебники истории*

Системы школьного исторического образования в Белоруссии и на Украине различаются. В Белоруссии изучение истории происходит в двух концентриках: с 5-го по 9-й класс школьники изучают всемирную историю с древности до современности (отечественная история изучается с 6-го класса), а в 10—11-х классах школьники повторяют изученное ранее. Таким образом, белорусские школьники осваивают материал по истории Первой мировой войны в 8-м и 11-м классах. На Украине история преподается линейно в одном центре. Поэтому Первая мировая война представлена в учебниках 10-го класса. Однако в Белоруссии для каждого класса существует всего

© Гронский А. Д., 2024

один учебник по предмету, а на Украине — несколько, из которых можно выбирать. Поэтому ту же Первую мировую войну украинские школьники в разных учебных заведениях могут изучать немного по-разному — в зависимости от того, какой из вариантов учебников используется для обучения. Удалось обнаружить, как минимум, два учебника по истории Украины для 10-го класса стандартного уровня и один — профильного уровня.

Первая мировая война и для Украины, и для Белоруссии является «не своей» (о концепции «своей / не своей» войны см.: [4]), то есть она не дает примеров героической борьбы за «свое» национальное государство, поскольку армии воюющих сторон не сражались за независимую Белоруссию или Украину. Особенно стоит история легиона Украинских сечевых стрельцов. Хотя легион был частью австро-венгерской армии, но в украинских учебниках оно представлено не как «национальное подразделение императорской (то есть австро-венгерской. — А. Г.) армии», а как «украинское формирование, которое политически подчинялось Главной украинской раде» [2, с. 15; 3, с. 15]. То, что Первая мировая война не имеет героического потенциала для украинской национальной пропаганды, подтверждается и цитатами из учебников, где говорится, что украинцы не имели собственного государства, поэтому гибли за чужие интересы [2, с. 9; 3, с. 9; 9, с. 15].

Любая война в первую очередь — это боевые действия. Естественно, они отражены в школьных учебниках обоих государств. Однако стоит заметить, что это не основная тема учебников. Естественно, о них повествуется, но делается это достаточно отстраненно. Учебники перечисляют сражения в хронологическом порядке, указывая, когда они были и чьей победой закончились, а также описывают положение сторон после окончания того или иного сражения. «Своей» стороны конфликта учебники не определяют. Хотя некоторые различия в оценке событий белорусскими и украинскими учебниками присутствуют. Так, белорусские учебники, описывая боевые действия, все же представляют русскую армию менее «чужой». Объясняется это достаточно просто — именно в нее мобилизовались жители белорусских губерний, именно в ее составе они

совершали подвиги и получали награды. Учебник даже упоминает фамилии ряда уроженцев белорусских территорий, получивших награды за подвиги [7, с. 126]. Помимо того, учебник делает реверанс в сторону русской армии, отмечая ее героическую оборону под Сморгонью и оборону крепости Осовец [Там же, с. 125]. Если упоминание Сморгони вполне понятно — после распада СССР город находится на территории Белоруссии, поэтому события вокруг него воспринимаются как часть белорусской истории, — то крепость Осовец в настоящее время находится в Польше. В то же время Осовец можно отнести к белорусской истории. В частности, в период Первой мировой войны территория, где расположена крепость, входила в состав Гродненской губернии, а современный Гродно — белорусский областной центр. Помимо того, комендант крепости генерал Н. А. Бржозовский был выпускником Полоцкого кадетского корпуса, что отмечено в учебнике [Там же, с. 125—126]. Поскольку Полоцк в настоящее время является районным центром в Витебской области Белоруссии, получается, что Бржозовский закончил «белорусское» военно-учебное заведение. Таким образом, описание сражений в белорусских школьных учебниках относительно отстраненно, но преподносится с некоторой симпатией к русской армии.

Украинские школьные учебники описывают события полностью отстраненно. Это объясняется тем, что современные украинские территории в то время принадлежали как Российской, так и Австро-Венгерской империям, то есть противоборствующим сторонам в Первой мировой войне. Поэтому жители Карпат или Галиции призывались в австро-венгерскую армию, а жители Волыни, Подолья и других территорий — в русскую. Однако, как упоминалось выше, для украинской пропаганды в Первую мировую войну все же существует повод для гордости — легион украинских сечевых стрельцов. Ему посвящены отдельные вопросы [3, с. 25—26] и параграфы [Там же, с. 29—33]. Повествование в учебниках построено таким образом, что школьникам предлагают гордиться не русской или австро-венгерской армией, а отдельным формированием, которое якобы является «первым в новейшей истории украинским национальным войском» [2, с. 29; 3, с. 29].

Более подробно и эмоционально учебники обеих стран описывают положение мирного населения во время войны. Естественно, что учебники каждой из стран пишут только про «свое» население, не указывая, что подобная судьба постигла подавляющее большинство мирных жителей Российской империи, оказавшихся в пределах прифронтовой полосы. Поэтому при прочтении учебников одной из стран создается впечатление, что страдало только «ее» население. Хотя при сравнении описанного в белорусских и украинских учебниках положения населения, затронутого войной в Северо-Западном или Юго-Западном краях Российской империи, можно понять, что страдали гражданские лица примерно одинаково во всей прифронтовой зоне. При этом следует учитывать, что в белорусских учебниках описывается положение мирного населения на неоккупированной территории белорусских губерний, а также положение населения под немецкой оккупацией. Украинские же учебники затрагивают помимо того, темы положения населения Галиции и Прикарпатья (то есть «австрийской Украины») в период контроля этих территорий русской армией, а также после ухода русских оттуда.

Отдельные абзацы в параграфах учебников посвящены беженцам. Люди, покидавшие свои дома и уходившие на восток вместе с отступавшей русской армией, естественно, имели ряд проблем, связанных с изменением их положения. Эти проблемы перечисляются в учебниках обеих стран. Школьники узнают о страданиях беженцев, отсутствии помощи со стороны государства, попытках чиновников, использовавших служебное положение, заставить беженцев работать за минимальную оплату, болезнях, голоде, смерти и т. п. [2, с. 27; 3, с. 27; 5, с. 110; 7, с. 128; 9, с. 38—39].

При этом все учебники умалчивают о том, что государство пыталось обеспечить беженцев необходимым минимумом. Их размещали в губерниях Центральной России, обеспечивали работой, предоставляли социальные гарантии. Однако эти заботы правительства полностью проигнорированы в учебниках. Видимо, в данном случае работает схема, сложившаяся еще в советской историографии и рассматривающая Российскую империю как государство прямо противоположное СССР в своем

отношении к собственному населению. Оценки Российской империи в историографиях постсоветских Украины и Белоруссии не слишком изменились, хотя отчасти приобрели большую объективность. Помимо того, Российская империя рассматривалась в советское время как «тюрьма народов», что перенеслось и в постсоветские национальные историографии молодых локальных государств. А государство с таким имиджем в принципе не должно заботиться о своих подданных, если они не великорусы. Этот традиционный взгляд на Россию сохраняется, но не всегда явно подчеркивается.

Оставшиеся в прифронтовой полосе жители западной части империи оказались в ситуации ограничения своих свобод. Близкая линия фронта и военное положение давали о себе знать. Описание положения населения в прифронтовой полосе представлено в виде перечня проблем и ограничений [2, с. 27; 3, с. 27; 5, с. 108—110; 9, с. 31—33]. По сути, наполнение постсоветских белорусских и украинских учебников мало чем отличается от советской трактовки положения беженцев и оставшегося в прифронтовой полосе населения [1, с. 129—130; 6, с. 49].

Западная часть современной Белоруссии и ряд российских губерний, на территории которых сейчас располагается Украина, оказались в зоне оккупации. Белорусские губернии были оккупированы немецкой армией, малороссийские — австро-венгерской. В описании положения русских подданных на оккупированной территории белорусские и украинские учебники различаются.

В белорусских учебниках описаны страдания местного населения, которые принесла немецкая оккупация [5, с. 110]. Жестокие законы, насилие над мирными людьми, эксплуатация, вывоз в Германию оставшегося промышленного оборудования, сельскохозяйственной продукции, лесного сырья и т. д. — все это перечислено в белорусском учебнике как иллюстрация ситуации в оккупированной части белорусских земель [7, с. 127—128]. Более того, учебник указывает, что немцы вывозили в Германию население в качестве рабочей силы [Там же, с. 128]. Эти сведения отчасти перекликаются с данными, которые представлены в учебном материале, посвященном описанию положения

белорусского населения на оккупированных немцами в период Великой Отечественной войны территориях [5, с. 128—132; 8, с. 70—75]. Разница заключается в том, что во время Первой мировой войны оккупанты не руководствовались человеконенавистнической теорией о неполноценных народах, поэтому опасность физического уничтожения мирного населения в Первую мировую войну была ниже. В белорусских учебниках при описании положения на оккупированных территориях в период Великой Отечественной войны сравнение с положением во время Первой мировой не проводится. В целом такое сравнение описаний позволяет обратить внимание на сходство некоторых жизненных ситуаций, в которых находилось мирное население на оккупированной территории.

Малороссийские губернии были оккупированы в основном австро-венгерскими войсками. При сопоставлении с описанием положения гражданских лиц на оккупированной территории украинские учебники разительно отличаются от белорусских. В первых описание положения малороссов-украинцев, попавших под австро-венгерскую оккупацию, попросту отсутствует. О том, что австро-венгерская армия захватила малороссийские губернии России, учебники сообщают, но как жилось на этих территориях местному населению, остается непонятным. Только в одном документе, представленном не во всех украинских учебниках, эта тайна приоткрывается. В параграфе, ориентированном на практическую работу, то есть состоящем из перечня исторических источников и заданий для работы с ними, есть единственное упоминание о ситуации, сложившейся на территориях, оккупированных австро-венграми: «не было, кажется, ни одной церкви, ни одного села, где бы не лежала печать насилия и грабежей... Австрийцы забрали всё, что попало им под руку» [2, с. 40; 3, с. 38]. Однако это единственный документ, который легко теряется среди других представленных исторических источников, характеризующих повседневность того времени.

Области, находящиеся на западе сегодняшней Украины, в Первую мировую войну принадлежали Австро-Венгрии. Там также жило население, которое украинские учебники записывают в украинцы. Было бы логично описать его положение в

период войны до момента, когда эти земли перешли под контроль русской армии, во время этого контроля и после того, как русские войска покинули территорию. О том, как чувствовало себя население на прифронтовой территории Австро-Венгрии, украинские учебники не сообщают. Зато достаточно эмоционально описан период русского контроля этих территорий. Русские войска, по мнению украинских авторов, занимались лишь грабежами и насилием над мирным населением. Особенно насилию подвергались евреи. Русская администрация высылала вглубь России сознательных украинцев, в том числе пострадал и придерживавшийся украинских националистических взглядов греко-католический митрополит Андрей Шептицкий. Русская администрация завозила в школы русские учебники. Отступая, русская армия грабила население и совершала насилия [2, с. 21, 24; 9, с. 25—26]. Очень показателен один из вопросов к параграфу, в котором содержится информация о функционировании русской администрации в Галиции. Вопрос звучит так: «Проанализируйте политику русского правительства на захваченных территориях. Сравните действия русской армии на украинских территориях во время Первой мировой войны и во время русско-украинской войны начала XXI в.» [2, с. 22; 3, с. 22]. Таким образом, украинский учебник, конструируя негативное представление о русской армии в период Первой мировой войны, переносит это же представление на действия русской армии периода специальной военной операции на Украине.

После возобновления австро-венгерского контроля над территориями Галиции и Прикарпатья начались чистки тех, кто сотрудничал с русской администрацией или симпатизировал России. Украинские авторы утверждают, что помимо пророссийски настроенных русинов под репрессии попадали и многие украинцы [9, с. 26]. Указывали австро-венгерским властям на таких украинцев как на неблагонадежных якобы чиновники польского происхождения, поскольку польский и украинский национализмы конкурировали между собой. В учебниках упоминается, что для репрессий австро-венгерское правительство создало сеть концентрационных лагерей, самым известным из которых был Талергоф. И якобы по доносам поляков в Талер-

гоф попадали лояльные Вене украинцы [2, с. 22]. Интересно отметить, что украинские учебники полностью игнорируют тот факт, что в австро-венгерских концлагерях содержались русины, которые отрицали украинскую идентичность, а попадали они в лагерь по причине массовых доносов на них именно украинских националистов. То есть именно носители украинской идентичности доносили на носителей русской идентичности, после чего последние оказывались в концлагерях. Русины в данном случае являлись жертвой украинцев, но в учебниках этот факт полностью игнорируется. Информация же подается таким образом, что украинские националисты из палачей превращаются в жертв.

Подобное изменение оценок на противоположные встречается в украинских учебниках при описании еще одного события, но связанного уже с Великой Отечественной войной, — массовых расстрелов в Бабьем Яре. Это урочище в северо-западной части Киева стало с 1941 г. братской могилой для огромного количества людей, в первую очередь евреев; также там уничтожались цыгане, советские военнопленные, люди с психическими заболеваниями. Помимо того, в Бабьем Яре было расстреляно некоторое количество украинских националистов. Украинские учебники подчеркивают факт расстрела украинских националистов, создавая вокруг них ореол жертв, не указывая, что массовые расстрелы проводили не только немцы, но и собственно украинцы. Палачей Бабьего Яра все украинские учебники называют оккупантами [2, с. 298; 3, с. 281; 9, с. 252]. Это намекает только на немцев, поскольку украинцы не могли быть оккупантами на Украине. Таким образом, украинский национализм снова превращается исключительно в жертву, без упоминаний о том, что украинские националисты также были палачами в Бабьем Яре. Попытка скрыть преступления украинского национализма, представить палачей жертвами, зачастую невинными и случайными, можно сказать, является типовой в украинских учебниках.

И белорусские, и украинские учебники при описании Первой мировой войны уделяют внимание состоянию своих национализмов, называя их национальным или национально-освободительным движением.

Характеристики того и другого национализма в белорусских и украинских учебниках похожи, доминируют положительные, в крайнем случае нейтральные, оценки. В частности, украинские учебники, описывая начало войны, указывают, что часть украинских националистов — подданных России — солидаризировалась с российским правительством. Это сделал даже С. В. Петлюра [2, с. 12; 3, с. 12; 9, с. 16]. Но российские власти начали переселять украинских активистов вглубь империи, закрывать украинские организации, журналы и газеты [2, с. 13; 9, с. 16]. Учебники не объясняют, что украинские организации вызывали у российской администрации вполне обоснованные подозрения в нелояльности, поскольку они были связаны с украинскими организациями в Австро-Венгрии, которые открыто поддержали противников России и, более того, объявили, что «победа австро-венгерской монархии будет нашей победой» [2, с. 14], «победа Австро-Венгрии станет нашей победой» [9, с. 17]. Интересно, что украинские националисты однозначно указывали на то, кто представляет для них бóльшую опасность: «Немцы нам не страшны, [русские] страшны, но не потому, что они нас обрусят, если не обрусил нас за 250 лет, то не смогут обрусить. Они страшны нам своей некультурностью, под московским господством наш народ не развивался, а понизился культурно...» [9, с. 17]. Некоторые украинские организации объявили о своем нейтралитете [3, с. 12; 9, с. 17].

Белорусский национализм отнесся к началу войны сдержанно. Белорусские учебники отмечают, что белорусская националистическая газета «Наша нива» заняла антивоенную позицию [5, с. 109], «осуждала войну и показывала ее бессмысленность» [7, с. 125]. Описывая положение белорусских националистов на оккупированной немцами территории, авторы учебника не упоминают об их коллаборационистских практиках, представляя националистов как жертв обстоятельств, страдавших вместе с собственным народом и желавших как-то облегчить народные страдания [7, с. 129]. Причина этому достаточно проста — эти люди воспринимаются пропагандой как «будители», носители национального сознания, поэтому априори они не могут оцениваться отрицательно. Однако в истории белорусского наци-

анализа был еще один похожий сюжет — сотрудничество с оккупантами в период Великой Отечественной войны. Война изучается в белорусской школе в 9-м и 11-м классе. В данном случае белорусский учебник для 9-го класса вообще не поднимает этот сюжет [8], а учебник для 11-го класса оценивает данное сотрудничество негативно [5, с. 132]. При этом необходимо понимать, что оккупационной силой в обоих случаях была Германия, а среди белорусских коллаборационистов были и те, кто сотрудничал с оккупационными войсками в обеих войнах. Тем не менее сотрудничество белорусского национализма с немцами против Российской империи белорусскими авторами учебников не критикуется, а сотрудничество против СССР уже подвергается критике.

Украинские учебники в этом отношении более прямолинейны. Никакой коллаборационизм украинских националистов, будь они подданные Российской империи или граждане СССР, не критикуется. Поэтому в учебниках, описывающих как Первую, так и Вторую мировую войну, украинский национализм оценивается положительно. Россия (в разных ипостасях — Российской империи, СССР, современной Российской Федерации) преподносится как явный или скрытый вечный враг, поэтому борьба с Россией в любом случае оценивается авторами этих учебников положительно.

В учебниках обеих стран представлен и сюжет попыток становления собственной государственности. Белорусские учебники подробно описывают хронологию изменений требований белорусских националистов от проектов создания совместного с соседями государства до призывов к формированию собственно белорусского национального государственного образования. При этом игнорируется то, что белорусские националисты были подданными Российской империи, то есть продвижением своих проектов они, по сути, работали на противника, выступая против территориального единства своего Отечества в период войны. Это белорусские учебники никак не комментируют.

Украинские учебники также описывают борьбу украинских националистов за украинскую автономию и независимое укра-

инское государство. При этом большинство тех, кого украинские учебники причисляют к украинцам, проживало на территории Российской империи, то есть именно Россия была Отечеством для большинства украинцев того времени. Тем не менее украинские националисты делали ставку на Центральные державы и связывали реализацию своих национальных проектов с поражением России [9, с. 17].

Также украинские националисты пытались заинтересовать собой европейские государства, распространяя информацию, что после войны независимая Украина будет функционировать как «защитный вал» от притязаний России [Там же, с. 18]. Один из учебников пишет, что в немецких кругах существовала мысль о создании независимой Украины как «фактора ослабления России и препятствия для ее непосредственного влияния на Европу». Далее в учебнике сказано, что «это желание объективно совпадало с главной целью украинского национально-освободительного движения» [Там же, с. 15]. Формулировка предложения создает впечатление, что главной целью украинского национализма было не собственно создание независимой Украины, а именно Украины как фактора ослабления России. Таким образом, информация, тиражируемая в антиукраинской публицистике, о том, что актуализация украинского вопроса была в интересах германской внешней политики, частично подтверждается прямо в украинском учебнике истории.

В целом описание Первой мировой войны в украинских и белорусских школьных учебниках истории отчасти совпадает по наполнению — боевые действия представлены как борьба «не своих» государств и армий, большое место отведено описанию страданий «своего» местного населения, также подробно описаны положение белорусского и украинского национализмов и их сепаратистская деятельность, не называемая, однако, сепаратистской. Также упомянуты проекты создания собственных государств за счет расчленения России с опорой на Центральные державы. Тем не менее для белорусских учебников характерна более корректная подача событий Первой мировой войны. Несмотря на одинаковый шаблон представления фактов (меньше о боевых действиях, больше о страданиях «своего»

народа; некритическое описание сепаратистских устремлений националистов), белорусские учебники менее идеологичны и более корректны.

Список литературы

1. *Абецедарский Л. С., Баранова М. П., Павлова Н. Г.* История БССР : учебник для учащихся средней школы: [перевод]. Изд. 4-е с 3-го белорусского. Минск, 1978.

2. *Власов В., Кульчицкий С., Панарін О.* Історія України. Профільний рівень : підручник для 10 класу закладів загальної середньої освіти. Київ, 2023.

3. *Власов В., Кульчицкий С., Панарін О.* Історія України. Рівень стандарту : підручник для 10 класу закладів загальної середньої освіти. Київ, 2023.

4. *Гронский А.* «Свои» и «не свои» войны в белорусском идеологическом дискурсе // *Словесно-исторические научные чтения им. Т. Н. Щипковой. Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности : сб. науч. ст. / под ред. А. В. Щипкова. М., 2020. С. 59—68.*

5. *История* Беларуси, XIX — начало XXI в. : учеб. пособие для 11-го кл. учреждений общего среднего образования с русским языком обучения / А. В. Касович [и др.] ; под ред. А. В. Касовича, А. П. Соловянова. Минск, 2021.

6. *Лось Ф. Е., Спицкий В. Е.* История Украинской ССР : пособие для 9—10 классов средней школы. Изд. 5-е. Киев, 1972.

7. *Панов С. В., Морозова С. В., Сосно В. А.* История Беларуси, конец XVIII — начало XX в. : учеб. пособие для 8-го кл. учреждений общего среднего образования с русским языком обучения / под ред. В. А. Сосно ; пер. на рус. яз. О. Р. Ермакович, В. М. Иванова. Минск, 2018.

8. *Панов С. В., Сидорцов В. Н., Фомин В. М.* История Беларуси, 1917 г. — начало XXI в. : учеб. пособие для 9-го кл. учреждений общего среднего образования с русским языком обучения / пер. на рус. яз. О. Р. Ермакович, В. М. Иванова. Минск, 2019.

9. *Хлібовська Г., Крижановська М., Наумчук О.* Історія України. Рівень стандарту : підручник для 10 класу закладів загальної середньої освіти. Тернопіль, 2023.

Об авторе

Александр Дмитриевич Гронский — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований, Научно-исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия; заместитель заведующего Синодальной исторической комиссии Белорусской Православной Церкви.

E-mail: agronskij@yandex.ru

A. D. Gronsky

*National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences*

WORLD WAR I IN UKRAINIAN AND BELARUSIAN SCHOOL TEXTBOOKS

This article analyzes the information about World War I presented in Ukrainian and Belarusian school textbooks. The textbooks chosen are those current as of the time of writing (2024). In Belarus, the analysis focuses on the 8th-grade history textbook published in 2018 and the 11th-grade history textbook published in 2021. In Ukraine, World War I is discussed in the 10th-grade history textbooks published in 2023.

Keywords: *World War I, Belarusian school history textbooks, Ukrainian school history textbooks*

The author

Dr Alexander D. Gronsky, PhD in History, Associate Professor, Senior Researcher at the Center for Post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Deputy Head of the Synodal Historical Commission of the Belarusian Orthodox Church.

E-mail: agronskij@yandex.ru

Научное издание

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
И АКТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ УЧЕНЫХ

Сборник научных статей

Редактор *П. С. Щербаков*
Компьютерная верстка *В. В. Маханьковой*

Подписано в печать 28.10.2024 г.
Дата выхода в свет 31.10.2024 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 12,4
Тираж 1000 экз.

Федеральное государственное унитарное предприятие
«Издательство и типография газеты
«Страж Балтики» Министерства обороны Российской Федерации
(ФГУП «И и Т газеты «Страж Балтики» Минобороны России)